

**Святая Четыредесятница, содержащая
поучения на каждый день первой
седмицы, на каждую Неделю Великого
поста и на каждый день страстной
седмицы**

архиепископ Евлампий (Пятницкий)

Постимся постом приятным благоугодным Господеви.

Ныне ближайшее нам спасение: – нощь преиде, а день
приближися, отложим дела темные, и облечемся во оружие
света, яко во дни благообразно да ходим. (Рим. 13:11–15).

I. Первая седмица Великого Поста

1. Напутствие в святую четыредесятницу

Преддверия отверзшегося пощения, поприще приближается воздержание: горящим усердием восстанем, приемлюще дар Богоданный.

(Сред. сыр. утр. песн. 3-й).

Когда путешественники намереваются предпринять дальний, трудный и опасный путь: то обыкновенно рассматривают пространство предлежащего им пути, опасности и труды, на нем предстоящие, и, имея в виду главную цель путешествия, ограждают себя различными советами, предостережениями, нужными пособиями, средствами.

Чада, пекущейся о спасении нашем, св. Церкви! По гласу св. Церкви мы готовимся теперь вступить в великое поприще святой Четыредесятницы. И нам нужно обратить взор на предлежащий путь, и, имея в виду цель, с какою св. Церковь, верная наша наставница и руководительница к небу, вводит нас в великий подвиг поста, – уготовать себя, дабы вступить в оный со вниманием, шествовать бодрственно, совершить с спасительным плодом.

Велико предлежащее поприще и по продолжительности времени, а паче по важности духовных подвигов, заповедуемых нам Церковью. Это время особенно преднаписуется нам в воспоминание подвигов Самого Спасителя нашего, четыре десятидневного поста Его и спасительных страданий Его, дабы и нам, по мере возможности подражать в самоотвержении Божественному Подвигоположнику нашему. Так, – и Он Пресвятой – безгрешный, и Он Бог наш, Господь наш, Зиждитель наш постился и молился за нас, алкал и жаждал, понес искушения от диавола, скорбел, тужил, проливал слезы за нас, наконец пострадал, был распят и на кресте истощил жизнь свою ради нас. Как же нам грешным, в самих себе носящим осуждение, как нам для собственного нашего очищения не скорбеть, не тужить, не положить обуздания своим греховным склонностям, привычкам, пристрастиям, непрестанно душевые силы наши расточающим, телесные ослабляющим,

достоинства духа нашего растлевающим, и нас от истины и добра, от вечного нашего блага, – Бога неприметно всегда более и более удаляющим? Если и в это, особенно освященное на душеспасительные подвиги, время, не последуем за Спасителем нашим путем креста Его, не поскорбим с Ним, не будем участниками самым делом спасительных страданий Его: то какими устами прикоснемся к пронзенным ребрам Его, как облобызаем живоносные язвы Его, с каким чувством поклонимся страстям Его, как ощутим радость светоносного воскресения Его?

Пост Четыредесятницы есть священное время духовных подвигов для христиан. И св. Церковь так приучила нас от юности взирать на оное, что часто мы сами этого времени ожидаем для исполнения благих наших намерений, дабы в это благотишное и спаси тельное время, как обуреваемым собраться в пристанище, как больным уврачеваться от ран, как блуждающим взыскать путь истины и утвердиться на нем.

Потому-то св. Церковь, как мудрая детоводительница, постепенно ведя нас к духовному совершенству, но и ведая поползновенность нашу ко греху, преднаписует нам особенно в сие время пост, для очищения нашего тела и телесных чувств, преднаписует умиленную и сокрушенную молитву, для очищения нашего духа и внутренних чувств, преднаписует безмолвие и уединение, дабы в отрешении от молвы житейской беспрепятственное приближаться к Богу, наконец преднаписует покаяние и внешнее исповедание грехов, дабы нам в истинном раскаянии и чистой совести, сложив с себя множество грехов и прегрешений наших, примириться с Богом, потщиться достойно ходить пред Ним во всяком деле благом и достигать в един дух с Господом чрез приобщение спасительных страданий и живоносного воскресения Его.

Итак, при самом входе во святое поприще чистым усердием уготовим себя к носильному подвигу поста, дабы воздержанием очистить и внешние и внутренние чувства наши, и будем просить Господа, да укрепит нас благодатной силой своей, чтобы, сколько возможно, каждому из нас уврачевать, исправить, исцелить в себе тот душевный недуг, ту немощь

сердца, ту болезнь духа, которые всего более омрачают наш ум, растлевают наше сердце, и производят нестроение во всей жизни и делах наших. С такими расположениями при помощи Божией надлежит нам вступить в предлежащее поприще!

Но дабы спасительный путь воздержания и очищения совершать с благодатным плодом: то, как чада послушания, отложив всякое несогласие и немиролюбие, всякое нарекание и прекословие против ближнего, тем паче всякое возношение и враждование, в духе незлобия, мира, любви вступим в предлежащий подвиг. Делание духовное, не как дело телесное, и при глубоком уединении, при напряженнейших усилиях и при внешнем мире, но среди внутренней вражды и несогласия нельзя совершать благоплодно. Только в союзе любви и мира можно истинно служить Богу любви и мира. Мир и согласие на поприще поста будут укреплять нас в терпении, облегчать в трудах послушания, утверждать в чувствованиях смирения, будут питать в нас дух молитвы: мы с откровенным лицом будем представлять пред лице Господа и в частной, – домашней, и общей молитве в храме, и в чувстве упования с дерзновением взывать к Отцу Небесному: Отче Небесный! Остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим.

Вступим же радостно в поприще поста, как в поприще благодатного просвещения ума, очищения сердца, укрепления к добру воли, исправления господствующих в нас слабостей и пристрастий; вступим в упование на Бога, в глубоком внимании к себе, в благой решимости духа на всякое добро пред Богом; вступим во взаимном мире и любви. Совершая так поприще святого подвига, мы сподобимся благодатью Христовою с чистым сердцем сретить радостный день Воскресения Христова, во внутреннем чувстве услышать сладостный глас воскресшего Господа, приветствовать друг друга с радостью воскресения Христова, а в глубине духа ощущать начатки блаженной радости будущего нашего воскресения.

Настави нас, Господи, на путь твой, и пойдем во истине твоей; Аминь.

2. Глас взаимного прощения при вступлении в св. четыредесятницу

Отче Небесный! Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим.

Живя в обществе, как в великом доме и семействе, и долженствуя всемерно исполнят обязанности наши к Богу во славу Его, к ближним во благо и назидание их, к самим себе в благоустройство временной жизни и вечного спасения нашего, и потому долженствуя жить благоугодно Богу, благополезно и назидательно для ближних, непорочно в отношении к самим себе, а вопреки тому, живя противно Богу, соблазнительно для ближних, губительно для собственного спасения, сколько, мы нашими слабостями и пороками, нашим неблагочестием и легкомыслием, нашим небратолюбием и рассеянностью, нашим своеволием и самоугождением, сколько накопляем грехов! Накопляем как бесчисленное множество долгов.

Чем же мы воздадим за оскорбление святости и правды Божией, чем удовлетворим за нарушение обязанности святой любви к ближним нашим, чем вознаградим опущения, тяжкие, неоплатные опущения в отношении к созиданию собственного нашего спасения? Чем оплатим эти нравственные, – душевые и духовные долги наши, за неуплату которых угрожает нам преисподня темница вечного отчуждения от Бога, состояние осуждения и геенских мук? Нет никакой для нас возможности удовлетворить за оные самым делом, действительным с нашей стороны заглаждением, очищением. Одно только средство: просить Отца Небесного простить нам долги наши и в милосердии Отца Небесного и самим нам взаимно простить друг другу прегрешения.

Вступая ныне в поприще св. поста, – как в поприще очищения пред Богом и примирения друг с другом, признаем себя в смирении и унижении неоплатными, безответными должниками перед Богом, тяжкими друг перед другом; искренно исповедаем тайные грехи наши перед Богом, и простим, возлюбленные отцы, братия и чада о Господе, простим от

сердца друг другу не только поношения и оклеветания от неправедного видения, слышания, глаголания, принятые нами, но и всякие обиды и озлобления. Не простим только себе, а будем самих себя нещадно судить, осуждать, обличать, дабы непрестанно видеть перед собой грехи наши, во всей живости чувствовать и в болезненном сознании обносить оные всюду и всегда сознавать их перед Богом и человеками.

Итак, стоя на пределе святого поста, как на суде, Божием, возопием и будем в умилении и сокрушении вопиять к Небесному Отцу: Отче Небесный! благостью Единородного Сына Твоего и благодатью Пресвятого Духа отпусти нам бесчисленные долги наши! Обратимся и друг к другу в кротости и смирении, в унижении и самоосуждении и испросим и дадим взаимно от сердца оставление и в всепрощении речем все и каждый друг к другу: братия и друзья, простите мне во Христе прегрешения мои, коими я оскорбил, вас волею и неволею, и – Преблагий услышит смиренную молитву и искреннее исповедание наше, благоутробно примет пощение и говение наше к очищению душ и телес наших, и Свою благодатью, милостью и человеколюбием простит и помилует всех нас. АМИНЬ.

3. Навечерие святыя четыредесятницы

Прииде пост, мами целомудрия, обличитель грехов, проповедник покаяния. (На стих. самогл. понед. 1-й нед. поста).

Когда день склоняется к вечеру, солнце скрывается за небосклон, ночные тени упадают на землю, дневной труд прекращается, шум умолкает, все притихает: тогда мы чувствуем присутствие ночи и спешим на покой.

Настоящий вечер и вечернее молитвенное собрание преимущественно призывают нас к тишине, к миру, к покою; к тишине сердца, к миру совести, к покою в Боге, к прощению с близкими, и по истине прекращает молву суетности и волнение рассеянности, утишает дневной шум мирских забав и увеселений, и как предвестник общей смертной ночи, от треволнения страстей вводит нас в благотищное пристанище душевного покоя.

В самом деле, сколько в предшествовавшие дни, или лучше, в предшествовавшее время было, между нами, шума житейской молвы и рассеянности, пышности и великолепия, ликований и суетных увеселений, сколько кипения страстей, и вместе с тем сколько огорчений, раздражения, ревности, зависти? Ибо чем больше мирских сборищ и увеселений, тем больше и празднословия, а чем больше празднословия, тем больше и пересудов, осуждения, разногласия, следовательно и раздражения, и нестроения.

Все это да прекратит, по гласу св. Церкви, эта ночь, предуготовительница светлого дня св. поста. Прекратим наши забавы, отвергнем увеселения, оставим суетную заботу о убранстве и украшениях. Умоем лицо наше водою умиления, облечемся в одежду смирения, препояшемся бодрственностью и трезвением, мысли наши соберем из рассеяния, сердце отвлечем от предметов пристрастия, волю укрепим к отриновению чувственных слабостей; обратимся к Богу мыслями, приблизимся к Нему расположениями сердечными, имеемся за Него всею верою, надеждою и любовью, и – Он призрит на нас Свою благостью, пошлет нам сокрушение и

умиление, и даст предлежащее поприще совершить во благоугождении Ему ко очищению душ и телес наших.

Мы своевольно грехами и беззакониями своими удалились от Бога; надлежит нам добровольно и приблизиться покаянием и исправлением к Богу, отринуть пристрастия, удаляющие нас от исполнения воли Божией, восстановить в себе владычество ума, озаботиться о чистоте сердца, о направлении к добру воли и исправлением приблизившись к Богу, примириться незлобием и смирением и с ближними, примириться самоосуждением и самоуничижением и с самими собою.

Как после бурного плавания в море житейских страстей и суетности намереваясь вступить в благотишное пристанище благоугождения Господу, возопием Ему из глубины сердец наших: Господи, Сердцеведче! прости нам прегрешения наши, которыми мы оскорбили святость и благость Твою, прости и согрешения, которыми оскорбили друг друга, и введи нас в мире, незлобии и всепрощении в благотишное пристанище святой Четыредесятницы. Простим и все друг другу от сердца прегрешения наши! Аминь.

4. Понедельник первой недели поста

Светло усрящим поста вход, верни, и да несетуим, но омыим лица наша безстрастия водою.

(Пон. 1 седм. утр. троп. пес. 8).

Великое предприятие требует и великого приготовления; трудное дело требует и многих средств. Предлежащее поприще св. Четыредесятницы, на которое извела нас ныне св. Церковь, как особенное поприще подражания четыредесятодневному посту Спасителя, как подвиг нарочитого очищения души, есть подлинно подвиг не малый, дело не легкое для немощи нашей. А потому св. Церковь, как мудрая детоводительница, издалеча приуготовляла нас к сему подвигу, приуготовляла в течение четырех мимо шедших седмиц самыми поучительными примерами и преднаписаниями. Приуготовляла нас на смиренный путь Христов уничожением надменного, фарисейского самооправдания и оправданием смиренного мытарева самоосуждения. Приуготовляла для обращения к Отцу Небесному самым утешительным примером обращения блудного сына, по легкомыслию юношескому оставившего дом отеческий, распутной жизнью расточившего все полученное имение, дошедшего до последнего состояния унижения, и, в чувстве нечаяния о себе, но в уповании прощения от Отца, опять возвратившегося в дом отеческий, и, по безпределной благости Отца, восприявшего все прежние права, все драгоценные преимущества сына. Приуготовляла к хождению в страхе и трепете перед Богом представлением пред взоры наши страшного суда, имеющего навсегда решить на блаженство или злострадание участь нашу по делам нашим. Наконец, дабы возбудить в нас печаль по Боге о потерянном нами блаженстве и воспламенить ревность к возвращению оного, в минувший день преисполняла нас печальнейшим воспоминанием о изгнании прародителей наших из рая сладости за преступление заповеди Божией, коей предпочтено злочитренное обольщение змеиное, каковое преступление и на нас всех, потомков

Адамовых, как естественное наследие, перешло и отяготело со всеми последствиями проклятия.

Таким образом св. Церковь, приуготовив нас к св. поприщу поста, как больных к врачеству, как блуждающих на правую стезю, как обуреваемых к благотициальному пристанищу, теперь отверзла нам дверь и вход, поставила нас уже на самое поприще поста, дабы вести нас в мире к преднамеренному.

Что же? С какими чувствованиями, с какими расположениями мы должны вступить в предлежащее нам поприще? С чувствованием ли скорби, – с расположением ли уныния? Нет! С чувством духовного веселия, с расположением духовного радования вступим в предлежащий нам подвиг: светло усрящим поста вход.

И не оскудеет в нас сие чувство, если мы будем взирать на предлежащий нам подвиг, как на истинный путь к духовному нашему совершенству, каковым и есть постный подвиг для нас. И что есть в истинном духе пост? Есть не что иное, как совершенное приведение самих себя в благоустроенное состояние, приведение всех сил существа нашего в мирное, согласное действование. Истинный пост есть очищение тела, просвещение души, освящение духа; есть покорение чувств разуму, разума духу, духа Духу Божию. Истинный пост есть устроение тела нашего в храм Божий, устроение души во святилище благодатных даров Св. Духа, – истины, правды, святости; устроение духа во един дух с Господом, дабы Дух Христов действовал в нас и еже хотети и еже деяти о благоволении, и мы бы не к тому себе жили, но умершему за нас и воскресшему. Словом: истинный пост есть благоустройство себя благодатным воздержанием и молитвенным очищением в состояние духовного совершенства, где мы вводимся в Эдем правоты ума, чистоты сердца, непорочности жизни, где слышим не грозный глас Бога – Судии, но сладостный глас Бога Отца, кротким словом Сына и тихим дыханием Духа Святого влекущего нас в любовь к Себе, и сим благодатным влечением призывающего нас работать Ему со страхом и радоваться с трепетом.

Любим ли мы жизнь? Желаем ли истинного здравия тела, чистоты души, освящения духа? Будем взирать на пост, как на священное и вместе необходимое средство для облечения в Богосветлую одежду первобытной чистоты и непорочности, и пост предстанет нам, как Ангел света, с приветным видом радости, дабы ввести нас внутрь рая духовного и показать путь к древу жизни, – явится нам пост вожделенным, уладительным для духа нашего !

Конечно, не совсем приятен пост для нашего внешнего, от плоти и крови рожденного, и по похоти плоти, похоти очес и гордости житейской живущего и действующего в нас человека. Пост для воздержания тела требует обуздания чувств во внешних наслаждениях. Это тяжело для похоти плоти. Пост для очищения души требует непрестанного укрощения суетных помыслов, желаний, стремлений. Это мучительно для похоти очес, хотяющей все видеть, все знать, все по своему сделать, и во всем по-своему успеть. Пост требует смирять себя во всем и пред всеми, всегда и везде, внешне и внутренне, в словах и мыслях. Это противно житейской гордости нашей. И потому пост неприятен для нашего ветхого, душевного человека.

Но для того и подвиг, чтобы подвизаться. Для того поприще чтобы тещи; для того пост, чтобы распинать плоть со страстями и похотями, чтобы покорить плоть разуму, разум очищенному, облагодатствованному духу, дух наш, духу Божию и Христову. Труды приобретают покой, подвиги-славу, терпение – совершенство, верность в подвигах – венец от Христа, Его блаженное, преискреннее общение и любовь. А сего что выше, сладостнее, вожделеннее? Приятно трудиться из любви для любимого. И для любви, особенно духовной, небесной, Божественной нет ничего трудного.

Сего-то залога любви от нас требует, ожидает, а паче просит любовью – Божественный любитель душ наших Христос!

И так вступим, по благодати Божией, в подвиг поста, как в подвиг духовного совершенства, в веселье духа, и в крепости любви, – в любви к Богу Отцу, давшему за нас Единородного Сына; в любви к Богу Сыну, возлюбившему нас до смерти, смерти же крестный, в любви к Богу – Духу Святому,

непрестанно возбуждающему сердца наши неизглаголанными вздоханиями любви, дабы освободить нас от работы истления в свободу славы чад Божиих (Рим.8:21). Наконец вступим в чистой, святой, тихой, мирной любви друг ко другу. Хорошо трудиться в совокупной любви; легко трудиться для Бога любви во взаимной любви; утешительно трудиться в едином духе любви для преуспеяния в Божественной любви. По сему на поприще мира и тишины да будет у нас, по Апостолу, все в мире, незлобии и любви. (1Кор. 16:14).

Тако шествуя святым поприщем в бодрости и собранности духа, шествуя в мире, единомыслии, и терпении друг друга любовью, мы не только не будем тяготиться временем св. поста, но будем желать в мыслях наших, чтобы это святое время текло тихо и мирно, дабы нам, сколько возможно, воспользоваться оным к упражнению себя в воздержании, кротости, незлобии, молитве, воспользоваться в правоте духа и чистоте намерений и для выполнения нужных и полезных! житейских наших дел и начинаний. Аминь.

5. Вторник. – время поста есть самое благоприятное время для врачевания душевных недугов

Ныне время делательное явися; – восстанем убо постящеся, принесем слезы умиления, – зовуще: согрешихом паче песка морского: но ослаби, Содетелю всех

(Конд. 2-й недели поста).

Настоящее время св. Четыредесятницы по истине есть самое благоприятное, самое спасительное для благодатного делания, для очищения душ и телес, для исцеления духовных недугов наших время; о нем то в полном смысле надлежит сказать с Апостолом: се время благоприятно, се день спасения (2Кор. 6:2). И св. Церковь к этому времени, как великому и для всех христиан особенному подвигу издалека нас приуготовляла; предуготовляла особенно в четыре ближайшие седмицы. Примером мытаря научала нас мытаревой смиренной и сокрушенной молитве; примером обращения блудного сына к отцу преднаписывала нам обращение от грехов наших к милосердию Небесного Отца; представлением страшного суда пробуждала нашу беспечность и нерадение страхом будущего осуждения, и окончательно приготавляла в ближайшую седмицу воспоминанием о плачевном падении наших прародителей, а вместе с тем и о нашем общем, всеродном падении; после чего ввела нас в предлежащий подвиг поста и покаяния для очищения грехов и прегрешений наших.

Святая Церковь, наставница и руководительница наша на пути спасения, приучила нас из детства с особенным уважением взирать на пост св. Четыредесятницы, чтобы это св. время особенно проводить в молитве, покаянии, в отложении обычных утешений; чтобы в это благотишное время собраться из обуревания житейских сует в себя, осмотрев греховные раны, позаботиться о исцелении их, сознав наше блуждение и по стропотным стезям скитание, направить стези наши на путь правый и истинный.

И кто из нас не недугует, кто не блуждает, кто не обуревается волнами страстей и пороков? Один недугует

сребролюбием, другой потопляется сладострастием, тот низвергается гордостью, иной побеждается гневом, враждой, памятозлобием; а тот в рабстве лености, рассеянности, непостоянства, легкомыслия. Грехи одних явны, и прямо ведут к осуждению, у других тайны, но тем более опасны, что скровенно искальзывают для них бездну погибели.

Что же надлежит делать? Надлежит нам и явные и тайные недуги наши врачевать. Чем? Плачем, сетованием, скорбью, самоосуждением, удалением от того, чем довели себя до духовного расстройства. Надобно обратить греховный смех в плач, преступную радость в сетование; отринув, удалив то, чем прежде себя греховно утешали и вместе разрушали, противоположными действиями должны исправлять и восстановлять себя. Рассеянность сделала нас легкомысленными, чувственные удовольствия поработили дух плоти, наша невнимательность к себе сделала нас слабыми в исполнении обязанностей наших, лишила обладания над собою, предала в жертву нашего самолюбия, плотоугодия, корыстолюбия. Для уврачевания этих душевных недугов мы должны собраться в себя, вспомнить о своем долге и деле, оградить все чувства воздержанием, отнять сладкопитание у нашего вкуса, сократить покой у лености, отвратить взор от обольщений, слух от обаяния, приблизиться к Богу, вперить око в созерцание везде присутствия Божия, слух преклонить в послушание слову Христову, смириться перед Богом, и в страхе Божием, очистив руки наши от неправд, ноги от стропотного течения, язык от многоглаголания и осуждения, обратить руки на благотворение, ноги на стези спасения, язык на хвалу Божию, на утверждение и назидание ближних. Ныне время делательное явися; восстанем убо постяющиеся, принесем слезы умиления, в покаянии зовуще и словом и делом: Милостише помилуй нас падших.

При вступлении в святое поприще, о том паче всего надлежит нам заботиться, чтобы это священное время душевного врачевания провести с истинною духовною пользою. Но мы не можем провести с духовною пользою это священное время, если, призвав в помощь Господа, не укрепимся твердою

решительностью внимать себе, чтобы бодренно, неослабно воздерживать себя всегда во всем опасном для внешней и внутренней чистоты нашей, если всемерно не будем возбуждать себя к благоговению пред Богом, к кротости и смирению пред близкими, если не будем ограждать себя теплою, усердною молитвою в утро, бодренным деланием во дни, строгим испытанием своего сердца и совести в нощи на ложи.

Пойдем поприщем поста, как поприщем благодатного просвещения ума, очищения сердца укрепления к добру воли; пойдем в твердом уповании на Бога во взаимном мире и незлобии друг ко другу, в благой решимости духа всеми мерами исправлять и на всякое благое дело уготовлять себя пред Богом.

Будем по возможности очищать тело наше воздержанием душу просвещать молитвою и Богомыслием; заключим чувства наши от всего вредоносного; отверзем для всего, что способно питать в нас страх Божий и умиление о грехах наших; взор наш отвратим от всего соблазнительного, от всего возмутительного для внутреннего чувства, да зрит оно паче всего распятого Господа; слух да оглашается токмо словом Божиим и благими вещаниями мира, взаимного назидания, утешения; язык наш да износит во-первых слово молитвы, потом да изрекает глаголы благоговения и страха Божия, глаголы здравого разума и благого чувства.

Так будем совершать поприще поста, чтобы, постясь телесно, поститься и духовно, и, простираясь вперед, не ослабевать в духовном течении, но, по благодати Божией, восходить от телесного воздержания к духовному, к подвигам умерщвления плоти и распинания страстей и похотей; и веруем, что Господь по мере трудов наших даст нам силу, и по мере внутреннего сетования подаст и благодатное утешение. Аминь.

6. Среда. – См. четыредесятница, как воспоминание четыредесятдневного поста Спасителя, должна быть подражанием примеру Его

Приидите, якоже Господь постом уби врага, сим и мы сокрушим его стрелы и ловления

(Вторн. 1 седм. утр. пес. 9).

И сам Божественный Подвигоположник наш Иисус Христос постом предначал великое дело спасения нашего; постом вступил в поприще спасительных подвигов искупления нашего; постом одержал первую победу над диаволом, преодолев три сильнейшие и вкупе дерзновеннейшие искушения от него.

Изнуренного сорокадневным постом Божественного Постника искуситель, во-первых, побуждал к немедленному удовлетворению томившего Его глада, льстивым внушением обратить камни в хлебы, и – отражен был словом Божиим, что человек и среди глада телесного может поддерживать жизнь свою словом Божиим. Потом поставив Подвигоположника на крыле церковном, искуситель понуждал Его броситься вниз в той уверенности, что Ангелы на руках возьмут Его, и безопасно поставят на земле. И опять отражен был словом Божиим: не искусиши Господа Бога твоего, т. е. что слово Божие воспрещает ожидать от Бога без нужды сверхъестественной помощи. Наконец искуситель, в мгновении ока показав Божественному Ратоборцу все царства земные, обещал дать Ему всю славу их, если он падши поклонится ему, думая, что уничижением вызовет Подвижника к обнаружению неведомой силы Его. Но могущественно отражен был и силою духа: прочь сатана, и силою слона Божия, что только одному вышнему Богу подобает рабское поклонение и служение. Все сии искушения преодолел Спаситель, после 40-дневного поста, словом Божиим в глубоком смирении, преодолел как человек, не показывая в Себе никакого знамения Божества, в подкрепление искушаемого человечества.

Если же и сам Господь наш постился (Мф. 4:2) четыредесять дней и четыредесять нощей, постился, и как

совершенный человек, во свидетельство первобытного совершенства восприятого Им человечества; постился, и как Искупитель наш, для очищения естества нашего, дабы и нам дать образ посильнъо делать тоже для Него, что Он творил для нас: то как не поститься нам, чувственнымъ, плотянымъ, телеснымъ, часто в жизни и делах наших вовсе духа неимущимъ?

Господь Иисус все время сорокадневного поста проводил в пустынѣ, в глубокой тишинѣ и уединеніи. Поучимся мы постом хотя со стогн и торжищ уединяться в домах наших; хотя от приметного рассеянія, от ощутительного развлечения собираясь в самих себѣ, хотя от явного разногласія, от открытого прекословія устраниТЬ и умирять себѧ. Господь Иисус, как второй Адам, постом загладил невоздержание первого Праотца нашего Адама, и показал пример преодолевать воздержанием самые необходимые потребности естества до последней возможности. Посильным постом обуздаем, отсечем хотя самые грубые требования нашего сластолюбія и сладострастія; снимем с себѧ хотя обременительную тяжесть плоти для подъятія низриновеннаго долу духа. Господь Иисус в подвиге поста победил самые тонкие искушения духа лукавого. Так и мы посильным постом отразим от себѧ хотя приметные наши страсти, которыми непрестанно искушая, и как сетями опутывая, враг наш восхищает нас, как добычу свою и предаст в рабство плоти и крови, в плен тліения и смерти. Господь Иисус, постясь как человек телесно, внутренне питался глаголами, исходящими из уст Божіих. Поучимся постом слушать с должным вниманием и назиданием Слово Божие; поучимся терпеливо, кротко, смиренно, благорассудительно выслушивать и слово человеческое из уст человеческих. Господь Иисус внешний пост соединял с внутренним Богомыслием и непрестанной молитвой к Богу духом. Мы поучимся постом совершать внешнюю молитву должным образом, и положим хотя первые начатки к обучению себѧ умной, внутренней молитве. Когда рассыпаны были Спасителем все искушения диавольские, тогда оставил Его диавол, и Ангелы приступили и стали служить Ему (Мф. 4:11). Если по благодати Божией и мы отразим постом хотя

самые открытые, плотские, – чувственные нападения на нас духа лукавого: то сделаемся доступнее для мира духовного, и облегчим на себя невидимое действие Ангелов. А если силою Христовою, среди неослабных постных подвигов, укрепимся в преодолении и тонких искушений духа нечистого, искушений самолюбия, самообольщения и самоугодия: то и нам пошлет Господь Ангелов.

Возлюбленные! Св. Четыредесятница великого поста установлена св. Церковью в благоговейное воспоминание и святое подражание подвигов четыредесятодневного поста Спасителя нашего. Пойдем святым поприщем поста, как поприщем благодатного очищения душ и телес, имея пред очами с одной стороны великую нашу греховность и нечистоту, с другой труды и подвиги Божественного Подвигоположника нашего. Хотя тихо, хотя медленно, хотя издали, но если пойдем в след Божественного Крестоносца тесным и прискорбным путем Его, пойдем за Ним подобно Петру плача, подобно женам рыдая и сетуя, пойдем за ним в сокрушении и умилении о грехах наших, пойдем, – не оставляя Его, всегда устремля взор к Нему: то веруем, что со Иисусом без труда, не тяжко пойдем, и при помощи Иисуса не вотще, и не без плода пойдем.

Но последуем сперва за Иисусом в пустыню, потщимся привести себя в тишину, уединение, собранность, дабы лучше видеть темную область грехов и прегрешений наших, и среди умиления и сокрушения, среди слез и вздоханий, путем очистительных постных подвигов шествовать за Иисусом и до вертограда Гефсиманских подвигов Его, где Он не только скорбел и тужил, но с воплем крепким и со слезами молился за нас. Колико же нам нужно, колико нам необходимо с болезнью сердца скорбеть, тужить, плакать со Иисусом ради Иисуса, во очищение множества грехов и прегрешений наших! И нужно и спасительно и сладостно скорбеть со Иисусом и ради Иисуса.

Воззовем в крепости умиления и сокрушения и устами и сердцем ко Иисусу, да ведет нас своею благодатью поприщем св. поста ко очищению душ и телес наших, и да дарует нам и святое желание и силу, и алкать и жаждать, и сетовать и скорбеть, и лишаться и страдать ради Его и ради правды Его.

Ибо верно слово, что если мы, благодатью Христовою, сподобимся быть мало елико общниками страданий Его, то сподобимся, благодатью Его, быть причастниками и славы Воскресения Его. Аминь.

7. Четверток. – Время поста, как время духовной печали, необходимо для врачевания душевных недугов

Возсия весна постная, цвет покаяния; очистим убо себе, братие, от всякия скверны.

(Сред. сырн. вечер. на стих. самогл)

Всем время, и время всякой вещи под небесем, говорит мудрый Проповедник ветхозаветной Церкви, время ликовати, и время рыдати, время убивати, время целити; время разрушати и время созидати.

(Екк. 3:3, 4)

Радостотворно сияние солнца, уладительна светлость воздуха, приятна теплота. Но что было бы с землей, что с одушевленными и неодушевленными тварями, если бы над главами нашими постоянно блистало солнце, единообразно продолжалась светлость воздуха, неизменно господствовала теплота? Мы погибли бы от излишества того, что в порядке вещей составляет великолепное добро. Посему нужно для благополезного действия естественных сил, чтобы теплота растворяема была хладом, сияние солнца закрываемо облаками, светлость воздуха приосеняема туманами, влажностью росы и дождей, разнообразным веянием тихих и бурных ветров. Так в мире вещественном, так и в мире нравственном, духовном. Что было бы с нашими нравами, с нашими сердцами, с нашими душевными расположениями, если бы вокруг нас являлось только празднование, сияло веселье? Последовал бы больший беспорядок нравственный: мысли наши рассеялись, душевые расположения омрачились, строгость нравов оскудела, деятельность ослабела, обычное течение дел наших пришло бы в расстройство. Посему истинно слово Мудрого, что всему время, и время всякой вещи, время ликовать и время рыдать, время погублять и время врачевать, время разорять и время созидать.

По духу христианского самоотвержения, требующего непрестанного распинания своих страстей, нам надлежало бы

знать только одну перемену, перемену преуспения в добре; надлежало среди внешнего и благоприятства и неблагоприятства знать один путь, чтобы в неослабном несении креста своего последуя за Божественным Подвигоположником нашим, восходить от силы в силу, от воздержания к терпению, от терпения к постоянному отрешению, от житейских наслаждений к наслаждениям духовным, невидимым. Но такова немощь естества нашего, что мы по внешнему человеку требуем чувственных утешений. Они и не воспрещены, даже позволены нам для успокоения и подкрепления слабых сил наших. Только мы не умеем пользоваться утешениями. Преступая меру во внешних утешениях, мы до излишества предаемся чувственным наслаждениям, и увлекаясь рассеянностью до забвения себя, как многообразной тяжестью обременяем себя множеством вредных привычек, склонностей, пристрастий; отчего жизнь наша, хотя от вне является благообразною, но во внутреннем состоянии бывает исполнена нечистоты пред Богом, неправды пред человеками, неверности пред собственною нашею совестью. Так, – всего чаще от избытка внешней свободы и чувственных утешений жизни, мы впадаем в расстройство внутреннее, и сокровенно болезнуем тяжкими, смертельными недугами в душе нашей.

Что же надлежит делать? Надлежит себя врачевать, врачевать скорбением, сетованием, удалением от того, чем довели себя до душевного расстройства, до беспорядка жизни и дел. И не иным можем врачевать себя способом от обладающих нами порочных склонностей и привычек, как тем, чтобы изгонять из себя противное противным, изгонять Богомыслием буйные помыслы, вниманием к себе – рассеянность, воздержанием – изнеженность, обузданием чувств – расслабление, очищением сердца – растление его.

И настоящее время св. Четыредесятницы есть самое благоприятное время для духовных подвигов, для ратования против плоти, для борьбы с соблазнами мира, для брани с миродержителем тьмы века и духами злобы поднебесными. Св. Четыредесятница есть священнейший для христианина подвиг, который он совершает по примеру Спасителя своего, 40 дней и

40 нощей постившегося в уединенной пустыне; есть, как называют ее св. отцы, одесятствование года, по которому мы в подвигах воздержания и молитвы приносим Господу десятую часть года, подобно тому, как сыны Израилевы, во исполнение заповеди древнего закона, приносили Господу Богу в дар десятую часть от всего, елико притяжали.

И не воспламенится ли дух наш священным рвением к духовным подвигам, когда при свете слова Божия помыслим, коль легко и благонадежно ратовать под вожденачальством Иисуса против невидимых врагов и щитом веры угашать все разженные стрелы их? Как утешительно, шествуя за Подвигоположником нашим путем очищения, достигать в меру Божественного уподобления Ему! Какое блаженство при небесном спборстве путем побед достигать внутреннего мира, чистоты совести, единения со Христом, братолюбного общения даже с ненавидящими нас! Подлинно, при благовейном помышлении о благодатной сладости и спасительности духовных подвигов, дух наш горит желанием вкупе подвизаться со Спасителем нашим и вступить в очистительный подвиг против страстей, воюющих на душу нашу. Но дух бодр, а плоть немощна. Когда приступим к самым подвигам: то плоть наша, внешний наш человек скорбит и тяготится, ослабевает и малодушествует. Посему при вступлении в подвиг, нам нужно непрестанно укреплять себя вниманием, бодрствованием, устраниением от себя соблазнов. Иначе на первых же шагах пути мы можем уклониться от спасительной цели, изменить благим намерениям, забыть св. время, потерять духовную настроенность, обратиться на прежние пути чувственной, небрежной, рассеянной, невоздержной, тлеющей в похотях жизни. А этим омрачив светоносный подвиг духовного делания, причиним печаль Духу Святому, не порадуем, не возвеселим Спасителя нашего, и не только лишимся плодов духовного приобретения, но и понесем вящшие духовные потери. Для сего укрепившись в силе Божией твердой решительностью, надлежит нам постоянно внимать себе, тщательно блюстись во всем опасном для внешней и внутренней нашей чистоты, всемерно возбуждать в себе страх Божий, иметь кротость и смижение в

отношении к близким, ограждать себя прилежной молитвою в утро, неослабным деланием во дни, беспристрастным испытанием своей совести по совершении дневных дел наших.

Будем проходить поприще поста, как поприще благодатного очищения душ и телес наших. Будем, при помощи Божией, упражнять тело наше в посильном подвиге воздержания, душу очищать молитвою, чувства содержать в собранности, а всего паче будем врачевать главный наш недуг и болезнь, обуздывать и исправлять господствующую в себе страсть, какая кем обладает.

Если в продолжение подвига св. поста Господь поможет нам, сколько возможно, растленные склонности наши обуздить, греховные привычки остановить, и, что всего паче, поможет Господь и главного душевного врага нашего, господствующую нашу страсть обессилить, обуздить, покорить страху Божию и гласу совести: о! тогда великая милость Божия! По мере сил наших участвуя в подвигах спасительных страданий Господа нашего, когда воссияет радостный день воскресения Христова, мы сподобимся во внутреннем чувстве души нашей услышать сладостный глас воскресшего Господа: радуйтесь. Аминь.

8. Пятница. – Время пота, как время самоиспытания, есть самое благоприятное к исправлению

Прииде пост, мами целомудрия, обличитель грехов, проповедник покаяния, жительство Ангелов, спасение человеков.

(Понед. 1 сед. утр. на стих).

Глас мытаря, глас блудного, глас разбойника, образы покаяния и умиления, подвиг воздержания и очищения, – вот что день от дня предлагает нам ныне св. Церковь, ведя нас поприщем св. Четыредесятницы; предлагает пост и покаяние, как больным благодатное врачество; предлагает расточенным, рассеянным, иждившим духовное имение спасительный способ – прийти в себя, собраться с мыслями, остановить поток суетных желаний, взорвать оком здравого рассуждения на свою жизнь, приблизиться к Богу, подумать о душе, помыслить о вечном спасении; – вот какие предметы предлагает нам ныне св. Церковь!

И кому не нужно подумать о себе? Кому не нужно вникнуть в свое сердце? Кому не нужно посмотреть на внутреннее состояние своей жизни и дел? Живя в мире, занимаясь делами житейскими, и, то по слабости, а более по пристрастию, обременяясь нуждами телесными, потребностями внешнего состояния, увлекаясь благами земными, утешениями временными, как часто забываем мы о душе, о Боге, о вечном спасении? По наружности являемся как христиане, а по внутреннему состоянию всего чаще не соответствуем святому своему званию. По внешности живем и, кажется, стараемся о благоустройстве жизни своей и близких; а по душевному состоянию мысли наши суетны, желания превратны, расположения к добру слабы, стремления к злу неудержимы, преткновения и падения непрестанны. При таком состоянии обременяемые отовсюду непорядками, как тяжкими долгами, тревожимые совестью, как строгим заимодавцем, не имея ни истинного спокойствия, ни свободы, тем менее дерзновения к Богу, мы, как преступные рабы, страшимся пристальнее

посмотреть на себя и заняться собою. Так большей частью текут дни наши, как волны в быстрине речной текут туда, куда мчит их совокупная сила стремления вод; куда влечет нас усилившаяся худыми примерами похоть плоти, похоть очес и гордость житейская. Мы так живем, что не обращаем внимания на внутреннюю жизнь нашу; так действуем, что не судим о том, что, как и для чего делаем? Или судим, но суждениями нашими управляет не здравый ум, не правота сердца, не чистота совести, не страх Божий, но плотские склонности, привычки, пристрастия, греховно вращающие все наши мысли, желания, дела и начинания около чувственных, телесных предметов и вещей.

Что есть такая жизнь? Есть течение вперед, продолжение времени вдаль, но не возрастание, не преуспеяние, не восхождение в совершенствах; а паче умаление, оскудение в душевных силах и способностях; есть омрачение ума суетою, ожесточение сердца житейскими пристрастиями, утрата свободного произволения, делающегося в нас, время от времени, слабее к добру, преклоннее к злу, пристрастнее к миру, холоднее ко Христу.

Кому же не нужно подумать о себе? Кому не нужно вникнуть в свое сердце? Кому не нужно пристальное посмотреть на внутреннее состояние своей жизни и дел?

Нет к нам ближе, нет нужнее, нет дороже себя. Если бы нас и многие одобряли, но не одобряли не многие, благомысленные, добродетельнейшие, – это значит, что мы еще не хороши. А хотя бы мы были и по мнению всех хороши; но, по строгому суду совести, в собственных глазах, не хороши: то мы точно не хороши. А если бы и во мнении всех не были хороши, но перед Богом, пред своею совестью не были бы опорочены, осуждены: то мы бы еще не были вовсе не хороши. Внутренний, беспристрастный суд совести нашей перед Богом должен быть для нас свидетельством, поверкой, мерой нашего достоинства. Если мы потеряем себя, утратим достоинство своего лица, погубим душу свою: – этой потери ничем уже заменить не можем. Кая польза человеку, аще мир весь приобряшет,

душу же свою отщетит? Или что даст человек измену (какой даст выкуп) за душу свою? (Мф. 16:26).

Кому же из нас не нужно подумать о себе, испытать, рассмотреть свое внутреннее состояние, нет ли в уме нашем мыслей, подобно тьме помрачающих в нас свет разума? Нет ли в сердце нашем расположений, подобно тлетворному пламени, поедающих чистоту совести? Нет ли в воле стремлений, подобно заразе, ощутительно растлевающих духовное бытие наше? Себе искушаем, по слову Апостола, аще есмы в вере, себе искушаем (2Кор. 13:5), на пути ли спасения стоим, к преднамеренной ли цели течем, истинной ли жизнью живем?

Какое же средство к испытанию самих себя? То и есть самое верное, самое спасительное средство, которое предлагает нам ныне св. Церковь; это – пост и покаяние. Неприятны они для плотского нашего человека, но спасительны для внутреннего. Это есть врачевание и для тела, но истинное исцеление для души, оживление для духа. Истинное покаяние есть собранность мыслей из житейской рассеянности, внутреннее испытание себя, своей жизни и дел пред Богом, и отселе благоговейное помышление ума о Боге, умиленное сокрушение сердца о грехах, очищение совести от тяготящих ее преступлений, твердое исправление воли в добре, кратко: покаяние есть приведение себя в состояние благого и правого помышления ума, благочестивого расположения сердца, решительного направления воли к исполнению того, елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна. Кому же не вожделенны мир с Богом, чистота совести, тишина духа, непорочность сердца? Кому не вожделенно привести себя в состояние правоты во внутренних расположениях, благоустроенности во внешнем поведении, благообразия во всех словах и поступках? И в это райское состояние благочиния вводит покаяние. А пост есть наставник покаяния; он предуготовляет укрепляет, очищает самое покаяние, а потому есть необходимый проводник на пути к духовному совершенству. И если бы мы захотели олицетворить пост, дабы яснее видеть внутреннюю доброту его, с живейшим желанием приобщиться благодатных дарований

его: то узрели бы его в благолепии Ангелоподобной доброты, узрели бы в благоплодии спасительных дел; узрели бы, что облачение поста составляет чистота, как виссон; препоясание, как златой пояс, – воздержание; обувание – готовность на всякое благое послушание; трезвение и мир – внутреннее непрерывное делание, труд и благотворение – внешнее действие его; в устах его, как сладкая пища; молитва и Богомыслие, черты лица его составляет небесная кротость, зрак ангельский, исполненный благоговения к Богу, святой назидательности к ближним.

Будем взирать беспристрастным, неомраченным взором на непорядки греховной жизни нашей, и пост представится нам спасительным врачеством душевных недугов и болезней наших; будем живо чувствовать преисполняющие нас и внутрь и вне несовершенства, уничижающие нас не только пред ближними нашими, по и в собственных наших глазах, и пост явится для нас, вожделенным наставником для приведения себя в благое рассуждение ума, в правое расположение сердца, в благоустроенность всех чувств, дабы нам ходить достойно Бога в чувстве благоговения, достойно ближних примером жизни назидательной, достойно святого звания христиан хранением самих себя в чистоте и непорочности.

Так бодренно, неослабно содеря пост, как спасительное средство к умудрению нашего ума, к очищению сердца, к благоустроению всех чувств, сподобимся благодатью Христовою совершат оный с духовным плодом, и, по мере сил приобщившись страданий Христовых, достигнуть в радость живоносного воскресения Христова. Аминь.

9. Суббота. – О внешнем и внутреннем посте

Постящеся, братие, телесне, постимся и Духовне.

(В сред. 1 седм. вечер. самогл).

Св. Церковь, изведши нас на поприще поста, как на великий подвиг против плоти и крови, по мере простирания нашего в шествии, только напоминает нам о том, чтобы мы проходили великий подвиг в совершенстве. Подлинно, пост в совершенстве его есть великий подвиг; он объемлет собою добродетель воздержания во всем ее пространстве.

Истинный пост есть не только воздержание от брашен в качестве и количестве их, но воздержание всех внешних и внутренних чувств от прикосновения к непозволенному; воздержание внешнего и внутреннего ока от воззрения на предметы, противные внутренней чистоте; воздержание внешнего и внутреннего слуха от принятия всего возмутительного для нашего душевного мира. Совершенный пост есть непрестанное внимание себе не только в начинаниях и делах, но и в мыслях и расположениях; есть обладание силой Божией над собою и в слове, и в деле, и действование всеми, и телесными, и духовными, силами в совокупности во славу Божию. Таков пост в его совершенстве.

Как мы по слабости нашей большей частью из многоного исполняем только малое, из всего некоторое, – постясь исполняем некоторые внешние действия поста касательно воздержания в пище питии, а прочих существеннейших требований не исполняем: то св. Церковь, одушевляя и вкупе направляя нас в подвиге поста, песненно вещает нам: постящеся, братие, телесне, постимся и духовне.

Дабы в продолжении поприща поста неослабно подвизаться в оном, как в великом деле христианского воздержания, с надлежащим совершенством, познаем истинное свойство и силу поста.

Часть 1. О внешнем посте

Первый, начинательный, предуготовительный степень поста есть воздержание от брашен, и воздержание в качестве и количестве их. Не легко умерять себя и отказывать себе в такой потребности, которая составляет основание телесной жизни и подкрепление сил наших. Тяготится телесная природа наша, когда бывает обременена пищей и питием. Но она также томится, когда мы отказываем ей в нужном требовании, и заставляем ее преодолевать саму себя, принуждая сносить лишение пищи до известного времени. Таковое упражнение телесной природы в преодолении самой себя, кроме того, что весьма полезно для здравия телесного, нужно для обучения ее подвигам духовным. Чем больше наблюдается порядка и умеренности в употреблении пищи и пития, тем крепче, благоустроеннее, и в движениях легче бывает тело наше.

Но христианину надлежит не только содержать тело свое в благоустройстве, порабощая и умерщвляя страсти свои, надлежит соделывать оное жилищем чистоты, храмом Св. Духа: надлежит соделывать не только орудием, но содейственником духу своему в молитвенном предстоянии перед Богом, в крестном последовании за Христом и в достижении благодатного бесстрастия чрез сораспятие Ему. Как христианин может проходить подвиг распинания своих страстей, если он в самом теле своем не будет побеждать потребности чувственные! А он не в состоянии будет побеждать чувственные потребности без возможного упражнения тела в посте и воздержании. Упражняя же тело свое в подвигах поста, первым действием его должно быть воздержание в качестве и количестве пищи и пития.

Совершенный пост требует отъятия сладкопитания у нашего вкуса, особенно удаления от тех брашен, кои относятся к услаждающим питаниям, и заимствуются из царства животных, а не растений. Св. Церковь во время постов воспрещает нам употребление брашен, позволяемых ею в другие времена, дабы мы, постом смиряя тело свое, укрепляли

себя в воздержании от телесных сладостей. В христианине не должно быть пристрастия ни к чему чувственному. Если он для любви Божией должен оставлять любовь к родителям, детям и близким своим: то тем паче для той же любви Божией, испытывая себя в преодолении пристрастий телесных, должен оставлять на время все услаждающее чувства его, и ограничивать себя употреблением самого простого, обыкновенного, даже сурового и горького; дабы вместе с порфироносным подвижником Давидом, который во время духовного сетования пепел, как хлеб ял и питие свое плачом растворял (Пс. 101:10), всемерно упражнять себя в чувстве и внешнего и внутреннего самоотвержения.

А хотя при совершении постного подвига, по слабости нашего естества, а еще более по различию образа нашей жизни, занятий и дел, нельзя для всех вообще назначить меру времени и меру употребления пищи; однако же св. Церковь, предоставляя крепким ревновать о больших подвигах, но и не позволяя слабым, от своего произволения, предаваться лености, не сомневается преднаписывать всем постящимся общую меру и во времени принятия пищи, каковую во дни поста обыкновенно полагает вечер дня, и меру в употреблении пищи, каковою полагает самое нужное подкрепление тела пищей без услаждения и пресыщения, дабы мы телесными силами без слабости способны были к исполнению дневных дел звания нашего. Так христианин в дни поста со страхом Божиим должен вкушать пищу и питие в меру, для удовлетворения нужды, без услаждения чувств, дабы умерщвлением плотской живости тела своего приносить Богу жертву живую, святую, благоугодную, чего требует духовное служение Богу, и прославлять Бога распинанием страстей тела своего.

Часть 2. О духовном посте

Но постящиеся, братия, телесно, постимся и духовно. Прославляя Бога воздержанием в телесах наших, тем паче должны прославлять его воздержанием в душах наших. Пост для тела есть воздержание от пищи и пития; пост для души есть воздержание от страстей, воюющих на душу нашу, и порабощающих ее власти своей. Смирять постом душу несравненно нужнее, нежели тело. Тело есть орудие, а душа есть действующая причина; и, хотя тело есть необходимый содейственник души, но в действиях свободы и произволения тело есть только исполнитель велений души и движений сердца. Между тем все нечистые помышления и преступные желания происходят от души и от сердца. Из внутрь бо от сердца человеческа, говорит Спаситель, помышления злая исходят: прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, лихоимства, лукавства, лесть, студодеяния, око лукаво, хула, гордыня, бесчинство. (Мар. 7, 21, 22). Вместе с тем и труднее смирять постом душу, нежели тело. Тело и телесные чувства можно смирить постом в краткое время; а душевные страсти от юности до старости волнуются в человеке, как ветры и волны на море. Впрочем, в то время, когда постом укрощаем телесные наши движения, и душевные движения страстей наших и удобнее можем и всемерно должны укрощать и приводить в послушание разуму.

Как же мы должны укрощать и покорять разуму и совести страсти наши? В первых движениях должны удерживать страсти наши вниманием себе и здравым рассуждением; в продолжительных действиях возбуждать в себе расположения, противоположные воюющим на нас страстям; а при сильном нападении на нас страстей неослабным борением с ними и всемерным удалением от соблазнительных случаев, коими всего более возбуждаются в нас страсти.

И во-первых, усматривая в душе нашей возмутительные движения гнева, сладострастия, корыстолюбия, гордости и других страстей, мы должны бодренно стоять на страже, чтобы

внимать себе и с предусмотрительною деятельностью утишать возникающее в нас обуревание. Кроме любогреховности нашей, которая есть общая болезнь падшего нашего естества, мы большею частью увлекаемся страстями нашими от невнимания и нерассудливости. Когда отъемлем умный свет рассуждения в душе нашей: тогда легко восхищают и увлекают нас страсти. Всякая страсть есть стремительное движение сердца, тотчас следующее первому впечатлению приятности или противности, которые, впрочем, большею частью при первом взгляде таковыми кажутся, но при обсуждении здравым умом и добрым чувством оказываются не таковы. Потому-то от сильных, но не управляемых здравым рассуждением, движений сердца нашего рождается в нас нетерпеливость, гнев, отвращение, презрение, жестокость, и отселе вражда и всякие огорчения на близких наших. Эти душевные движения первым потрясением своим сильно поражают наши чувства. Но, по миновании первого впечатления, когда беспристрастно рассудим о причине, произведшей в нас огорчение, и о том, с каким нетерпением мы стремились к удовлетворению суетных своих желаний, возбужденных в нас влечением страстей наших, сами принуждены бываем покрываться стыдом от собственной нерассудливости. И так, бодрствуя над душевными движениями нашими, мы и при всяких случаях, а особенно при внезапных встречах, зрелым и спокойным рассуждением должны испытывать свои слова и поступки, дабы по опрометчивости не впасть в возмущение душевное от той страсти, которая сильнее действует в нас, а потому всего опаснее для нас.

Но как по нашим склонностям, по нашему состоянию и знанию, нас непрерывно могут обуревать страсти, при благоприятном течении наших дел, – льстивые, располагающие нас к самоугождению; при неблагоприятном течении – мрачные, наводящие на душу скорбь и уныние: то, против всегдашней болезни мы должны употреблять и постоянное врачество; должны питать, и непрестанно поддерживать в себе мысли, чувствования, расположения, противоположные обуревающим нас страстям. Ежели обуревают сердце наше мрачные страсти, гнев, вражда, ненависть: то будем питать в себе тихие

чувствования кротости, незлобия, миролюбия, каковые нам предписаны в примере Спасителя нашего, дабы и мы старались приобретать себе те же чувствования, какие и во Иисусе Христе (Фил. 2:5). Если возмущают дух наш сладострастие и вообще юные похоти и утехи чувственности: то, смиряя постом чувства, будем обуздывать вожделения чувственные всегдашим чувством своей бренности, мыслию о смерти, обращающей все, льстящее нашей чувственности, в пищу червей, живым представлением, колико любезно Богу воздержание, чистота и целомудрие, которыми человек уподобляется бесплотным ангелам, и приближается к Богу. Если славолюбие и любостяжание омрачают душу нашу, то будем разгонять мрак душевный тем же Божественным примером кротости и смирения, нищеты и истощения Спасителя нашего, Который, будучи велик и богат, смирился до зрака раба, и обнищал нас ради до пелен и яслей в рождении, и до крестной смерти. Так мы должны вести мысленную брань против мысленных врагов наших, духов злобы – поднебесных, которые, возбуждая в нас многоразличные страсти, воюют на нас, дабы, предав нас в рабство страстей наших, изгнать из сердец наших чувство страха Божия, и удалив нас от богообязненного, смиренного, правого и целомудренного чувства, ввергнуть в непорядки чувственной жизни. Неослабным духовным борением должны мы отражать разженные стрелы лукавого.

Но если нападения духа злобы сильны, преследования нас страстями нашими непрестанны: то и мы должны еще паче облекаться во все оружия Божия, дабы противостоять козням лукавого. Блюдя ум от помыслов суэтных, сердце от желаний растленных, волю от предприятий и намерений душевредных, должны еще всячески блюсти себя от всех случаев, опасных для внутренней и внешней чистоты нашей. Когда мы находимся в состоянии ловления и ратования от врагов наших: тогда все соблазнительные случаи, близкие к возбуждению обладающей нами слабости, всемерно должны быть избегаемы, как сети и претыкания. Подвергать себя опасным случаям и действиям есть то же, что самих себя вводить во искушение. Если же обуревания страстей и порочных привычек наших так сильны, и

случаи, служащие к возбуждению оных, так неизбежны, что мы находимся в опасности или уступить свирепствующему на нас борению, или вовсе погрязнуть в обуревающих нас греховных пристрастиях: то, находясь в опасности потопления, подобно Петру, будем от всего сердца вопиять к Утишающему ветры и волны мятежного сердца и воли нашей, и простираТЬ к Нему в непрестанной молитве руки наши, дабы Он десницей Своей извлек нас от потопления, могущественным словом Своим утолил наше волнение и бурю, и водворил тишину помыслов и желаний в нашем уме и сердце, и во всех расположениях души нашей.

Так на пути духовного воздержания должны мы сражаться против страстей наших; должны очищать ум от помыслов суетных непрестанным, внимательным саморассуждением, сердце от нечистых желаний бодрственным, беспристрастным самоиспытанием, волю от стремлений законопреступных страхом Божиим, и всевозможным удалением от соблазнов. Когда до крове станем, против греха подвизающеся (Евр. 12:4): *тогда воспримем плод трудов своих.* Мы воззовем ко Господу, и Он приблизится к нам; светом своим озарит тьму нашу, теплотой согреет хладность, Божественною силою укрепит немощь нашу. По мере очищения внешних и внутренних чувств наших, благодатные исцеления, на подобие утренней зари, воссияют в нас. Силою благодати озаренный ум наш будет рассеивать суетные помыслы, как мглу; орошенное чистотой сердце разжечь греховные желания, как призраки; укрепленная воля преодолевать внешние и внутренние искушения, и расторгать как тенета; единственным предметом попечения нашего будет то, чтобы ходит во свете лица Божия, не полагать ни делом, ни словом претыкания ближнему; хранит себя во внешней и внутренней непорочности пред Богом и человеками, шествовать по следам Подвигоположника нашего, и с Ним по мере сил подвизаться и страдать, с Ним и умереть страстям нашим, дабы с Ним и воскреснут в жизнь благодати и славы. Тако постящеся телесно, постимся и духовно. Аминь.

10. Воскресенье. – В чем состоит пост благоприятный Господу?

Постимся постом приятным, благоугодным Господеви.

Слышали ли вы, любители воздержания, сию сладостную песнь, котою св. Церковь, одушевляя нас при вступлении в поприще поста, изображала нам внутреннюю силу поста? Воскрывляя нас к богоприятному посту: «постимся постом приятным, благоугодным Господеви», она в последующих словах песни так изъясняла нам истинное свойство поста: «истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглашения, лжи и клятвопреступления.» (Самогласен на стихов. в понед. вечера 1-й нед. поста). Всемерно стараясь чрез внешний пост взвести нас к внутреннему, она другой песнью так наставляла нас соединять телесный пост с духовным: «постящеся, братия, телесно, постимся и духовно: разрешим всякий союз неправды: расторгнем стропотных нуждных обдолжений, всякое списание неправедное раздерем.» (Самоласен в среду вечера)

Эту поучительную песнь о посте Церковь заимствовала из богоухновенных вещаний благоглаголивого Пророка Исаии. Вразумлял некогда Бог чрез Исаию Иудеев в том, как они должны были истинно поститься. Постясь токмо внешне, со всеми наружными изнурениями тела, но без внутреннего воздержания, Иудеи входили в суды с самим Богом, и жаловались Ему на Него Самого: что яко постихомся, и не увидел еси; смирихом души наши, и не уведел еси? Бог ответствовал ропотливым постникам чрез Пророка: потому Я не видел и не мог почесть вас постяющимися, что вы во дни пощений ваших обретаете воли ваша, и вся подручные ваша томите. Аще в судех и сварех поститесь, и биете пястьми смиренного: векую Мне поститесь, якоже днесъ, еже услышану быти с воплем гласу вашему? Не ситцевого поста Аз избрал, и дне, еже смирити человеку душу свою, ниже аще слячеси, яко серп выю твою, и вретище и пепел постелеши, ниже тако

наречете пост приятен. Не унижал Господь внешнего поста Иудеев, который они содержали строго. Но поскольку пост их, кроме внешнего удручения тела, не простирался на исправление сердца, на обуздание воли: то оный, как бесплодный, безжизненный, Бог отвергал, а требовал такого поста, который бы соединен был с исправлением жизни, одушевлен благотворением и благодетельностью к ближним. Не такового поста избрах, глаголет Господ: но разрешай всяк союз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний, отпусти сокрушенные в свободу, и всякое писание неправедное раздери. Раздробляй алчущим хлеб твой и нищих бескровных введи в дом твой; аще видишь нага, одей, и от свойственных племени твоего не презри. (Ис. 58:5–7) Если вы так будете поститься, продолжает Господь, то скоро каждый из вас ощутит великую пользу от поста. Тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твоя скоро воссияют: и предидет пред тобою правда твоя, и слава Божия обымет тя. (ст. 8)

И так, подвижник поста, надобно только поститься благоугодно Богу, – скоро сам собою последует для тебя плод от поста. Какой же плод? Спасительный, животворный: свет, жизнь, правда Божия, слава!

Дабы с течением поста, по благодати Божией, неослабно нам приобщатся подвигов, а с тем вместе стяжать и спасительные плоды поста, будем поститься постом приятным, благоугодным Господеви.

В чем же состоит пост благоугодный Господеви, о сем для одушевления себя на поприще поста, при настоящем торжестве православия, размыслим.

Пост есть внешний и внутренний. Внешний пост состоит в воздержании от пищи и пития, в сокращении телесного покоя, в бодрственной деятельности и богоугодных трудах, вообще в удалении предметов усладительных и приятных для чувств наших. Внутренний пост состоит в обуздании страстей и похотей сердца нашего, с тем вместе, в отсечении самых нечистых мыслей, желаний, расположении наших, дабы ум наш обращен был к Богомыслию, сердце к умиленной молитве, воля к совершению дел правоты и благотворения.

Совокупный внешний и внутренний пост есть совершенный пост, и совершенное обладание над собою, совершенное покорение внешних чувств разуму, разума и сердца внутреннему благодатному чувству, всех внутренних чувств в послушание Духу Божию. Во время пощения нашего, чувства, разум и сердце наше должны быть приведены в такое мирное состояние, безмятежное состояние безусловного повиновения воле Божией, чтобы нам всем существом нашим работать Господеви со страхом и радоваться с трепетом. Вот пост истинный, богоприятный.

Но как вдруг нельзя подняться на высоту, надлежит восходить постепенно: так и мы не можем вдруг отрешиться от чувств, и взойти на высоту внутреннего поста. Идя лестницей поста, мы должны сперва покорить внешние чувства разуму, а разум покорить господству духа, дабы дух наш приготовить к общению с Духом Божиим в хождении во свете лица Божия. Потому св. Церковь и начинает для нас пост внешним образом с укрощения внешних чувств посредством воздержания от пищи, пития, равно от излишнего сна и покоя, и начинает с такою строгостью, что, предписывая нам известное качество пищи, требует, чтобы мы решительно отказали себе в употреблении приятных для вкуса нашего брашен, довольствуясь самыми простыми, притом положили бы определенную меру и в самом количестве оных. Спасительное установление, с свойством естества нашего совершенно сообразное!

Мы – люди, облеченные телом, действующие на других и принимающие от других действие посредством чувств, и как к добру, так и к злу преимущественно располагающиеся посредством чувств, на поприще духовного совершенства, особенно при первых начатках вступления в сей путь, ни в чем столько не имеем нужды, как в благом управлении тела и чувств, и правильном подчинении духу чувственных потребностей, дабы через благоустройство телесного существа нашего содержать в благоустройстве и самый дух наш. А хотя зло, против которого мы должны вооружаться постом, имеет корень и основание свое в нашей душе, в нашем сердце, – извнутрь бо от сердца человечески помышления злая исходят,

прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, лихоимства, лукавства, лесть, студодеяние, око лукаво, хула, гордыня, безумство (Мк. 7:21); но как в настоящем растленном состоянии нашем самая душа наша, погруженная в чувственность, живостью телесных чувств еще сильнее располагается к греховным стремлениям, то и необходимо, для ограничения растленных стремлений души, обуздывать и укрощать постом тело и чувства. Когда тело бывает очищено постом и бдением, и чувства умилены трезвением; тогда и состояние души бывает спокойнее. Возмутительные помыслы утихают, взор души на саму себя бывает яснее, мысли чище, льстивые впечатления чувств слабее, тело духовным велениям души послушнее, и внутренние чувства к Богомыслию и к приятию слова Божия способнее. Еще и потому должны мы испытывать себя внешним постом и воздержанием, и удалят от чувств наших предметы услаждения, дабы видеть, не обладают ли нами чувственные прихоти в такой силе, что мы без них и обойтись не можем.

Никто не говори, что пост состоит не в пище, не в питии, что брашно не поставляет нас пред Богом. Повторяют и ныне, сице Апостолом Павлом опровергнутое вольномыслие некоторых христиан из язычников, мудрствовавших о ядении идоложертвенного так: ядим ли мы, ничего не приобретаем от того; не ядим ли, ничего не теряем (1Кор. 8:8). Это несомненно, что пища и питие великое имеют влияние на наше тело, а чрез тело и на душу; тучная пища при неумеренном употреблении утучняет и одебеляет тело, и способствует к питанию страстей; простая, умеренная, сообщая нужное питание телу нашему, делает оное легким, и к понесению духовных подвигов бодрствования и молитвы способным. Если мы до того преданы угоджению чувств что и в самые дни пощения и благоговения пред Богом не имеем сил отказать себе в любимой пище, в любимом питии и в других телесных наслаждениях: то можем ли сказать, что от брашна мы ни приобретаем, ни теряем ничего пред Богом. Не должны ли паче сознаться в том, что мы, предаваясь сладкопитанию брашен, исполняем волю плоти, как рабы чувственных, пожеланий? А будучи рабами чувств и чувственных прихотей, можем ли противиться сильнейшим

движениям страстей наших? Можем ли противиться порывам раздраженного самолюбия нашего, униженной гордости, оскорбленного корыстолюбия и других страстей, имеющих глубокий корень в душе, нашей? Нет. Посему, по примеру путешественников, которые для беспрепятственного шествия в пути, облегчают себя от излишних тяжестей, и мы, чрез воздержание постом и бдением, должны снять с себя тяжесть обременения пищей и питием, дабы облегчить душевные наши расположения, и со всевозможною силою, при помощи Божией, вооружиться на обуздание душевных страстей наших.

Так! истинный поет, как песнословит святая Церковь, есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголания, лжи, и клятвопреступления. Посему и повелевает нам Церковь с внешним постом соединять внутренний: постящиеся, братие, телесне, постимся и духовне. С сим намерением и св. царь Давид смирял себя телесным постом, дабы удобнее смирять постом душу и душевных врагов, страсти, и стремления страстей. Аз же, говорит он, *внегда они стужаху ми, облачахся во вретищу и смирях постом Душу мою.* (Пс. 34:13)

Смирят постом Душу, – это подвиг несравненно труднейший, нежели смирять постом тело. Тело и внешние чувства можно воздержанием смирить в несколько дней, а для усмирения души и душевных страстей потребны многолетние подвиги.

Как же нам поститься Духовно? Так же, и подобным образом, как мы постимся и телесно. Постясь телесно, мы отказываем себе в употреблении даже нужной пищи и пития. И в духовном посте всячески должны удерживаться от удовлетворения тем греховным расположениям, которые особенно господствуют в душе нашей, и удаляться от всего того, что может воспламенять и усиливать в нас таковые расположения. Но как нам невозможно устраниться от всех предметов, могущих служить для нас пополновением к преобладающим нами страстям: то мы прежде всего со всем тщанием должны уготовлять себя против опасных дня нас случаев рассуждением, осмотрительностью, терпением; должны

приготовлять себя на духовную брань с самими собою каждый день из утра, и в продолжении дня с постоянным вниманием смотреть за изменениями нашего сердца, когда мы или воспылали гневом, или предались самолюбивым мечтам, или позавидели чуждой доброте, или уничижили и пренебрегли ближнего нашего; а но прошествии дня отдавать совестный отчет самим себе, и судить себя с строгим беспристрастием в том, в чем поступили против христианского благоразумия, в чем уступили стремлению страсти, в чем даже пали, и, за учиненные падения, истязательно показывать себя обличением совести, и чистосердечно раскаиваться в зле, – добра же вовсе и не приписывать себе, а единствен но Богу.

И так, любитель воздержания, рачитель внутренней чистоты, ты, который, имея попечение о духовном своем благоустроении, питаешь в себе священную заботу, дабы не провести понапрасну сего св. времени, но, при помощи Божией, снят с совести своей греховную тяжесть, уврачевать сердечную язву, исправить душевный недуг, трезвись и мужайся на поприще духовного поста, в побеждении страстей своих! Зная в себе особенно слабую сторону, особенно бодрствуй и вооружайся против опасных для тебя случаев. Вот ты юн, и, по твоей юности, чувствуешь на себя льстивые нападения сладострастного влечения, невольно увлекающие тебя к непозволенным мыслям, чувствованиям, расположениям: смотри, всяцем хранением блюди сердце твое от раздражительных впечатлений, особенно убегай той встречи, которая всего опаснее для душевной чистоты твоей; убегай, хотя бы мысль твоя оправдывала сию встречу благой целью, даже видом благочестия. Если же неизбежна для тебя сия опасная встреча, то, проходя мимо, преклони телесный взор долу, а мысленное око вознеси с молитвою горе к Богу о укреплении тебя против искушательного помысла, и таким образом всегда сражайся с стремлением твоих чувств и чувственных влечений. А твоя обыкновенная слабость есть вспыльчивость, горячность, опрометчивость права: о! несчастная слабость, тобою самим оплакиваемая, и все твои добрые свойства превращающая; слабость, источник

собственных твоих огорчений, источник домашних возмущений, и главная причина обуревающих тебя нестроений. Если она до того возобладала тобою, что ты не в состоянии выдержать и слабого прикосновения противности и прекословия тебе: то всемерно убегай от предметов, обыкновенно раздувающих в тебе гневный пламень. Поставь себе за правило – не быть слишком взыскательным и строгим в неисправностях и проступках близких, домашних, подчиненных твоих, за которые ты обыкновенно воспламеняешься гневом на них; а когда, при раздражении отвне, движение гнева начнет мутить дух твой: то, с какою бы ни было тяжестью, старайся остановить сердце твое, удержать язык, укротить встревоженную мысль; умолчи, претерпи, искушение пройдет, и ты впредь, при Божией помощи, сделаешься сильнее против обдержащей тебя немощи. А вот тебя омрачает униженная слабость нетрезвенности, тобою обладает пагубная склонность к пересудам и осмеянию близких твоих. И здесь надобно вооружиться терпением и бодрствованием над собою, и убегать от предметов искушений. И страсть нетрезвенности, и страсть к пересудам – любят содружество, собеседование. Посему ты, который чувствуешь в себе пополнение к омрачающему тебя веселию, беги, как огня, того опасного содруга, который часто возжигал в тебе пламень пагубной жажды; а ты, который непрестанно грешишь и падаешь от неукротимости языка твоего, беги, как адского запаления, того погибельного собеседования, которое обыкновенно обращает и мысль, и слово твое на близких, и соделывает их предметом твоих неправедных суждений и осуждений. Словом: какая бы страсть, и в какой бы степени, ни обладала кем, одно дня всех нас правило в постных – духовных подвигах, правило, вековыми опытами великих подвижников благочестия подтвержденное, правило: терпеть, молчать, бежать; терпеть, – со всею твердостью противиться льстивым нападениям и приятных, и неприятных искушений; молчать, – не внимать ни внутренним, ни внешним смущающим нас внушениям, но среди всех искусственных приражений неподвижно пребывать в самих себе; наконец бежать, – бежать, как уклонением от самых мест и предметов, могущих служит

поводом к расстройству душевному, так всего более отклонением самых мыслей, желаний, слов от предметов, могущих внести в душу нашу мутные расположения, и обращением оных к предметам, способным поселят в душе нашей свет и мир.

Так, подвижники воздержания, упражняясь в телесном посте должны мы подвизаться в духовном посте против страстей наших! Тысячекратно мы падем в сем подвиге, тысячекратно будем увлечены страстями нашими: но не будем унывать, а каждый раз немедленно восставать, и, в надежде на помощь Божию, с большою твердостью продолжат борьбу с страстями нашими.

Когда, при содействии Духа, способствующего нам в немощах наших, верно и с посильным тщанием будем подвизаться над исправлением нашего сердца, над очищением самых тонких греховных наших мыслей и расположений, и, не смотря на многократное преодоление от них, неослабно будем восставать и сражаться с ними: о! тогда, по верному слову Господа, не укоснит и на нас совершиться обетование Божие; воспримем и мы благодатный плод трудов наших, – возрастим души дарования; развернется внутренний свет наш, развернется ум для помыслов благих и правых, развернется сердце для желаний святых и благочестивых, развернется чувство для сокрушения и умиления, развернется все существо души для благоговения и страха Божия; тогда и нецеления страстей наших воссияют, предидет перед нами правда Божия, и благоволение Божие обымет нас. По мере очистительных болезней в сердце нашем благодатные утешения возвеселят душу нашу, и мы ощутим внутри себя небесный мир, превосходящий всяк ум, с коим вместе умирятся и внешние наши чувства, и вся жизнь наша.

Тако постимся постом приятным, благоугодным Господеви:
АМИНЬ.

II. В Пост

11. Беседа в неделю Православия

Неделя православия, как называется первый воскресный день св. великого поста, ест такое торжество, которым св. Церковь воспоминает древнее торжество христианского благочестия, когда оно, после жестоких гонений и после падения долговременно смущавшей умы иконоборческой ереси, в новой славе возлистало на 7-м вселенском, 2-м никейском Соборе (в 788-м году).

Виновником иконоборческой ереси был византийский император Лев Исаврянин. Заразившись учением некоего Ерея, он отверг всякое уважение к св. иконам, считая оные ничего незначащим изображением, и даже нарушением 2-й заповеди, и потому требовал от святейшего патриарха Германа, чтобы иконы или поставлены были в храмах на такой высоте, где бы не могли быть досязаемы, а лучше вовсе были вынесены из храмов, дабы, как говорил он в посмехание, св. иконы, если они суть истинные изображения Святых, лобызанием нечистых уст не были оскверняемы.

Странное заблуждение! Восстали на иконы, восстали по истечении 7-ми христианских веков, в продолжение которых церковь Христова благоукрашалась иконами, и как святынею, и как знамением силы Божией, чудесно от многих икон в различных силах и действиях являвшейся.

И чего не было говорено, чего не было писано в защищение св. икон против иконоборцев! Было говорено и писано, что иконы почитаются не за украшение, не за вещества, не за искусственное и художественное изображение, поскольку всякая драгоценность на иконах есть ничто иное, как свидетельство достоинства изображаемого лица и усердия изображающих, и приносится в честь и славу изображенного; что иконы чествуются, как изображение Божественных и священных лиц, каковы суть: изображение Бога Отца, Ветхого закона, изображение воплощенного Сына Божия, Богочеловека, Матери Божией, Приснодевы Марии, св. Ангелов, окружающих престол Вышнего и посыпаемых на землю для служения призываемых к

наследованию спасения, также изображения святых Угодников Божиих. Кто же не воздаст чести, кто в благоговении не поклонится лицу Божию, лицу Матери Божией, изображению лиц Угодников Христа Спасителя, подражателей Божественной жизни и действий Его? Кто не поклонится, когда это несомненная истина, что честь, воздаваемая изображению лица, восходит к самому Первообразу, к самому живому, всевидящему и всеведущему Богу, к святым Божиим, живущим и действующим в Боге, прославившим Бога и прославленным от Бога; почему, кто не воздаст чести образу, бесчестит самых тех, которые изображены на образе; что нам, которые сами составляем образ Божий, и живем и мыслим и действуем в мире образов, и одушевлять себя к благочестию вполне невозможно без начертаний и образов; что истинный, живой образ есть выражение внутренней силы и свойств своего первообраза; а начертанный на веществе, священный или Божественный образ есть истое или сходное подобие своему первообразу, и со стороны чествующего, составляет выражение чести и благоговения к достоинству и величию изображаемого. Ничто не убеждало ослепленных иконоборцев. Св. иконы были изметаемы из храмов, влачими по презренным местам, попираемы, сжигаемы, и всякому уничижению подвергаемы; вместе с тем и почитатели св. икон подвергаемы были поношению, изгнанию, пыткам, мучению и даже мучительной смерти.

Какое же было торжество Церкви, какое утешение верным, когда благочестивая царица Ирина, восприявши скипетр с сыном своим Константином, созвала 7-й вселенский Собор! На сем святом Соборе, бывшем в конце 8-го столетия по Р. Х., подобающее св. иконам почтение во всем христианском мире, на востоке и западе, юге и севере, было утверждено и восстановлено.

Но таково тлетворное семя ереси; оно еще в продолжении полувека, сначала тайно, потом опять со всею свирепостью, как заразительная болезнь, исторгшись, открылась в двух особенно иконоборцах: Льве Исаакре и Феофиле; и уже около половины 9-го столетия, при благочестивой царице Феодоре и сыне ее

Михаиле, и при святейшем патриархе Мефодии поражена в самом корне. Благочестивая царица Феодора, и собственным чувством благоверия движимая, и страшною смертью мужа своего, Феофила – иконоборца, и внушениями всех благочестивых убежденная, возвратив с торжеством честь св. иконам, св. церкви подобающее благолепие, а страдавшим за св. иконы свободу и облегчение, вкупе с святейшим патриархом, по соборному определению, первую неделю поста установила временем торжества православия. А для сего, при всеобщем собрании и священного чина и царского синклита и всего благоверного народа, с великою честью внесены были в церковь св. иконы; потом благоговейно обносимы вне, и, по совершении Божественной литургии, всенародно в церкви провозглашены были благословления ревнителям и поборникам святыни и благолепия церкви Божией, а гонителям правоверия – клятвы и отвержения. Тоже ежегодно творить и на будущие веки, тогда же было непреложно узаконено и предано.

Сей-то глас благословения и клятвы оттоле до ныне слышится в Церкви, которая, как великий дом, как великое семейство Христово, твердо и неизменно содержит и хранит все то, что издревле приняла и учредила, и последующим векам, как достояние и стяжение Христово, предала и заповедала. Посему молитвами и благословением воздая должное пред Богом защитникам веры, особенно послужившим и служащим Богу спорорением о благочестии, а гонителей веры и благочестия предал суду Божию, дает всем ясно и видеть и слышать и разуметь, что восстающие на веру и на святость благочестия Церкви противятся Богу, и Его праведному суду подпадают. И вот, еще здесь на земле, во времени слышимые страшные угрозы вечного суда да научат и вразумят каждого не касаться того, что выше его, не истязать того, что крепче его (Сир. 3:21), не прилагать пределов отцов (Прит. 22, 28), не хулить истины Божией, не быть мудрым о себе (Прит. 3:7), не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовать в, целомудрии, коемуждо яко же Бог разделил есть меру веры (Рим. 12:3).

Итак, воспоминая ныне древнее торжество православия св. Церкви, которым восстановлено и даровано Церкви видимое благолепие, осиявающее храмы Божии в украшении св. икон, в чине священнослужения, в благообразии обрядов, и всего, что вещает нашим чувствам, и чрез чувства движет к благоговению наши мысли и расположения, прежде всего и паче всего воздадим славу и благодарение Господу, по благости своей тако устроившему о спасении нашем. Возблагодарим от всего сердца премилосердого Бога, продолжающего к нам древние свои милости, и дающего мир во дни наши, когда Церковь наслаждается благотишием, и православие цветет и распространяется. И священоленным служением принося благодарение Господу, будем не только содержать и чтить свято все преданное нам св. Церковью, но будем и жительствовать так, как прияли, и действовать, как веруем; тогда спасемся.

А дабы вера наша была плодоносна и в нас самих, и растима в ближних наших, то, по состоянию и званию, по степени духовного разумения и силы веры, будем при благоприятном случае и чуждающихся св. Церкви вразумлять и располагать к общению с святою Церковью. Святой нашей верой назидая себе, и сами себе в любви Божией соблюдая, будем приводить в чувство веры и благочестия и за блуждающих: иных благим и кротким рассуждением, а иных силою обличений и страхом суда Божия от явной погибели спасать.

Могущему же сохранит нас без греха и без скверны, и поставит пред славою своею непорочны в радости, Единому Премудрому Богу и Спасу нашему, Иисусом Христом Господом нашим, слава и величие, держава и власть прежде всех век и ныне, и во вся веки. (Иуд. 20–25). Аминь.

В неделю православия

12. Слово 1. О чествовании св. икон

Пречистому Твоему образу покланяемся, Благий!

Совершаемая ныне Церковью неделя православия так названа по совершившемуся некогда в сию неделю, после низложения иконоборческой ереси, торжественному восстановлению чествования святых икон, коими оттоле во всем благолепии украсилась и доселе украшается святая Церковь.

Православие, как правая вера, правое исповедание веры, по своему значению, объемлет внутреннюю и внешнюю сторону благочестия. Но преимущественно Церковью почтено сим наименованием торжество восстановления свят. икон, которыми православная вера внутреннюю лепоту святыни своей явила во внешнем благолепии благочестия. И по достоинству св. Церковь почтила чествование св. икон наименованием православия. С восстановлением чествования св. икон, утвердились и вся внешняя сторона благочестия, в которую дух и тайны веры внутреннего богослужения облечены, как в свое тело, олицетворены для нашего взора, изображены для внешних чувств в свойственном виде.

Если бы в храмах Божиих не было священных образов, не было бы и свечи, и кадила; то не было бы благоговейного поклонения и служения пред святыми иконами. А без сего в самых храмах Божиих какая была бы скудость, какое лишение для нашего духовного назидания? Пет пред очами нашими священного образа, нет и возбуждения благоговения к святыне. Не горит свеча перед божественным изображением, нет и в сердце нашем горения к Изображеному. Не приносится кадило Богу в воню благоухания, и для нас нет ощущительного знамения к молитвенному возношению мыслей наших к Богу. Нет молитвенного преклонения долу: нет и побуждения к излиянию смиренного перед величием Божиим чувства. Как душа наша облечена телом, является и действует чрез тело: так и дух веры знаменуется во внешних обрядах, как облачениях внутренней святыни. Внешними священными знамениями дух наш живее

возбуждается к благоговению пред Богом, удобнее возводится к созерцанию тайн небесных, глубже проникается внутренним духом богослужения.

Хотя мы, как чада православные Церкви, от младенчества напоены благоговейным чувством чествования святых икон, но, для большего утверждения в сем чувстве, рассмотрим во славу православия, на чем основывается чествование святых икон?

Часть 1. Основания к чествованию св. икон

Что есть икона? Икона есть священное изображение Бога, Ангелов и Святых Божиих, служащее для возбуждения в нас чувства присутствия Божия, и непрерывного напоминания о Боге, о Божиих к нам благодеяниях, о подвигах и деяниях Святых Божиих, совершенных ими во славу Божию.

Воспрещается ли второй заповедью чествование и поклонение святых икон, как заблуждали и заблуждают неправославно мыслящие? Возможно ли, чтобы великое дело благочестия, столь живо возбуждающее в нас чувство присутствия Божия и поставляющее нас в толико ощущительной близости с земною и небесною святынею, могло быть воспрещено заповедью Божией? Не сам ли Бог, Который заповедал: не сотвори себе кумира, и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею; да не поклонишася им, ни послужиши им (Исх. 20:4,5), не Сам ли повелел, Моисею устроить скинию по образу, показанному на горе (Исх. 25:40), соделать в ней особенным местом Своего присутствия очистилище, приосеняемое двумя Херувимами (Исх. 25:18–26), и вообще учредить в скинии образное служение? Второю заповедью не воспрещается делать изображения божественных предметов и священных вещей, а воспрещается делать, для благоговейного чествования, изображения существ и вещей, видимых на небеси, на земли, в водах и под землею, которые действием своим возбуждают в нас особенное чувство удивления к их силе, красоте, благотворительности; таковы небесные светила, солнце, луна, звезды и многие земные вещи и существа, которые разнообразным действием пользы и добра могут производить в нас особенное чувство уважения к ним. Ныне, когда вся земля исполнена ведения Господня (Ис. 11:9); когда мы только из бытописаний знаем, что у язычников, неведущих Бога, были и суть и на земли и на небеси глаголемии бози мнози, и господие мнози; но у нас един Бог Отец, из Него же вся, и мы у Него: и Един Господь Иисус Христос, им еже вся и мы тем (1Кор. 8:5,6),

ныне к нам вторая заповедь закона в буквальном смысле не имеет применения. Для нас всякие изображения не только земных, но и небесных вещей, поставляемые на месте святе, но не имеющие отношения к благодатному царству Христову и, следовательно, не заключающие в себе священного значения, служат только обыкновенным украшением.

Не таковы были те, которым законополагаем был закон и дана заповедь против идолопоклонства; не таковы были Евреи не только времени Моисеева, но и последующих времен. Народ чувственны, при ограниченности духовного разумения, не способен был понимать Бога – духа и везде присутствие Божие, не способен был и от образа вещей восходить мыслью к первообразу всех вещей – Богу; но более или менее к образу привязывал и присутствие самого Божества. Отселе, смешивая тварь с Творцом, и твари, веществу воздавая поклонение, как Богу, народ Ерейский всего чаще впадал в идолопоклонство язычников, которыми был окружен. Посему для Ерейского народа нужна была заповедь, воспрещающая идолов и идолопоклонство.

Что же есть идол? В противоположность иконе, как изображению живого Бога и Святых Божиих, живущих в Боге, идол есть изображение действительного или вымышленного существа, действительной или вымышленной вещи, которым, вопреки их естественному достоинству, воздается священное чествование и боголепное поклонение. Вообще идолом что-либо называется не по веществу и не по изображению, но по употреблению и по цели употребления. Изображение простой – естественной, или вымышленной вещи, поставленное на простом месте не есть идол, а просто изображение; поставленное на священном месте есть идол. Сим объясняется и свойство духовного идолослужения, когда мы людям недостойным, вещам суетным, а не редко и постыдным, воздаем несоразмерную любовь и уважение, когда напр. на смертного человека надеемся с забвением Бога, и паче на человеке, нежели в Боге утверждаем крепость мышцы своей; когда злату, суетным забавам, предметам честолюбия, сластолюбия жертвуем нашю жизнью, крепостью сил и всею

свою любовью. Таковые предметы суть идолы, и раболепство им есть духовное идолослужение. В сем отношении вторая заповедь о непоклонении идолам, кроме Бога, и к каждому из нас вещает: не сотвори себе кумира; не сотвори себе кумира ни из человеков, ни из вещей пристрастием, рабскою привязанностью, греховным порабощением; никакую вещь, никакого человека, ничто и никого в мире не люби паче Бога.

Не опровергается ли чествование святых икон сим обличительным у Исаии Пророка вопрошанием о несообразности изображать Безпределного в подобии образа тленного человека: кому уподобите Господа, и коему подобию уподобите Его? (Ис. 40:18) и у Апостола оным вразумлением: род суще Божий, не должны, есмы непещевати подобно быти Божество злату, или сребру, или камени художне начертану и смышлению человечу. (Деян. 17:29)? Нет! И пророческое обличение и апостольское вразумление относится к поклонникам бездушных идолов, а не к богочтецам Господа Вседержителя, все сотворившего и все оживляющего. Бог сам в себе, в беспредельном существе Его не изобразим. Но тот же неизобразимый, неописанный Бог благоволил являться Аврааму в образе мужа (Быт. 18, 1. 2. 22), Иакову человекообразно утврждающимся на лестнице, простирающейся между землею и небом (Быт. 28, 12. 13), Моисею глаголавшим в купине и на горе лицом к лицу (Исх. 3, 2. – 4. 33, 13), Исаии, сидящим на престоле высоце и превознесение (Ис.6:1), Иезекиилю носимым на четырех животных, в подобии человека (Иез. 1:5,26), Даниилу на облаках во образе ветхого деньми (Дан. 7:13). Но особенным, несказанным по благости, явлением Бог – Слово явился в воплощении, которое было и основанием и осуществлением всех ветхозаветных богоявлений, и в котором Бесконечный и Непостижимый, для возможного приближения себя к человекам, Сам низвел себя в образ смертного человека, и, соделавшись совершенным человеком, жил на земле, как человек, обращался с человеками, чудодействовал, пострадал, был распят, умер, воскрес, вознесся с плотью на небо. Отселе в Божественной жизни Своей столько же оставил нам священных образов, сколько совершил божественных дел, столько

священных предметов для благоговения, сколько в тайне искупления явил нам тайн для нашего спасения. Иконы же Святых суть изображения друзов Христовых, истинных последователей Его, исполнителей Св. воли и подражателей совершенств Его, с Ним страдавших и подвизавшихся, с Ним и прославленных. Посему, где образ пресвятой – живоначальной Троицы, где образ Иисуса Христа Спасителя, там достойно и праведно быть и образам спасенных и прославленных Христом. Иде же бо Царево пришествие, тамо и чин приходит. Посему святые иконы, изображая нам многоразличные благодеяния Божии, многоразличные подвиги добродетели Святых Божиих, суть тоже, что божественные начертания священного писания, для простого ока и чувства еще яснее говорящие, нежели священные письмена слова Божия, которые, хотя сами по себе ясны, но по духовной глубине часто для простого понятия недоступны. В сем отношении святые иконы составляют неотъемлемую принадлежность и священное украшение св. храмов. Но будучи представлением лика Бога и Святых Божиих, св. иконы составляют предмет нашего благоговения и поклонения.

И вот основание, почему мы пред священными изображениями, представляемыми на веществе и облекаемыми златом, серебром, и камением многоценным, возжигаем светильники, воскуряем фимиам, совершаем благоговейное поклонение и служение. Все это делаем на том основании, что честь, по слову Василия Великого, воздаваемая образу, восходит к первообразу, – к тому лицу, которое изображено и чтится в изображении. В св. иконах мы чтим не мертвое изображение, тем паче не вещество, но изображенное лицо, которое поскольку есть живо и действенно: то и образу воздается одинаковая честь с первообразом. Поклоняясь образу Спасителя, мы в образе чтим самого изображенного Спасителя, и наше поклонение восходит горе к престолу величествия, где Он сидит одесную Бога Отца. Так св. Церковь издревле взирала на св. иконы. Сходство подражательного образа с изображаемым, говорит 7-й вселенский Собор, состоит в лице; но подражательный образ не имеет собственного лица,

а носит на себе лице первообраза, того, кто изображен. Посему, лобызая икону Спасителя, Богоматери или иного Святого, мы лобызаем не вещества, а изображенное на веществе лице. И если на иконе, пред которой кланяемся, зрак лица изгладится, то одному веществу без изображения лица мы уже более не кланяемся.

Вот сколько священно и благочестно поклонение святым иконам!

Часть 2. Цель чествования св. икон

Тем ли должно кончиться все дело благочестия о почитании св. икон, чтобы только поклоняться пречистому образу Спасителя, и благоговейно чтит иконы Святых Божиих, но достоинству их? Мы неотменно должны чтит св. иконы и покланяться им. Но также неотменно должны и воображаться во образ Спасителя нашего, яко наш первообраз, – воображаться и в образ Святых Божиих, яко в подобие Христово, и наших наставников в том, чтобы вообразился в нас Христос. Так мы, – воображающиеся в образ Христа, мы сами что иное составляем, как не образ славы Божией? Составляем образ славы Божией, но, увы, образ не подобный своему Первообразу, лишенный славы Божией, образ, истлевший страстями, затмившийся в светлых чертах богоподобия. Для того Сын Божий, Слово Ипостасное образ присносущной славы Отчей, сияние совершенств Его и явился в образе смертного человека, в зраке раба, в подобии плоти греха, чтобы восставить в нас падший и истлевший страстями образ Божий, воссиять истину Божию в уме, возжечь любовь к добру в сердце, укрепить правоту в воле, чтобы привести эти черты Божественного Образа в совокупное явление в лице человека, привести согласным действием души и тела в живое подобие мудростью, добротой, святостью.

Итак, взирая на вещественный образ Христа Спасителя, на рукописанные образы святых Ангелов и Святых Божиих, будем помышлять, что мы, каждый в лице своем, представляем нерукотворный образ и подобие Божие; представляем образ Божий в духовном свойстве и разумных силах души нашей; представляем подобие Божие, когда самым делом являем в себе духовные свойства, божественную истину в уме, любовь к добру в сердце, стремление ко всякому добру в воле; являем в себе, – в нашем лице, в сем образе внутреннего нашего человека, в сей совокупности духовного и телесного нашего существа, внутреннего и внешнего нашего действования. Когда очи наши по умному зрению видят истину, язык по внутреннему

слову изрекает мир и благословение, уста от сердца износят благодарение, да ушеса внутренним слухом внемлют милость и правоту: тогда и руки наши бывают простерты на благотворение, и ноги скоры тещи по заповедям Божиим, и вся жизнь наша устраивается благообразно по воле Божией; тогда мы являем в себе не только образ, но и подобие Божие. Для того-то вочеловечением и вообразился во все существо наше Христос, дабы Духом Своим вообразиться и действительно жить и в душах, и в телесах наших. Будем всемерно воображаться во Христа, и в лице своем, как в живом образе Его, прославлять Его и в душах и телесах наших, яже суть Божия (1Кор. 6:20).

Так от видимого образа Христа Спасителя и Святых Божиих будем полагать восхождение в сердце к невидимому, духовному образу Их и благодатно воображаться в оный нашим умом, сердцем, волею, всем существом и всею жизнью.

Спасителю наш, создавый нас в творении и воссозидающий в новотворении по образу и подобию Твоему! Мы со всей любовью покланяемся пречистому образу Твоему, в который благоволил Ты вочеловечится ради нашего спасения; покланяемся и ликам Святых Твоих, вообразившихся во образ Твой святой и Тобою прославленных. Научи нас, Благий, воображаться в Тебя, и помоги Твоей благодатью по мере сил наших уподобляться Тебе, да преобразуясь во внутреннем человеке нашем обновлением духа и ума, преобразуясь и во внешнем человеке умерщвлением страстей и очищением всех чувств, сподобимся осияться светом лица Твоего. Аминь.

13. Слово 2. О хранении установлений Церкви

Ныне благочестия светлость всем распространяется просвещающи сердца благочестивых. Приидите – все припадем, благочестивому дрено честным иконам Христовым покланяющиеся, православни!

(Стих. 1 на малой вечер. 1 нед. св. поста).

Неделя православия, которая усвоена первому воскресному дню поста, и которую мы ныне по благости Божией совершаем, установлена собственно в память торжества восстановления св. икон, на чествование которых в 8-м и 9-м веках вооружались не только ослепленные лжемудрованием учители, но и начальники народа, носившие имя христиан. Дважды с жестокостью возникавшая иконоборчная ересь дважды была и поражена, в 8-м веке была низложена 2-м никейским, – 7-м вселенским Собором; в половине 9-го века, по рассвирепении вновь, опять была поражена при благочестивой царице Феодоре боголепным восстановлением чествования св. икон, по каковому случаю учреждено и торжество православия, как неразрушимый памятник торжества правости веры над неправоверием.

Это подлинно было омрачение от духа тьмы, которое затмевало очевидную истину в глазах гонителей св. икон. Не только для чад православной Церкви, но и для всякого здравомыслящего ясно, что изображения Бога, Ангелов и Святых Божиих для того пишутся, для того в соответственных святыне их местах поставляются, чтобы напоминать нам о Боге, о Божиих благодеяниях, о подвигах и действиях Святых Божиих, которые они совершили во славу Божию для соделания спасения своего, в назидании ближайших и отдаленных потомков веры и благочестия их; кратко: – для того мы поставляем в храмах и домах наших, на вратах входов и исходов наших изображения Бога и Святых Божиих, тщательно украшаем их, возжигаем пред ними светильники и благоговейно покланяемся им, дабы приблизить к своему понятию Божество и

иметь пред очами действенное побуждение и умом и сердцем нашим быть всегда в близости к Богу.

Итак, достойно было торжествовать св. Церкви восстановление святых икон, как великую победу благоверия над зловерием. Восприяв святые иконы, Церковь Христова украсилась небоподобным, для внешнего чувства уладительным, для внутреннего назидательного благолепия.

Как с утверждением чествования св. икон утвердились вся внешняя сторона благочестивых обрядов и установлении св. Церкви: то торжество православия, одушевляясь внутренней силою веры, особенно ограждает внешнюю сторону христианского благочестия, благочестивые обряды и установления, как-то: чествование св. празднеств, хранение постов, и другие к оным относящиеся.

Если бы низложена была внешняя, обрядовая сторона благочестия в Церкви Христовой: то, не говоря о прочем, самая Божественная Евхаристия много бы могла утратить священномонастырской силы и важности своей во внешних видах тела и крови Христовой; с тем вместе для деятельной жизни сколько бы мы лишились благочестивых установлений, святых обычаяев, душеспасительных преданий, относящихся к поддержанию поведения нашего в христианской жизни и правах? Святая Церковь, как попечительная мать, ограждая нас святыми своими установлениями в христианском благоповедении, всегда с настоятельной заботливостью требует от нас, чтобы мы для преуспеяния в христианском воздержании неопустительно хранили установленные посты и в известные, по своей важности, дни положенное различие в качестве пищи и пития; чтобы для содержания себя в молитвенном расположении и духовной радости чтили празднества Господни и освящали оные неопустительным хождением в храмы Божии для молитвы, вознося оную к Богу чрез Святых Его, как ходатаев наших пред Богом, чтобы посильные делали приношения к алтарю Господню в ходатайственную жертву за живых и умерших сродников и благотворителей наших.

Что же? соблюдаем ли мы эти спасительные установления самым делом? Не надлежит ли паче сказать, что мы слабы и

небрежны в исполнении оных? Сколько мы невоздержены в сладкопитании льстящими вкусу нашему брашнами? Плотяность наша, если бы не была обуздана законоположениями Церкви, готова была бы уничтожить посты и установления о различии яств.

Сколько мы пристрастны и к наслаждению чувственными увеселениями и утехами! Рассеянность наша готова была бы всякое время обратить в дни и вечера веселия и забав, и многие, отвергнув страх Божий, священное время навечерий великих праздников вместо молитвенного бдения, проводят не только в пустых, но предосудительных, разорительных играх. Увлекаемые легкомыслием и пристрастием к забавам праздности и корысти, не работают ли таковые мамоне, богу чрева, забывая служение Богу милости и щедрот?

И в дни празднеств, нарочито посвященных Богу, как мы холодны к богослужению! Под разными предлогами домашних недосугов и не терпящих отлагательства дел, или уклоняемся от богослужения, или, пришедши к богослужению, скучаем и тяготимся продолжительностью оного, выставляя усталость и утомление. Что мы доказываем этим? Доказываем то, что мы для житейских выгод, для забав, для самоугождения ничего не жалеем, – ни времени, ни издержек, ни сил, а для Иисуса и для служения Ему не хотим провести и несколько минут в благоговейной собранности.

Вообще мы живем так беспечно, что мало думаем о будущей жизни, занимаемся от утра до вечера, от лет молодости до старости суетами, как бы вся жизнь наша оканчивалась временем нашего пребывания на земле. От какой беспечности многие из нас в совершенной неготовности и умирают. Так мы живем слабо и при духовном ограждении, когда, назидаемые спасительным учением слова Божия и законоположениями святой Церкви, непрестанно получаем деятельное наставление о приготовлении себя к смерти через совершающее св. Церковью поминование усопших. Что же было бы, если бы это священное установление, которое, при совершении его, и нас самих как бы переносит из жизни за пределы гроба, не обуздывало нашей чувственности и не

пробуждало от беспечности? И так эти священные установления Церкви в учении благочестия впечатлевают чувство благоговения к неприкословенности истин и святости таинств веры; а в применении к деятельности составляют приспособленный к общей духовной потребности путь, которым св. Церковь ведет чад своих к выполнению высоких заповедей небесного Законоположника своего и, по следам Божественной жизни Его, к преспянию в вере и благочестии.

Чада православия! Возблагодарим Господа за Его безпределную благость и благопромышление о соблюдении Церкви Своей в чистоте и непоколебимости, в мире и благотишии, каковым мы в недрах православной Церкви и царства во дни наши наслаждаемся под христолюбивою державою. В засвидетельствовании живого чувства непрерывной благодарности нашей, будем, сколько возможно, как послушные рабы, служить Господу нашему верою и любовью; как чада православия, будем всемерно блюсти законоположения Матери нашей, св. Церкви, чтить Святых Божиих, призывать молитвенную помощь их и покланяться святым изображениям их, хранить св. посты для очищения душ и телес наших, почитать праздники Божии и освящать оные достойным препровождением в чистоте, воздержании и добротворении, в этой истинной радости и веселии о Господе; будем молитвенно поминать усопших наших и, творя память о очищении грехов их пред Господом, памятовать и о собственной кончине нашей и благо- временно приготовляться к оной, чрез отречение от наших пристрастий и привязанностей; будем в простоте послушания хранить и другие христианские обычай и предания, коими, как спасительными средствами, питается наше благоговение к Богу, блюется чистота духа, охраняется строгость нравов и непорочность внешнего поведения.

А дабы деятельно исполнять все сие, будем молить Отца светов, призвавшего в царство Сына любви Своей, чтобы, благоволив нам родиться и совершать поприще жизни в недрах православной Церкви, дал благодать Свою, как верным чадам, благочестно хранить все законоположения ее, коими она возвращает и соделывает в нас благоподным слово Христово.

Будем молить Господа, Искупителя и Спасителя Церкви Своей, чтобы даровал нам Божественною силою Духа Своего, как провождать жизнь в послушании Церкви Его, так и скончать течение свое в ее матернем попечении, скончать в истинном исповедании грехов наших, в благоговейном приобщении пречистого тела и крови Его, и в благочестном напутствии мертвых остатков наших погребальным пением и молитвою, и когда уже бренным телом нашим будем тлеть и покойиться в недрах земли, и тогда гласом св. Церкви Твоей, Триипостасный Боже, да поминается молитвенно память наша о оставлении грехов и прегрешений наших и о вчинении душ наших в обители света и живота, идеже Ты пресыщаешь светом лица Твоего и покоишь вся от века в вере и благочестии скончавшихся. Аминь.

14. Слово 3. О власти, данной Церкви не непокоряющихся

Аще и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь. (Мф. 18:17).

Неделя православия есть в собственном смысле торжество православной веры и Церкви. Св. Церковь, по совершенном восстановлении св. икон, законоположением отцов седьмого вселенского Собора, утвердила и приняла в неизменное хранение то, что утверждено и принято прежними вселенскими и поместными Соборами. Напротив, отринула и запретила все то, что ими запрещено и отвергнуто. Держа древнее священное установление, св. Церковь и ныне, при совершении торжества православия, колико величественным, толико и страшным действием являет силу и славу свою: являет славу в торжестве содержимой ею божественной веры непоколебимо от внешних врагов; являет силу в прославлении благочестивых поборников, и в осуждении открытых врагов Божиих и своих. Как истолковательница непреложных судеб Вышнего посреди живущих на земли, по данной ей от Господа власти, возвещает, для вразумления живущих, высоким проповедованием, суды милости и правды Господней о умерших. Тех, которые в Господе и в державе крепости Его были и суть поборниками божественной веры, она торжественно и ныне восхваляет и ублажает; а тех, которые ниспровержением и разрушением божественной веры явили себя открытыми врагами и гонителями оной, подвергает осуждению. Но в тоже время материински соболезнуя о блуждающих по многоразличным распутьям ересей и расколов, пламенно молит Человеколюбца, да обратит блуждающих к познанию истины и соединит их во едино благословенное стадо Свое.

Здесь-то, благополучные чада Церкви, еще паче одушевимся благоговением к общей Матери нашей, домостроительнице Христовой, Церкви и к, святым законоположениям ее. Церкви от самого Христа даны ключи царствия, власть отверзать послушным врата царствия, а для

непослушных и противящихся затворять; при нераскаянности же и вовсе заключать двери общего упования спасения. Отселе и мы поздние, но верные послушатели догматов Церкви и неуклонные последователи установлений древних вселенских отцов и учителей, устами их повторяем в утверждение непреложности истины учения и постановлений Церкви: их же проклятию предаша, и мы проклинаем; их же извержению, и мы извергаем; их же запрещению, и мы запрещаем, и их же отлучению, и мы отлучаем. (1-е прав. 7-го вселен. Соб). Эту великую власть Господь дал Церкви не на разорение, а на созидание.

Дабы нам, как чадам послушания, еще паче утвердиться в послушании святой Церкви: исследуем во славу православной Церкви основания и силу власти, данной Господом Иисусом Христом Церкви на непокоряющихся уставам ее.

Часть 1. Иисусом Христом учреждено в Церкви духовное управление

Церковь, как общество исповедующих единую веру и стремящихся к одному духовному совершенству в вере и благочестии, состоит под невидимою Главою. Эта Божественная Глава, Спаситель тела, есть Господь Иисус. Как Зиждитель и Законодатель, верховный Царь и Судия Церкви Своей, Он дал ей божественные законы Свои, дал и свойственное правление и суд. Внутреннее управление Церкви совершает Дух святой, действующий вся во всех (1Кор. 12:6). Внешнее правление Церкви составляют те, которым вверены словеса Божии и тайны веры для созидания тела Христова. Таковы были первые самовидцы и слуги Слова, св. Апостолы, коим глаголы живота вечного и ключи царствия вверены были непосредственно от самого Христа, Зиждителя и Законоположника Церкви. Таковы после Апостолов преемники их служения, православные пастыри и учители, в непрерывном порядке, преемства от времен. Апостолов даже доселе друг за другом следующие, и тоже благовествование Христово проповедующие, те же тайны Христовы, священномдействующие; по сему они такие-же, только последовательно друг другу преемствующие, слуги и свидетели Слова. И так священство, священнопастырство и учительство, коим вверено строение тайн и назидание членов Церкви, составляют духовное правительство Церкви Христовой. Оно есть сословие верных человеков, которые, быв воспитаны, наставлены и утверждены в учении истинной веры и благочестия, кроме собственного внутреннего благоговения к тайнам веры и попечения о назидании себя во благочестии, под особеною клятвой восприяли друг от друга, как небесное сокровище, тайны веры, учение благочестия и законоположения Церкви для неизменного хранения, совершения и преподаяния оных другим в чистой совести. Это сословие верных, в учении веры и благочестия испытанных и утвержденных человеков, есть священное звание служителей Церкви Христовой, которые именуются в слове Божием посланниками (2Кор. 5:20) и

проповедниками воли Божией (1Тим. 2:7), стражами (Иез. 33:7) и приставниками дома Господня, слугами и домостроителями Христовыми (1Кор. 4:1), именуются светом мира, солью земли (Мф. 5:13,14), споспешниками и домашними Христовыми (– 10, 25). Им преданы слова жизни, вверено служение (2Кор. 4:1) церкви, открыты тайны Христовы, им даны и ключи царствия – отверзать двери спасения для желающих входить, и затворять для тех, которые не только сами не входят, но отмешут и хулят путь спасения.

Часть 2. Церкви дана власть

а) Спасительно созидать во едино тело послушных

Сколько необходимо Правительство в Церкви Христовой, столько же необходимо для оного и употребление прав власти духовной на созидание Церкви Христовой. Церковь есть общество. А общество не может существовать благоустроенно, если члены оного не будут выполнять тех законов, на которых утверждается благоустройство общества. Посему члены Церкви обязываются к исполнению законов, предписываемых им Церковью, а Правительство церковное, по силе власти, данной ему от Божественной Главы и Верховного Законодателя – Христа, имея право требовать повиновения от членов, в случае неповиновения, имеет власть неповинующихся подвергать действиям духовного суда и наказания. Но Церковь есть общество великое. Она заключает в себе, людей всех времен, всех мест, всех стран и народов. Потому в Церкви, как в великом дому, есть сосуды златые и сребренные, есть деревянные и глиняные, есть сосуды в честь и не в честь (2Тим. 2:20); в Церкви, как на пространном поле, подле пшеницы и других благих насаждений растут плевелы, терны, волчцы; всемирной проповедью Церкви, как великим неводом, вверженным в море, уловляется все, что ни попадется, всякого рода рыбы, и добрые и худые (Мф. 13:4, 7, 48, 30). Посему нужно, чтобы приставники великого дома – Церкви, отделяя сосуды драгоценные от недрагоценных и простых, первые хранили, а последние очищали, и непотребные извергали. Нужно, чтобы делатели на поле Церкви Христовой блюли, дабы пшеница вовсе не была подавлена плевелами, а для сего, по требованию необходимости, тщательно отделяли от пшеницы; нужно, чтобы ловцы душ человеческих, ввергая спасительную – словесную мрежу, – для сохранения доброго лова, извергали вон из мрежи Церкви вредных чудовищ.

б) Удалять от общения своего непослушных

Так порядок духовного благоустройства требует, чтобы добрые были предохранямы от гибельного действия злых, а

злые и вредные всемерно были устраниены от общества добрых. И Божественный Законоположник и Судия – Христос дал Правительству Церкви Своей право власти, даже вовсе отсекать заразительных членов от Церкви. Так Он, разрешая важный вопрос: как поступать в том случае, когда бы кто оказался в христианском обществе с нетерпимым пороком, научает употреблять к уврачеванию зла сперва братское увещание: аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином; аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего. За тем, в случае непослушания, повелевает употреблять открытое вразумление при свидетелях: аще ли тебе не послушает, пойми с собою паки единого или два: да при устах двух, или трёх свидетелей станет всяк глагол. Наконец, если и это средство окажется бездейственным, повелевает употребить решительную меру против не исправляющегося, объявить о его образе мыслей и расположениях Правительству церковному: аще же не послушает их, повеждь Церкви: аще же и Церковь преслушает, буди тебе яко же язычник и мытарь (Мф. 18:15–17). В этом обстоятельстве особенно заслуживают замечание грех брата, и последнее наказание согрешающего, в случае преслушания самой Церкви. Аще согрешит к тебе брат твой.

Очевидно, здесь, разумеется, грех тяжкий, соблазнительный, опасный, но не такой грех, который бы подлежал действию закона и суда гражданского, потому что Иисус Христос не входил в разбирание дел и преступлений гражданских. Опять не разумеется чрез грех личная, жестокая обида и оскорбление; личные обиды каждому из нас велено сносить великодушно, но, разумеется, возмутительный для совести грех, обнаруженный братом; разумеется или опасное заблуждение ума против веры, или тяжкая неправда сердца против благочестия. Потому-то как в деле, касающемся не временной, а вечной участи ближнего, и дается каждому право обличить брата. Этот грех, как недуг ума, как зараза сердца, более вреден и гибелен согрешающему, нежели тому, кто знает о нем. Однако же он так важен, что нельзя оставить в нем ближнего без нарушения обязанности братолюбия, без того,

чтобы, оставив заблуждающего явной погибели, чрез него не дать заразе распространиться и на других. Потому велено обличить согрешающего сперва в духе братской любви наедине, потом уже при свидетелях, а за тем неисправляющагося велено предоставить суду Правительства Церкви, которое в свою чреду употребляет подобную же постепенность в своих вразумлениях согрешающему. И когда вразумляемый окажется упорным презрителем внушений самого Правительства Церкви, тогда велено почитать такового, как мытаря и язычника: буди тебе якоже язычник и мытарь.

Какое же это действие суда, и какое состояние осуждения? Это наказательное действие суда Церкви, состоящее в особенном отлучении от Церкви. Мытари у Иудеев почитались открытыми, позорными беззаконниками, а язычники почитались нечистыми, как народ, удалившийся от Бога, которым нет части в жребии избранных Божиих, и которые, как псы, должны быть отчуждены от трапезы чад Божиих. Посему того, кто и после суда Церкви остается неисправленным, почитать мытарем и язычником, есть тоже, что почитать такового не христианином, не сыном Церкви, не благомыслящим, но совратившимся с пути истины и правды, зловерным, злочестивым, заразительным и потому опасным для общения с верными и истинными чадами православной Церкви. В следствие того обличенный, осужденный и оказавшийся нераскаянным, общим определением Церкви отсекается от союза тела Церкви. Аще и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь.

И так правительенной Церкви, Собору предстоятелей, пастырей и учителей, яко верховному судилищу Христову на земли, кроме меньших исправительных наказаний, как-то: низвержения с церковных степеней, запрещения в священнодействии, отлучения от употребления таинств и лишения других христианских преимуществ, дана от Христа и Апостолов власть отлучать, отсекать от общения и союза Церкви во первых учителей зловредных заблуждений, коими потрясаются основания веры и благочестия, потому что еретика – человека, после первого и второго вразумления, велено удаляться, как такого, который развратился, небоязненно

грешит и сам в себе носит осуждение (1Тим. 5:10); во-вторых, нововводителей пагубных ересей и расколов, коими раздирается единство тела Церкви Христовой, и неутверженные в вере увлекаются на многоразличные распутья заблуждений, как овцы вне двора Христова, и предаются в жертву мысленным волкам; в третьих учинивших тяжкие преступления к соблазну и прельщению многих, и, не смотря на сделанные им вразумления, не подающих надежды раскаяния. Таковы исчисляемы св. Апостолом Павлом непомерные сластолюбцы, духовные идолослужители, осквернители, лихоимцы, которые открыто провождаемой беззаконной жизнью сами себя исключают от наследия Царства небесного (1Кор. 6:9).

Часть 3. Необходимо Церкви употреблять данную власть на непослушных

Церковь, как сердобольная мать, неохотно, даже со скорбью приступает к печальному действию открытого обличения и осуждения, тем паче отсечения членов от общего состава тела. Подобно упоминаемому в притче виноградарю, она даже умоляет Божественного Господина винограда, на требование Его о посевании бесплодного дерева, чтобы Он по долготерпению Своему позволил еще употребить последние меры испытания, не принесет ли неплодное дерево плода (Лук. 13:7–9). Впрочем, когда належит опасность, что гниющие члены и иссохшие ветви могут заражать здоровые члены и погублять плодоносные ветви; то Церковь, хотя со скорбью сердца, употребляет болезненное врачество. Исполняя повеление Господа, чтобы не давать святого писам, и не метать бисера пред свиньями (Мф. 7:6), она отлучает явных грешников от приобщения св. тайн. Соблюдая апостольскую заповедь, – не принимать в дом сеятелей ересей, как лестных духов, и дружелюбно не приветствовать (2Ин. 10), отлучаться от всякого брата бесчинно ходящего (2Сол. 3:6), и с открытыми развратителями не сообщаться (– 14), и сама от нераскаянных отлучается и отлучает таковых от верных для постыждения и исправления их. Содержа твердо апостольское завещание, тех, которые иначе проповедуют, нежели как благовествовали Апостолы (Гал. 1:8), и которые не любят Господа Иисуса, а ненавидят, предает анафеме (1Кор. 16:22)

И законная мера строгости в употреблении церковных наказаний необходима. Если соблазны в вере и христианских нравах не будут удерживаемы судом истины и праведной мерой наказаний: то они будут являться открыто, небоязненно. Тогда слабые умножат преткновения, твердые и благомыслящие, при бездействии служителей Церкви к охранению их от соблазнов, поколеблются: своевольные, наравне с верными приемля отпущение грехов и общение св. тайн, соделяются дерзновеннее, неверные и иноверные, видя посреди Церкви в

верующих смешение света и тьмы, добра и зла без духовного рассуждения и без различительного суда и осуждения, устраниются от Церкви, зломыслящие даже возьмут случай хулить Христа и Церковь, якобы Христос и Церковь имеют общение с неправдой и беззаконием (2Кор. 6:7). И сама Церковь излишним послаблением может навлечь на себя праведный гнев Божий. Если она одинаково будет смотреть и на благочестивого христианина, и на злочестивого развратителя веры и благочестия: то равнодушием своим может приобщиться чужим грехам, и подвергнуться гневу Божию, как подвергся некогда гневу Божию весь Израиль за преступление Ахарово (Иис. Нав. 7). А когда Церковь праведным судом будет являть человеческие грехи и беззакония, и праведной мерой наказания возмерять преступления против веры и благочестия: тогда, при охранении чистоты веры и христианских нравов, будут охраняться в христианах страх Божий и благовение к тайнам веры; при открытом обличении и суде непослушных, непотерявшие послушания будут иметь страх (1Тим. 5:20), а верные и благопослушные паче одушевляться к преуспению в вере и благочестии и к святой ревности блести древнее отеческое православие во всей чистоте.

Итак Церковь, имея право и обязанность благословлять и ублажать верных и благослужащих Господеви, имеет также непрекаемое право, власть и обязанность противников веры судить, преступников против веры и благочестия обличать и наказывать, а нераскаянных соблазнителей и упорных врагов вовсе отсекать от союза верных, и предавать их суду Божию. Тот, Который есть Владыка живота и смерти, Законодатель и Судия всех тварей, Который содержит в деснице суд и правду всея земли, живит и мертвят, спасает и погубляет, возводит и низводить, убожит и богатит, возвышает и смиряет, Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Сый благословенный во веки, Церкви Своей, как общнице света Его, как раздаятельнице благ и даров Его, дал право и власть благословлять благословляющих Его, и проклинать проклинающих святыню и тайны спасения Его, преданные ей, как тайноводительнице на пути спасения.

Да слышат сие те, которые, увлекаясь тщетными нововведениями и суеверными мнениями, отваживаются отверзать уста свои на хуление Церкви, восставать против священных прав власти ее и произносить поношение на богоучрежденные уставы ее и на хранящих оные. Да слышат поносители таинств и священнодействий Церкви, под видом внутреннего служения Богу, позволяющие себе уклоняться от исповедания грехов, от приобщения тела Христова, от хранения постов и прочих благочестивых установлений Церкви; да слышат оставляющие храмы Господни и общее моление и служение Богу с верными, и по своемыслию особо собирающиеся, и своевольно составляющие свои молитвенные собрания; да слышат пренебрегающие богоучрежденную церковную власть, и вместе с тем священную предержащую власть, и самомненно восхищающие себе не принадлежащую власть духовную. Противясь Церкви и уставам ее, они очевидно подвергают себя суду Божию, так как осуждающий их суд Церкви есть суд Божий. Хотя решительный суд человеческих деяний принадлежит Единому Богу, и Церковь, произнеся суд и отлучая от общения своего, не столько изрекает конечное осуждение, сколько свидетельствует тем, как страшно и ужасно состояние тех, которых, на основании Слова Божия, отчуждает она от союза своего. Но как это страшное отчуждение делает православная Церковь на непреложном основании Слова Божия: то отчужденные и те, которые нераскаянностью подвергают себя открыто отчуждению Церкви, остаются в состоянии явной опасности вечного осуждения и гибели. Аминь глаголю вам, сказал Спаситель в лице Апостолов всем преемникам Апостолов, пастырям Церкви: аминь глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесах. (Мф. 18:18). Аминь.

Во 2-ю неделю поста

15. В болезнях надлежит наперед врачевать душу нежели тело

Тебе глаголю: восстани, возьми одр твой, и иди в дом твой.

(Мар. 2:11)

Ныне чтенное Евангелие представляет нам исцеление Спасителем расслабленного жилами, который не владея членами, как живой мертвец, был принесен четырьмя человеками и через кровлю дома на одре свешен пред Спасителя.

С чего начинает Небесный Врач исцеление этого во всем телесном составе расслабленного? Начинает с исцеления душевного расслабления: чадо, отпускаются тебе грехи твои. Расслабленный, в продолжении тяжкого телесного недуга, вероятно сознал душевное свое расслабление, и соделался способным принять врачебную силу милосердия Божия. Почему Врач душ и телес и обращается к нему: чадо, отпускаются тебе грехи твои. Вот, как бы так говорил Спаситель, причиной твоей немощи были твои грехи, но ты восчувствовал душевное свое расслабление, обратился к Богу: посему отпускаются тебе грехи твои, – главная вина твоей немощи; с чем вместе отъемляется от тебя телесное расслабление и возвращается тебе здравие: восстани, и возьми одр твой и ходи.

Оставляя за тем бесполезный для нашего назидания ропот Фарисеев на Спасителя за отпущение грехов расслабленному, спросим: для чего св. Церковь во вторую седмицу поста предлагает нам повествование о исцелении Спасителем расслабленного и душою и телом, который исцелен был прежде от душевного, потом уже и от телесного расслабления? Для того, что мы ныне в св. Четыредесятницу, хотя все врачуемся душевно; но многие имеем нужду врачеваться и телесно. Между тем пример ныне упоминаемого расслабленного вразумляет нас, что болезни телесные бывают следствием болезней душевных. Итак, в приключающихся болезнях телесных

необходимо предварительно врачевать душу от грехов, потом уже тело от болезней.

Часть 1. Надлежит сперва врачевать душу от грехов, потом тело от болезней

Так ли мы поступаем? Бережем ли паче всего душевное здоровье, печемся ли о нем предпочтительно пред телесным, как о существенной причине, от которой зависит телесное здоровье? Не оставляем ли напротив в пренебрежении душу, не заботимся ли более о теле и о благосостоянии телесного здоровья нашего? Как внешняя жизнь, временные блага, чувственные наслаждения всего более нас занимают, так и попечение наше всего более устремлено на тело и на телесные потребности. Тело мы стараемся питать, одевать, украшать, от всякого вреда оберегать: постигла болезнь, – призываем врачей, и для восстановления здоровья употребляем все способы, не щадя не только никаких издержек, но в опасных случаях решаемся даже на язвы, жжение, отсечение членов и на другие мучительные страдания, только бы поддержать и продолжить телесную жизнь. Так мы печемся о сохранении телесного здоровья нашего в приключающихся болезнях.

Тоже бывает и тогда, когда угрожает смертная опасность жизни. С неописанной заботливостью самые первые, самые поспешные, решительные берем средства против свирепствующей телесной болезни, какова бы она ни была: тут и врачи и врачества, тут и советы и все возможные пособия. Не многим благомыслящим приходит на мысль позаботиться о приуотовлении опасно больного к духовному врачеству, к исповеди и приобщению, опасаются потревожить больного страхом смерти; эти духовные пособия присуждают по неволе уже тогда, когда по всем признакам видят больного безнадежным для жизни. Что же? Как в таком состоянии прилагаются духовные пособия больному? Достойно жалости употребление нами в болезненном состоянии духовных средств! Часто бывает: больного исповедуют, а он едва слышит и понимает; его приобщают, а приобщаемый едва переводить дыхание, едва имеет употребление чувств. Премилосердый Господи! Как бы ни велика была Твоя милость, как бы ни

живоносны были Твои таинства, по что они могут сделать при всей действительности своей, когда полагают оные в онемевающие чувства, когда питают оными охладевающее тело, когда вливают жизнь Твою в мертвееющее сердце? Это значит тоже, что сеять благоплодное семя на засохшую, каменистую землю, возжигать огнь жизни в мертвости чувств, источать росу благодатную в оледеневшее сердце.

Не так надлежит нам поступать не только в болезнях опасных, предсмертных, но и легких, удобоизлечимых. Надлежит приниматься сперва за врачевание души нашей чрез очищение от грехов – исповедью и покаянием, чрез уврачевание сердечных немощей небесным брашном тела и крови Христовой, чрез освящение всех чувств елеосвящением, а потом уже употреблять с благословения Божия и средства врачевания телесного. Не душа ли больше тела? Не дух ли оживляет плоть, которая ни мыслить, ни желать, ни без управления души действовать не может? Не душа ли есть светильник тела? Если око души нашей, ум, светло, здраво мыслит и рассуждает, если сердце наше право пред Богом, желания сердца направлены к творению заповедей Божиих: тогда и начинания наши бывают успешны, и дела в благословении и последствия дел благоплодны. Иначе, если око наше завистливо, любострастно, гордо и корыстолюбиво, а сердце питает в себе все эти страсти, и зависть и любострастие и гордость и корыстолюбие; тогда и суждения наши бывают пристрастны, и расположения растленны, и начинания превратны, дела и пользе близких и собственному нашему благу вредны, а воле Божией противны; отселе и вся жизнь наша бывает уничижена. При таком неустроенном, мятежном течении жизни может ли быть мирною и кончина? Да уврачует нас Господь от жизни неисправленной, беспечной, да предохранит мерами благости от кончины нераскаянной, греховной!

Часть 2. Здравая, непорочная душа есть источник здравия тела

Что в душе источник жизни, здравия, веселия, это можем мы видеть из собственного своего опыта, если Господь не лишил нас своей милости. Приведем себе на мысль то состояние, когда Господь посыпал нам благодать принести искреннее покаяние пред духовным отцом своим, – что мы тогда чувствовали? О! чувствовали во всем существе ток жизни, свободу, утешение, радость и веселie духа. Что это значит? То, что, благодатью Христовою, было тогда снято с нас тяготевшее на нас бремя грехов наших; что мы чувствовали дарованную нам Спасителем чистоту, чувствовали себя в близости к Богу, в мире с близкими, в мире с собственною совестью нашею, и нам было легко: мы ощущали в сердце покой, свободу, веселость; взор наш с светлою слезою простирался к Богу, мы готовы были в ту минуту всеми мерами служить ближним нашим, горели желанием и сами себя поставить на всегдашний подвиг благоугождения Господу чистотой, воздержанием, терпением и всеми теми расположениями, каковыми благодать Божия наполняет очищенные сердца.

Но когда исповедь наша бывает холодна, лицемерна, поверхностна, после такой исповеди, как были умом мрачны, сердцем тяжки, как были, подобно узникам, связаны, так с той же тяжестью, с той же связанностью мыслей, расположений и действий и остаемся. Это от того, что мы поверхностной нашей исповедью не разрешали внутреннего союза с неправдой; оставаясь по-прежнему под игом греха, оставались в плену страстей наших.

Совершая ныне поприще поста для очищения душ и телес, особенно в настоящее святое время духовного врачевания, попечемся о уврачевании духовного расслабления души нашей, попечемся тем более, чтобы, давая усиливаться и застаревать душевным болезням нашим, не дойти нам до неисцельного греховного расслабления, которого следствием бывает мысленная слепота ума, окаменение сердца, совершенная

бездейственность для добра воли, отселе возникает господство страстей, как смертельных болезней и рабство греху, от чего все душевые чувства охладевают для истинного и правого служения Богу, ближним, собственному спасению, – и человек умирает для духовной жизни.

Обратимся истинным покаянием и исповеданием грехов наших к Божественному Врачу Иисусу, дабы Он благодатью Свою исцелил нас от обдержащего нас греховного расслабления. Если мы не имеем добровольного, сердечного расположения обратиться к Божественному Врачу, пусть невольно понесут, повлекут нас к Нему эти четыре проводника: страх погрязнуть в беззакониях, боязнь погубить безвременно телесное здравие и самую жизнь, ужас умереть в нераскаянии и трепет снизойти нераскаянною смертью в преисподнюю вечного осуждения. Соберем все силы, чтобы восстать с одра греховного расслабления.

Небесный Врач ныне особенно взвывает каждому из нас: восстань, возьми одр твой и иди в дом твой; ты восстань от самообольщения, смирись пред Господом, и Господь даст тебе благодать; ты восстань с Закхеем от сребролюбия, и возвестится душевному дому твоему спасение; ты восстань с блудным сыном и с женою грешницею от сладострастия, и приимешь от Отца Небесного первую одежду чистоты, услышишь отпущение грехов, токмо не согрешай к тому; ты восстань от невоздержания и нетрезвенности, ты от лености и рассеяния, и упьешься от тока Дома Божия, упьешься во спасение от чаши тела и крови Христовой, и за бодрственный труд сподобишься восприять похвалу благого раба. Все восстанем, и каждый возьмем одр свой, возьмем одр, – обдержащие нас греховные привычки, пристрастия, порочные расположения и действия, возьмем эту расслабляющую нас тяжесть твердой решимостью, в силе Божией, возьмем для исправления, очищения и заглаждения; и идем в дом свой, идем в дом души нашей благим рассуждением и собранностью, идем в дом совести самоиспытанием и блюдением себя в страхе Божием, отселе идем благими мыслями, твердыми расположениями, богоугодными действиями в дом царства

небесного, дабы, пришедши туда благочестивой жизнью и христианской кончиной, сподобиться обитать во свете Святых, в жилище нескончаемой жизни, неувядаемого здравия и присноцветущей красоты. Аминь.

В 3-ю неделю поста

16. Беседа о поклонении честному и животворящему кресту

Святая Церковь, совершая ныне торжественное поклонение животворящему кресту Господню, воззывает всех нас почтить с благоговением устами и сердцем, преклонением колен и повержением всего тела долу, крест Христов, как спасительное оружие мира, – оружие непобедимой победы, на нем же Христос, Царь славы волей руце распростер, вознес нас на первое блаженство. Благоговейное поклонение кресту Господню, совершающееся в средине св. Четыредесятницы в третью седмицу поста, установлено св. Церковью от древних времен.

Почему же св. Церковью в средине св. Четыредесятницы с такой торжественностью совершается поклонение животворящему кресту, в честь Распятого на кресте, обратим благоговейный взор на причину такого установления.

И всегда, а особенно в сие время св. Церковь представляет нам крест Христов, как силу для укрепления, как утешение для ободрения, как знамение победы для духовного торжества на совершающем поприще поста.

Св. Церковь представляет нам ныне крест Христов, как силу для укрепления.

Четыредесятидневный пост св. Церковь установила в подражание четыредесятидневному посту Спасителя, дабы и мы, но мере сил наших, подвизались вкупе с Подвигоположником нашим подвигом поста. Но немощная плоть наша, при внешних лишениях, ощущая изнеможение, исполняется чувством уныния. Итак, для воскрыления духа нашего и для укрепления немощной плоти в подвиге воздержания, св. Церковь, как мудрая детоводительница, представляет пред взоры наши животворящий крест. В сем спасительном орудии страданий Господа нашего преднаписуя нам сокращению все подвиги, подъятые за нас Спасителем нашим, тщится укрепить нашу немощь, подвигнуть к терпению, и превозможению трудностей дух наш. И подлинно, если

Господь наш ради нашего спасения подъял толикие страдания: то мы ли, взирая на Начальника веры и Совершителя Иисуса, не подвигнемся священной ревностью хотя несколько потерпеть ради собственного своего спасения? Если Сын Вышнего, Богочеловек – Господь Иисус ради грешников и от грешников претерпел бесчисленные страдания: то мы ли будем унывать в подвиге со страстями и похотями, мы ли не будем сподвигаться Ходатаю спасения нашего против собственного греха нашего (Евр. 12:3,4)? Когда мы живо представим скорби и болезни нашего Спасителя, то наши скорби и болезни в собственных глазах наших явятся нам ничтожными; а когда помыслим, что и Сын Вышнего, для нас человек и для нашего спасения, соделавшись человеком, вошел в небесную славу не иначе, как страданиями, то и мы одушевимся твердою надеждою, что сели, по благодати Спасителя нашего, будем с Ним страдать, то вкупе с Ним и прославимся.

Св. Церковь представляет нам ныне крест Христов, как утешение для услаждения горестей постного поприща.

Четыредесятидневный пост представляет собою образ четыредесятидневного странствования Израильтян в пустыне. Как там для плотского Израиля были, так и здесь для плотского нашего человека на скорбном пути очистительного шествия есть горькие источники, проистекающие от скорби постного поприща. Посему, как Богоvodимый вождь Израиля, Моисей, по переходе с народом Божиим чрез Чермное море и по трехдневном шествии безводной пустынею, достигши до горьких вод Мирры, самые сии горькие воды претворил для жаждущего народа в сладкие посредством показанного Богом древа, вложив оное в горький источник: так и св. Церковь, по трехседмичном шествии путем св. поста, во утоление скорби поста, влагает в горький источник наших плотских мыслей, чувствований, расположений животворящее древо креста Господня, услаждает им горечь чувственности нашей, ободряя нас, что крестные подвиги имеют внутреннее утешение, что чем кто более вкусит духовной горечи самоотвержения, тем исполнится обильнейшей сладости духовного животворения; что как Израильтянам после вод Мирры ниспослано было небесное брашно, ниспослан был хлеб

ангельский, манна; так и после горьких вод покаяния Христос дарует алчущим и жаждущим правды насыщение духовное, дарует сладостное чувство мира, утешительное предвкушение небесной славы и радость о Духе Святе.

Святая Церковь представляет нам ныне крест Христов, как знамение победы для духовного торжества.

Богомудро св. Церковью установлено празднование креста по средине Четыредесятницы, дабы подвижники воздержания по средине духовного поприща, взирая на крест, как на спасительное знамение победы, обретали в нем новое подкрепление силам, новое ободрение духу.

Какое же является в кресте еще новое подкрепление нашему бессилию, для воскрыления духа нашего к Христоподражательным подвигам?

Крест Христов, как победное знамение, явственно воззывает всех подвижников воздержания к торжеству и славе. Сие божественное знамение всемирной победы, возносимое пред нами, служит для нас провозвестником того, что грядет, что шествует в след за ним и Сам Избавитель наш, Сам Победитель врагов наших. Как победоносный царь, шествующий со славой победы, прежде пришествия своего, предпосыпает знамения своей победы, за тем и сам приходит со славой, дабы вместе с избавленным народом своим, вместе с соучастниками подвигов своих насладиться радостью и веселием торжества. Подобным образом Царь славы, Господь наш Иисус Христос, одержав победу над всемирным врагом, и своим воскресением нисровергнув смерть и ад, предпосыпает скипетр свой, животворящий крест, дабы мы, при виде победного знамения, уготовились достойно принять и самого Победителя, за победу над врагами нашими благодарно прославить Его, и вкупе с Ним разделит спасительные плоды победы Его.

Посему как древо жизни таинственно было насаждено посреди земного рая: так и крестное древо, как истинное древо жизни, таинственно Церковью настаждено посреди умного рая, посреди св. Четыредесятницы, в подкрепление нашей немощи, в поощрение к подвигам, в знамение победы и в надежду спасения. Мы не умели в праотцах наших в райском состоянии

вкушать сладость древа животного и блаженствовать. Итак, вот на земле изгнания научимся вкушать спасительную горечь креста; на земле странствования потщимся силою Умершего на кресте мало по малу возвращать потерянную жизнь и блаженство. В раю сладости древо было источником жизни нашей; но древом потеряли мы и жизнь. Древом же самоумерщвления потщимся паки возвратить себе жизнь; древом креста сраспинаясь и умирая со Христом, убьем нас убившего. Вкушающие спасительную горечь от древа крестного не к тому умирают, но исцелеваются и оживотворятся во спасение.

Поклонимся убо животворящему кресту; почтим его и устами нашими; прославим его и в теле нашем, и в духе нашем. Почтим крест Христов устами в благоговейном лобзании; прославим в теле нашем смиренным повреждением пред ним, а паче ношением крестных язв умерщвления на теле нашем. Прославим Его в духе нашем воображением в уме и сердце страданий распеншегося за нас на кресте Господа, а паче распинанием на кресте всего ветхого человека нашего.

Силою креста Твоего, Господи Иисусе Христе, Спасителю наш, яви нам помощь в немощах наших, воздвигни нас от греховного расслабления, утверди в последовании Тебе путем самоотвержения, оживотвори мертвенностъ нашу, восстави нас и спаси! Аминь.

17. Слово 1. Как надлежит отвергаться себя, по примеру самоотвержения Христова

Взирающе на Начальника веры и Совершителя, Иисуса, иже вместо предлежащие Ему радости претерпе крест, – да не стужаете, душами своими ослабляеми.

Евр. 12:2,3.

Святая Церковь, ведя нас поприщем поста среди умиленного богослужения и молитв, ныне – в средине поприща, в третью седмицу воздвигает пред очами нашими св. крест, как сильнейшее побуждение к неослабному продолжению постного шествия в покаянии о грехах.

Подлинно, воздвигаемый ныне для благоговейного поклонения святой крест, по намерению Церкви, воздвигается, как сила Божия для укрепления, как утешение для поощрения, как знамение победы для ободрения нас к духовным подвигам. Шествующие поприщем поста уподобляются путешественникам, совершающим долгий и трудный путь; уподобляются делателям на поле среди дневного зноя и тяготы; уподобляются воинам, ратующим против духовных врагов. Нужен путешественнику жезл и вообще для облегчения шествия, а особенно для подкрепления в прохождении по трудным местам. Необходим и для духовного путника воздержания жезл крепости, – крест Христов, которым вообще взирая на Подвигоположника своего укрепляет себя в шествии, а в трудных обстояниях единственно поддерживает себя от нападения силой креста. Делающим на ниве среди дневного зноя и тяготы древесная тень представляет прохладу от зноя и успокоение от тяготы. И соделывающим среди постных подвигов свое спасение сень креста, сень благодатного мира и утешения, услаждает тяжесть скорби и томление внутренней борьбы. Воинам не только присутствие царя, но и одно зрелище предшествующего пред ними победного царского знамения придает бодрость и надежду к победе и торжеству. И духовным воинам, постом и молитвой ратующим против невидимых врагов спасения своего, даст крепость к подвигам возносимый торжественно крест, как

победное Царя Христа над диаволом знамение, в котором Он и нам даровал оружие непобедимое на враги.

Так св. Церковь, на средине поприща одушевляя нас к неослабному продолжению подвига поста, к священномонастырским побуждениям о последовании за Подвигоположником нашим путем креста, присовокупляет и собственный Его пример и повеление: аще кто хощет по мне ити, да отвергнется себе и возьмет крест свой и по мне грядет. (Мк. 8:34).

Дабы в сие святое время укрепить себя к шествию за Спасителем нашим путем самоотвержения и креста: то воззрим благоговейным оком веры:

1. как Сам Спаситель смирил себя ради нас?
2. как понес крест Свой и совершил дело спасения нашего?

Часть 1. Как Спаситель смирил себя ради нас?

Дабы понять, чего требует от нас наше самоотвержение: то приблизим к нашему разумению, как смирил себя ради нас Спаситель наш? Непостижимо, неисповедимо смиление Спасителя нашего ради нас. Это есть истощение Божества до униженнейшего состояния человечества. Единородный Сын Божий, сияние славы Отчей, правда и святость вечная, Бог, ненавидящий беззакония, для искупления нашего облекся в подобострастное нам естество и, соделавшись совершенным человеком, кроме греха, восприял грехи всего мира, виновность и казнь всех человеков. Посему в вочеловечении Он сокрыл славу своего Божества, отложил силу своего всемогущества, снисшел неприступной святостью своею к нашей греховности и соделался смиреннейшим в жизни и униженнейшим в смерти паче всех человеков. Как же уничижил себя Спаситель наш ради нас?

Поелику мы из богоподобного совершенства ниспали до преисподних ада, соделались сообщниками диавола, пленниками греха и смерти, и участию нашему была токмо нескончаемая казнь за нарушение непреложного закона Божия: то Сын Божий, для выполнения бесконечного за нас долга правосудию Божию, всего отрекся для нас, чтобы все приобрести нам.

И вот Единородный Сын Божий оставляет престол неисповедимого величествия Своего, снисходит на землю, обремененную беззакониями: прежде всех век в неприступной славе Рожденный от Отца, рождается от Матери в бедном вертепе; Сын Вышнего делается сыном человеческим; сияние славы Отчей облекается бренною плотью; Безпределный повивается пеленами и заключается в пределы времени; Владыка всяческих восприемлет зрак раба, Безпределный в совершенствах растет в младенчестве среди немощей, в отрочестве среди глубокого повиновения родителям, в юности среди трудов древоделия; и когда, окончив предуготовительный возраст, исшел на спасение людей своих, то исшел в кротости и

смирении, как благопослушный раб, чтобы служить во благо всем, исшел с полной преданностью воли Своей в волю Небесного Отца. Реч, вещал Он не словами только, но паче силой воли, готовностью любви, реч: се иду, еже сотворити волю твою, Боже, восхотех, и закон Твой посреди чрева моего (Пс. 59:7, 8). Так Сын Божий, богат сый, обнищал ради нас.

После сего найдем ли мы у себя что-либо столь великое, многоценнное и достолюбимое, что бы могло быть сравнено с тем, от чего отрекся ради нас Сын Божий, и от чего бы не надлежало нам отречься для Него? Честь ли это и достоинства? Богатство ли и наслаждения? Друзья ли и близкие? Но что наша честь и достоинства в сравнении с величием Единородного Сына Божия? Что богатство и наслаждения в сравнении с полнотой блаженства Того, Который есть сияние славы Отчей? Что наша честь – эта молва человеческих похвал, часто при первом шуме исчезающая в воздушном пространстве мнений человеческих? Что наши достоинства – это наружная высота, которая сама по себе нисколько нас не возвышает, а всего чаще оставляет с теми же, если не с горшими слабостями? Что наше богатство, наслаждения? Наше богатство составляют такие же скоропреходящие вещи, как и прочие малоценные, а наши наслаждения такую имеют горькую примесь, что, если мы не будем беспорочно пользоваться ими, они превращаются в отраву для нас. Что и наши близкие и друзья? Часто и друзья изменяют нам, и близкие отдаляются от нас. Но положим, что родители достойны всей любви нашей, как ближайшие представители попечительной о нас благости Божией; пусть дороги для нас друзья и братья, как сообщники нашей жизни и дел, и содейственники нашего благополучия. Но и это все – даяние благости Божией; и, если Господь возьмет самых близких у нас, мы должны благодушно расстаться и с ними для Него.

Но нам надлежит отречься не от внешних только благ, – надлежит отречься паче от самих себя, отречься не только от своей греховной воли и нечистого самолюбия нашего во всех видах его, но даже от мнимых своих добродетелей и совершенств, дабы сколько-нибудь в самоотвержении

уподобиться Христу. И как нам не отвергаться самих себя, внутренно? Рассматривая свои склонности и расположения, жизнь и действия, мы, по свидетельству и слова Божия и собственного опыта, носим в себе прирожденную, собственной нашей превратной деятельностью увеличенную и непрестанно увеличивающую греховную нечистоту; носим омрачение в уме, растление в сердце, противление добру в воле. Отселе, при омрачении нашего ума, при порабощении сердца от страстей, действующих, в членах наших, язык наш готов соплеть поношение, взоры обращены на уловление, чтобы обольщать и обольщаться, руки простерты на корысть, ноги скоры тещи на стропотные стези, жизнь наша течет в суете, лучшие дела наши нечисты пред Богом, и мы, без благодатного водительства Церкви Христовой, не только далеки от сообщения с Богом, но и помыслить сами по себе право доброго не можем. В нас нет, мы и не должны видеть в себе никаких добрых качеств, кольми паче никаком истинной добродетели. Что есть в нас доброго, – это принадлежит единственно Богу; что есть худого, порочного, – это принадлежит нам.

Итак, чтобы быть достойными последователями Спасителя нашего, надлежит нам в самом сердце отвергнуться плотской любви к самому для нас близкому, а иметь ко всему токмо любовь чистую, которая бы составляла одно с любовью к Богу, и проистекала из нее, как струя из своего потока. Аще кто грядет ко Мне, говорит Господь, и не возненавидит отца своего, и матер, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. ([Лук. 14. 26](#)). Не того требует от нас Господь, чтобы мы возненавидели тех, с которыми Сам Он соединил нас крепким союзом любви, это особенное выражение означает то, чтобы мы ни к чему из земного, сколько бы то ни было для нас любезно, не имели чрезмерной привязанности, и к самым для нас близким в таком содержали себя расположении, чтобы при востребовании их от нас, или нас от них, тотчас готовы были оставить их и принести любовь их в жертву повиновения воли Божией. Так, всяк от вас, заключает Спаситель заповедь Свою о самоотвержении, иже не отречется

всего имения своего, всего, что ни имеет у себя особенно близкого, дорогого, не может быти Мой ученик (ст. 33).

Часть 2. Как Христос нес крест свой для спасения нашего?

Посмотрим далее, как Спаситель наш, отрекшись величия Божества до состояния уничиженного раба, нес великий крест свой для соделания спасения нашего, по воле небесного Отца.

Крест Спасителя нашего простирается от Вифлеемской пещеры до Голгофы, от яслей до распятия, от пелен до гроба. Апостол всю жизнь Спасителя называет единым послушанием. Смирил себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя (Фил. 2:8). По истине, все Божественное служение Спасителя было одним подвигом беспредельного послушания воле небесного Отца. Как начал служение свое торжественным свидетельством, что Он сошел с неба не для того, чтобы творить волю Свою, но волю пославшего Его Отца (Ин. 6:38), так и кончил беспредельной преданностью в волю Отца. Отче Мой, молился Он в кровавом поту, готовясь испить последнюю чашу страданий за весь мир, Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не яко же Аз хощу, но яко же Ты (Мф. 26:59).

И вот как в беспредельной преданности воле Отца проходил Он великий подвиг служения Своего, составлявший непрерывный подвиг креста. Выдержав Четыредесятидневный пост в пустыне, вместе с тем три сильнейших искушения от сатаны, и после того, насыщая тысячи мужей и жен хлебами, Сам многократно алкал и жаждал; проходя грады и веси для благовествования Евангелия, терпел изнеможение от труда. Имея множество учеников, которые в великом числе всюду сопровождали Его, Сам не имел постоянного виталища, где бы мог спокойно главу приклонить (Мф. 8:20); от исполнения воли небесного Отца, чтобы проповедуя небесное учение наставлять неведущих, взыскивать заблудших, врачевать недугующих, не удерживали Его ни неверие учеников, соблазнявшихся учением Его, ни злословия фарисеев, называвших Его даже Вельзевулом, ни козни, сплетаемые от врагов на уловление Его в словах и делах, ни метания камней, ни другие покушения на

убиение Его; от всех злоумышлений Он с терпением и крепостью уклонялся, непрестанно делая Божественное дело посланничества Своего до тех пор, пока не пришел последний час Его.

Что же сказать о последнем часе Его? Этот час был ужасен: Сам Божественный муж Божественной крепости, при одном представлении о приближении его приходил в такую скорбь и смущение, что по человечеству даже просил Отца небесного о избавлении от часа того, если бы это не был час спасения мира. Ныне душа моя возмутился, говорил Он, как человек, в душевном волнении, и что реку? Отче, спаси Мя от часа сего: но сего ради приидох на час сей (Ин. 12:27). И кто мог вынести этот страшный час, этот ужасный подвиг, кроме Богочеловека? На Нем, как на всемирной жертве, отяготели все грехи, все беззакония, все пороки и преступления всего рода человеческого; отяготели содеянные грехи минувших родов, отяготели содеваемые грехи настоящих родов, еще жесточе тяготели грехи и беззакония будущих христианских, Им искупленных и Святым именем Его имевших недостойно украшать ся родов. Какое море нечистот, какая бездна скверн, какой океан злодеяний и непотребств! Посему какое тяготение безпредельного гнева Божия, и какие геенские, неисповедимые мучения пронзали, томили, терзали непорочную, святейшую душу всемирного Страдальца! Подлинно это была година и область темная на Иисусе – Богочеловеке (Лук. 22:53). От тягости сих бесконечных мучений Божественного правосудия, всемирный Страдалец двукратно возопил гласом, поколебавшим землю и основания преисподней: Боже мой, Боже мой, векую Мя еси оставил (Мф. 27:46). Какая сила могла восприять, какое могущество понести, какая святость довольны были очистить грехи и наказания всего мира, если бы это не страдала правда вечная, не терпела сила всемогущая, не источалась в искупительных страданиях жизнь бесконечная, жизнь Того, Кто мог положить и паки восприять душу Свою, (Ин. 10:18), и в Котором князь тьмы ничего не мог обрести для торжества своего! (14, 30).

Но страшный час безпределных мучений и тяготения гнева Божия на всемирном Крестоносце был час нашего избавления, спасения, нашего утешения, жизни и блаженства!

Слава Тебе Божественному Крестоносцу, до самого дна испившему горькую чашу гнева Божия за нас!

Часть 3. Как мы должны нести внутренний и внешний крест свой?

Помышляя о Божественном самоотвержении и тяжести всемирного крестоношения Совершителя спасения нашего и представляя беспредельные, и внешние, а паче внутренние страдания за нас и от нас грешников, что речем о себе? Как мы очищаем себя пред Богом? Сообразуемся ли хотя в какой-либо мере в несении креста своего со Спасителем нашим, Который оставил нам образ, да последуем стонам Его (1Петр. 2:21)? Нам каждый день велено брат крест свой. (Лук. 9:23). Несем ли мы крест свой? Смиряемся ли пред Богом и человеками, содержим ли себя в борьбе со своими греховными мыслями, расположениями? Вооружаемся ли каждый день на свои любимые страсти, обуздываем ли порочные привычки, отсекаем ли нечистые склонности? Вместе с тем сокращаем ли свой покой, ограничиваем ли наслаждения, умеряем ли хотя излишнее употребление пищи и пития? Усугубляем ли благополезные труды, бодрственность, молитву; становимся ли в начинаниях наших богобоязливее, в жизни благочестивее, в делах общеполезнее, в обращении со всеми и каждым рассудительнее, добрее, назидательнее?

Если мы несем в какой либо мере внутренний крест умерщвления страстей и очищения себя для Бога: то, чувствуя, как малы и ничтожны внешние наши кресты в сравнении с крестом Спасителя нашего, и ведая спасительную цель, с какою возлагаются на нас, будем нести оные с неослабной твёрдостью и упованием на Бога. Божественный Крестоносец страдал за нас во очищение неправд наших. Мы страдаем заслуженно, как достойные страданий во очищение наших нечистот. Тяготят ли нас внешние болезни, лишения, унижения? Преследуют ли гонения, бесславие, неудачи? Это суть удары, которыми благость Божия бьет нас внешне, чтобы исцелить внутренно: болезнями тела возбуждает нас к врачеванию души, внешними лишениями обличает в утрате благодатных даров; унижением являет духовное наше ниспадение, гонениями вразумляет нас в

неверности нашей к Богу, бесславием – в нарушении благих своих обещаний, неудачами в превратной уклончивости нашей от путей Господних, благих и правых.

Применяя внешние скорби к нашим внутренним недугам, так должны понимать и с таким расположением принимать постигающие нас противности жизни, что это суть болезненные врачества, прилагаемые всеведущей премудростью к явным и тайным душевным болезням нашим, дабы привести нас в чувство своей греховности, обратить к покаянию, утвердить в намерении исправить жизнь нашу деятельным исполнением обязанностей звания нашего по духу закона Христова, воеже не к тому человеческим похотям, по славе Божией, благу близких, собственному спасению жить прочее во плоти время. Иже хощет по Мне ити, да отвергтесь себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет (Мк. 8:34).

Господи, Иисусе Христе, явивый нам Божественным примером Твоим путь креста и самоотвержения, как единственный путь спасения! Научи нас так отвергаться себя ради Тебя, как Ты отвергся Божественной славы Твоей ради нас. Укрепи силою Твою в несении малого креста нашего ко очищению страстей наших, как Ты великий крест Твой в Божественной крепости нес к очищению грехов всего мира. Особенно в сии священные дни подражания страстям Твоим дай нам силу идти крестным путем скорбей Твоих, дабы в сие очистительное время печали о грехах ни о чем более не мыслить нам, как о великости спасительного истощания Твоего ради нас, ни в чем более не упражняться, как в посильном несении креста своего, дабы оным распяться растлевающим нас страстям и умереть умерщвляющим нас греховным делам, а воскреснуть для Тебя – Живодавца в жизнь благодати и правды. Аминь.

18. Слово 2. О силе креста в укреплении на крестном пути и о необходимости несения креста

Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет.

(Мк. 8:34).

Святая Церковь, в продолжение всей святой Четыредесятницы, преднаписует нам крестные подвиги Спасителя нашего; а в средине поприща поста особенно возбуждая нас к последованию за Подвигоположником нашим путем креста, и самый животворящий крест торжественно возносит пред нами для поклонения. Возбуждая нас к благоговейному поклонению животворящему кресту, с преклонением головы и колен наших долу, св. Церковь чрез сие преднаписует нам внутреннее поклонение безпределной любовью и преданностью распеншемуся за нас Христу – Господу, Царю славы, Который, всей любовью истощив Себя на кресте для спасения нашего, вознес нас на первое блаженство.

Сообразуясь с богомудрым намерением св. Церкви в установлении торжественного поклонения животворящему кресту, одушевимся крестной силою в неослабном шествии за Спасителем нашим путем креста. Крест Христов и всегда, а особенно в сие время составляет для нас спасительное побуждение, утешение и укрепление к неослабному последованию за Христом очистительными подвигами.

Часть 1. Крест Христов составляет побуждение, утешение, укрепление в последовании За Христом

1) Крест Христов составляет для нас побуждение к последованию за Христом.

Совершением четырехдесятидневного поста, в подражание сорокадневному посту Спасителя нашего, св. Церковь обучает нас особенно последованию за Подвижником нашим путем постных подвигов, и для побуждения нашего к неослабному шествию на предлежащем поприще, представляет очам нашим животворящий крест, изображающий нам болезни и страдания Господа нашего. Действительно, если Господь наш, – Владыка твари и Царь славы, для спасения нашего Себя умалил, смирил, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя (Фил. 2:6–8): то, как нам, по естеству чадам гнева и осуждения, всемерно не понудить себя в последовании за Христом для собственного спасения? Если Спаситель наш, Единородный Сын небесного Отца, страданиями научился послушанию (Евр. 5:8), то как нам, непотребным рабам, для собственного блага не обучать себя терпению и послушанию, которые суть собственное дело рабов? Если Начальник веры и Совершитель спасения нашего, Господь небеси и земли, ради нашей славы и блаженства, вместо предлежащей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление (Евр. 12:2), и Праведник пострадал за нас неправедных, дабы привести нас к Богу (1Петр. 3:18), то мы ли безответные, помышляя о Господе нашем, претерпевшем от грешников таковое на себе поругание, будем стяжать и ослабевать душами нашими, и не станем паче, елико можем, против собственного греха подвизаться? Так, при помышлении о беспредельных скорбях и страданиях Господа, все скорби наши, по собственному суду нашему, являются ничего незначащими. Взирая на пример Подвигоположника нашего, мы несравненно с большим терпением побуждаемся проходить подвиг очищения нашего.

2) Побуждая нас к очистительным подвигам, святая Церковь тем же крестом Христовым усаждает для нас горечь

скорбных подвигов.

Совершая четырехдесятидневное поприще поста также, как и все поприще жизни нашей, мы уподобляемся Израильтянам, совершившим четырехдесятилетнее странствование в пустыне. Как там на пути очистительного странствования были, так и здесь на пути очистительных подвигов воздержания против плоти и крови есть и для духа безводные места духовной сухости, тем паче для слабой плоти есть знойные места чувственного разжения, есть горькие источники скорби и уныния. Но как Боговодимый вождь Израиля – Моисей, перешедши чрез Чермное море, по трехдневном шествии безводной пустыней с жаждущим народом, остановившись при горьких водах Мирры, претворил горечь их в сладость, вложив в источник показанное Богом древо: так и богоумдая руководительница наша, – Церковь, по трехседмичном шествии путем поста, влагая в горький источник наших плотских расположений очистительную силу креста, услаждает горечь подвигов силою внутренней сладости оных. Израильтяне при дальнейшем благодушном шествии пустыней обретают двунадесять источников живых вод и семьдесят финиковых древ, обремененных сладкими плодами (Исх. 15:17). Сие знаменует, что крестные подвиги имеют внутреннюю силу утешения; что печаль, яже по Бозе, соделывает недоведомое веселье, что лишением внешних утешений стяжается богатство внутренних приобретений, – светлость ума, чистота сердца, благоплодие жизни, – что чем кто больше вкусит внешней горечи самоотвержения, тем обильнейшей исполнится сладости духовного оживотворения; что как Израильтянам после горьких вод Мирры была ниспослана манна, небесное брашно, хлеб ангельский: так и после, горьких вод покаяния Христос Господь духовно алчущим и жаждущим дарует благодатное насыщение, дарует чувство правды, сладость душевного мира, радость о Дусе Святе.

3) А хотя бы чувство утешительной силы креста по скудости наших подвигов и не было в нас раскрыто: впрочем, являемый торжественно крест Христов, как знамение победы и залог последующего торжества, служит нам новым благодатным подкреплением на пути духовной брани для получения венца

победы. Страданьями совершился Начальник спасения нашего (Евр. 2:10), страданьями вышел в славу Свою (Лук. 24:26), за приятие смерти славою и честью увенчан: и мы, если со Христом умрем, то со Христом и оживем (2Тим. 2:11); если со Христом терпим, со Христом и воцаримся; если со Христом страждем, с Ним и прославимся (Рим. 8:17). На кресте Христос, – Царь наш одержал победу над грехом, смертью и адом: и мы при виде победного скипетра Царя славы, радостным оком взирая на мздовоздаяние, как воины, должны бодренно теша во след Вождя спасения нашего, мужественно дерзать против мысленных врагов до крове, дабы приобрести плоды победы, – общение с Богом, мир с ближними, покой чистой совести в самих себе, и внити в радость Господа нашего.

Так древо креста, как древо посреди умного рая, посреди святой Четыредесятницы, таинственно водружено Церковью для возбуждения нас к подвигам в шествии к духовному совершенству, дабы мы крестом, как единственным после падения путем спасения, неослабно текли за Подвигоположником нашим к возвращению потерянной нами райской жизни и блаженства.

Часть 2. Необходимо каждому христианину нести крест свой в след Христа

И вот св. Церковь, вознося пред нами крест Христов, как единственное знамение спасения, преднаписует нам общую великую заповедь, что необходимо всем и каждому из нас деятельно взять и нести в жизни своей крест Христов, по непреложному слову Его: иже хощет по Мне ити, да отвергнется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет. Не на произвол оставляет наш Христос идти за Ним путем креста. Нет! Яже вам глаголю, говорит Он, всем глаголю. (Мк. 13:37). Многие из христиан не несут креста Христова, и нейдут за Христом; но таковым Он дает разуметь: иже не приемет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин (Мф. 10:38); и иже не носит креста своего, и в след Мене грядет, не может Мой быти ученик (Лук. 14:27).

Посему когда говорит Спаситель: кто хочет по Мне идти, да отвергнется себе, требует безусловно, что кто не всуе хочет носить имя христианина, или хочет быть не полухристианином, – иметь вид благочестия без силы, но быть истинным учеником и последователем Его, чтобы очищать ум от нечистых помыслов, волю от растленных желаний, чтобы стяжать душу свою в терпении, быть мертвым греху, живым для Бога, – чтобы тело свое соделывать сосудом чистоты, а уды – удами Христовыми, тот непременно должен отвергнуться себя: должен, отринув превратное самолюбие, совершенно смирить себя; должен взят крест свой, решиться на все страдания, дабы распять плоть со страстями и похотями; должен идти за Христом, – не искать воли своей, но воли небесного Отца, не искать дальнего, не искать сокровищ на земли (Мф. 6:19), но искать прежде всего царствия Божия и правды Его (Мф. 6:33), искать вышних, идеже есть Христос одесную Бога сидя. (Кол. 3:1).

Итак, христианин, в кресте твое спасение, в нем жизнь, в нем защита от врагов: в кресте сила души, в кресте радость духа, в кресте верх добродетели, в кресте, совершенство

святости. Нет ни спасения, ни надежды жизни вечной без креста.

Возьми крест твой, христианин, и последуй за Господом Иисусом, и ты придешь к жизни вечной. Нет другого пути к жизни и к истинному внутреннему покою, кроме пути святого креста и ежедневного умерщвления. Неси убо все скорби и противности в жизни общественной, в жизни домашней, в собственном твоем состоянии, в скудости душевных, в немощи и болезненности телесных сил.

Ступай, куда хочешь, ищи, где угодно, не найдешь ни горе пути возвышеннее, ни долу пути безопаснее, как путь святого креста. Располагай и учреждай все по твоим желаниям и видам: ничего не найдешь, кроме того, что тебе надобно терпеть и сносить волей или неволей, и таким образом везде найдешь ты крест.

Крест, то есть: скорби, противности, неудовольствия житейские, везде для тебя поставлен и везде тебя ожидает. Ты не можешь миновать его, куда бы ты ни пошел: ибо везде ты будешь с собой, с своими слабостями, недостатками, погрешностями, неудачами, и всегда найдешь самого себя, как человека немощного, несовершенного, даже преступного.

Если ты будешь носить крест охотно, крест сам носить тебя будет и приведет к желаемой цели, где ты будешь выше твоих скорбей и страданий, хотя бы здесь не кончились твои скорби. Если ты будешь носить крест неволей, жаловаться на неудачу, унывать в противностях, сетовать на свое состояние: тогда крест будет тяготить тебя; ты сам сделаешь бремя твое тяжким и при всем том тебе должно будет носить его. Если ты отвергнешь один крест, захочешь уклониться от трудного назначения, переменить тяжкую участь, изменить соединенное с твоим состоянием дело, служение, отношение: то без сомнения найдешь другой крест, найдешь другие трудности, противности, неприятности и, может быть, тягчайшие.

Не думай, что ты один избегнешь того, чего никто из смертных избежать не мог. Кто из Святых Божиих жил в мире без креста, без трудностей и огорчений?

Господь наш Иисус Христос во все продолжение земной жизни Своей не был ни одного часа без скорби и лишения: *Лиси язвины имут, и птицы небесныя гнезда: сын же человеческий не имать, где главы подклонити* (Лук. 8:58), говорит Он Сам о Себе. Как же мы станем искать другого пути к покою, кроме показанного нам Спасителем крестного пути терпения и несения скорбей. Нет! да не будет нам хвалиться чем иным, как токмо крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым мир для нас должен быть распят, а мы для мира (гл. 6, 14).

Почтим убо, благоговейные поклонники креста, крест Христов всей полнотой любви и благоговения нашего; почтим его всеми чувствами нашими; почтим и в телесах и душах наших. Почтим его устами в благоговейном лобзании, языком в песенном благохвалении, словом, во впечатлении слова крестного в слово наше; почтим его в телесах наших смиренным поклонением и повержением долу пред ним, а паче умерщвлением тела греховного силой его. Прославим его в душах наших воображением в уме и сердце нашем страданий распятого за нас на кресте Господа, а паче распинанием всего ветхого нашего человека на внутреннем кресте самоотвержения.

Если мы так будем чтить крест Христов, так будем прославлять его, так укрепляться им в последовании и внешней и внутренней жизнью за Христом: то Господь Иисус, пригвоздившийся за нас на кресте, крестной силой сохранит нас от покушений лукавого, укрепит непреткновенно прейти очистительное поприще поста, сподобит в радостном умилении поклониться Божественным страстям и живоносному воскресению Его, воздвигнет и нас крестом к благодатному нашему воскресению от мертвых дел, дабы и ходит пред Ним и служить Ему путем истины, правды и святости во все дни жизни нашего. Аминь.

В 4-ю неделю поста

19. О действии молитвы и поста в уврачевании душевных болезней

Сей род ни чим же может изыти, токмо молитвою и постом. (Мк. 9:29).

Спаситель в ныне чтенном Евангелии показывает нам способ, как изгонять злых духов, а также исцелять себя и других от разных болезней. Этот способ – молитва и пост.

Некоторый отец привел, к Иисусу Христу сына, одержимого злым духом. Злой дух, возобладав несчастным юношей, лишил его слуха, связал язык, сделал его глухим и немым: в каждое новомесячие схватывал его, и в это время терзаемый падал на землю, валялся, испускал пену, скрежетал зубами, впадал в оцепенение, или в бешенстве бросался в огонь, в воду, и если бы не был удерживаем, давно бы погубил себя.

В отсутствии Спасителя, отец обратился к ученикам Его и просил, чтобы они изгнали из сына его духа нечистого. Ученики употребляли с своей стороны данные им способы, – призывали имя Божие и имя Христово для изгнания беса; но ничего не могли сделать; бес не выходил. Пришел Сам Учитель; отец, описав несчастное положение сына, заключил тем, что ученики по просьбе его пытались изгнать беса, но не могли. По требованию Спасителя представлен пред Него бесноватый сын; маловерный отец словом Спасителя приведен в живое чувство веры. Когда не оставалось препятствия к спасительному действию Божественного врача, Он повелел духу нечистому выйти из отрока, и отрок сделался здрав, стал слышать и говорить.

Оставшись наедине, ученики спрашивали Учителя, почему они не могли выгнать беса из отрока? Спаситель ответствовал им: сей род бесов не может изыти, токмо молитвою и постом.

Как молитва и пост дают силу изгонять духов, с тем вместе врачевать глухоту, немоту и бешенство: то стоит нашего внимания рассмотреть: как молитва и пост производят такие чудные действия в уврачевании тяжких душевных болезней?

Часть 1. Что есть дух немый и глухий – духовная немота и глухота?

В беснусом отроке мы примечаем двоякую болезнь, телесную и душевную. Отрок на каждый новый месяц был схватываем неудержимой силой недуга, повергаем на землю, терзаем, и в этом мучительном состоянии испускал изо рта пену, скрежетал зубами, наконец впадал в бесчувствие, покрывался бледностью и был как мертвый. В этих мучительных действиях видна телесная болезнь.

Но в отроке действовал дух, – дух немой и глухой, который связывал язык немотой; – отрок не мог ничего сказать, не мог обнаружить своего мучительного состояния, выразить своих болезненных чувствований; связывал слух глухотой; – отрок не мог ничего слышать, не мог слышать и нежного голоса сострадания, отселе не мог принимать никакого утешения от самого близкого, сердечного соучастия. В этом положении самая душа в одержимом была лишена способов действовать. Беснусый имел употребление глаз, смотрел, но, не имея употребления языка и слуха, не могши ничего ни сказать, ни услышат, видел разные действия и вещи, как призраки, не понимая причины их. Жалкое состояние! Чрез связанные чувства слуха и языка самая душа была связана в теле, и погружена в бездейственность. Это состояние болезни – духовное.

Господь благостью Своей хранит нас от обладания бесовского в теле; но свободны ли мы от обладания духа нема и глуха в душе нашей, – утверждать никоим образом не смеем. Напротив, многие в душе обладаемся духом немым и глухим. Что же означает действие духа немого и глухого в применении к душе нашей? Означает обладание души нашей от сильных страстей, делающих нас духовно немыми и глухими. Какие страсти делают человека духовно немым и глухим? И вообще, главная, господствующая в каждом страсти есть тот дух немой и глухой, который делает человека неспособным ни для сообщения добрых мыслей и расположений, ни для принятия

полезных советов и наставлений. Но есть особенно страсти такого рода: таков непомерный гнев, такова необыкновенная гордость, таково необузданное сладострастие. Эти страсти, особенно в сильной степени, таковы, что, оставляя человеку глаза, чтобы бессмысленно смотреть, безрассудно видеть, видеть предметы своих страстей для насыщения оными, делают неспособным ни самого вещать что либо благовейное в отношении к Богу, полезное для близких, спасительное для самого себя, тем более неспособным ничего подобного слышать и принимать к сердцу от самих близких, благонамеренных.

Посмотрим на воспламененного гневом: не схватывает ли его дух вспыльчивостью, не терзает ли кипением ярости, не источает ли из уст его пену, – язвительные укоризны, поношения, ругательство? Разгневанный – часто и внешние слова от удушающей ярости правильно произносить не может, кольми паче не способен бывает ни сказать краткое, назидательное, ни слышать доброе, наставительное. Таков же дух немой и глухой и в недугующем гордостью. Гордый много и далеко видит для своих целей, но нет у него вещаний кротости и благорассудительности о пользе близких; а чтобы слышать наставительные речи от других, для этого он совершенно глух, и затыкает уши.

Такой же дух немой и глухой и в обладаемых сладострастием. Тут нет ни языка для сообщения, ни слуха для принятия доброго, правого, богобоязливого; для предметов духовных, разумных, святых язык сладострастный нем, равно и слух для принятия внушений о чистоте, вразумления о непорочности, наставлений о целомудрии вовсе загражден. А когда нападет эта безумная страсть на человека: то в пылу стремления ее он готов и в огонь и воду, только бы достигнуть цели неистовых желаний.

Вот в нас духи немые и глухие, – это преобладающие нами страсти, которые оставляют нам телесные глаза, чтобы видеть предметы страстей наших, и средства к удовлетворению оным, впрочем, делают нас немыми и глухими для всего истинно богоугодного, благополезного, душеспасительного.

Часть 2. Как врачует духовную немоту и глухоту молитва?

Как же молитва и пост, указанные Спасителем, врачают душевные недуги, изгоняют из одержимых духовную немоту и глухоту? Спаситель полагает наперед молитву, как сильнейшее духовное средство для очищения души от страстей, потом пост, вспомоществующее средство, но и молитву и пост полагает, как средства необходимые: сей род ничем же может изыти, токмо молитвою и постом.

Первое и главное средство для уврачевания душевных болезней есть молитва: сей род не исходит, токмо молитвою. Хотя страсти имеют предрасположение в сложении тела, возбуждение в обстоятельствах нашей жизни; но корень и начало имеют в душе: изнутри, от сердца исходят помышления злые (Мк. 7:21). В душе образуются первые возмутительные мысли; мысли, усиливаемые чувственными пожеланиями, переходят в сильные стремления; стремления, выходя из пределов разумного управления, перерождаются в страстные расположения, которые, как тяжкие душевные болезни, делают человека страждущим, лишают разумного самообладания и, как своего пленника, влекут по распутиям, ввергают в огонь и воду, во всякие очевидные опасности. Куда же обуреваемому страстями, как потопляемому волнами, или как в сражении пронзаемому стрелами, куда обратиться о избавлении и спасении, как не к Богу, – благотишному пристанищу и крепкой защите, с молитвой?

Движение буйства, влечеие неистовых желаний, стремление непотребных начинаний, – все это душевное волнение более или менее утихает в молитве пред Богом. Бог есть всепросвещающий свет, есть святейшая правота и благость, есть животворящая сила. Посему, когда в умилении поставим себя пред всевидящим Светом, Который зрит все наши тайны, в смирении повергнемся пред святейшей правдой и благостно с нашими нечистотами, с плачем имемся за милосердое всемогущество нашим бессилием: тогда

окружающая нас духовная тьма рассеется, греховная лесть в своем безобразии явится, и от прикосновения к силе Божией ощутим в себе отраду и укрепление. И возможно ли от приближения к свету не осияться, от действия теплоты не согреться, от ограждения себя силою свыше не укрепиться? Так, в Боге наше врачество от ран сердечных, в Нем упокоение от треволнений мысленных, в Нем ограждение для нашей удобопреклонности к греху. Бог посыпает нам свет, разгоняющий мысленное омрачение, изливает умиление в хладное сердце наше, поддерживает нас, когда колеблемся, восставляет, когда падаем, дает чувство оплакивать горькими слезами падение и утверждает стопы наши на пути исправления. По чем можем привлещи на греховную тьму нашу свет свыше? Смиренной молитвой. Чем низвести на нечистоту нашу всеосвящающую святость Божию? Сокрушенной молитвой. Чем можем восприять из Божественных сокровищ благодатную силу для укрепления нашего бессилия? Горячей, покаянной молитвой. Молитва, молитва умиленная, сокрушенная есть в нас тоже, что детский вопль, который слышит милосердое сердце Отца небесного, трогается благоутробием и всегда дает нам столько, сколько сообразно Его премудрости и благости дать, и сколько мы способны по нашему недостоинству принять и удержать. Только по нашей слабости и рассеянности не будем прерывать молитвенного обращения к Богу. Хотя бы мы по нашей любогреховности, тысячуекратно самым жалким образом пали, но и тысячуекратно в сокрушении будем обращаться к Ведущему немощи нашего естества, и горьким раскаянием неукоснительно будем восставать и посильно исправляться, мы не лишимся очистительной благости и врачующей силы Посетителя душ наших. Только никогда, как бы ни были обуреваемы, как бы ни были низлагаемы страстями нашими, никогда не удалим сокрушенной мысли нашей от Бога, не отвратим кающегося чувства от благости Его, не ослабнем в решимости нашей восстать и исправиться в силе Божией, и – Господь благости и щедрот не отымет от немощи нашей врачующей, исцеляющей и укрепляющей силы Своей!

Так молитва, вознося нас к Богу, источнику света, чистоты и благодатной крепости, составляет духовное просвещение нашего ума, очищение сердца, воскрыления духа; посему составляет благодатную силу для обуздания страстей, этих порождений духов тьмы, и благодатное врачевание для душевных недугов. И чего не может сделать непрестанная, в духе и силе совершаемая молитва, молитва, как непрестанное взирание на Бога, и зрение пред собою Бога, – как деятельное хождение и сопребывание с Богом, – как сердечное беседование и со обращение с Ним? Такая молитва, просветляя сердце, просвещает и лицо, а не редко и все существо человека.

Часть 3. Как врачует духовные недуги пост?

Но для совершенного обуздания воюющих на душу страстей, и уврачевания этих душевных недугов необходимо соединять с молитвой пост: сей род не исходит, токмо молитвою и постом.

Необходимо соединять с молитвой пост, как единственное средство привести и содержать в благоустроенном состоянии тело. Пост, непосредственно относясь к телу, чрез благоустройство тела служит, как вспомоществующее врачество, к уврачеванию и душевных болезней. Страсти, хотя имеют корень свой в душе, но они обнаруживаются чрез телесные чувства, питаются и поддерживаются в теле, и по различным свойствам тела получают различное действие, силу, господство. Сам дух наш обитает в теле, как в своем жилище, которое разделяет с ним все житейские радости и скорби; облечен телом, как своей естественной одеждой, такой одеждой, которая выражает внутренние свойства и расположения облеченного ею духа; совокупно действует с телом, как своим орудием, орудием живым, которое столько же выполняет веления духа, сколько и само по естественному союзу и потребностям часто с непреоборимой силой действует на душу как сообщник ее, как внешний человек, составляющий единое, нераздельное лицо с внутренним.

Посему нужно, чтобы, при воскрылении духа молитвой, тело не только ему не препятствовало, но содействовало и помогало. А тело не может помогать духу, если не будет укрошено, утончено, очищено постом. Не нужно говорить о том, какое препятствие полагает духу в молитвенном действии тело, не очищенное, не благоустроенное постом и воздержанием; тело и одной бренностью своей отягощает душу (Пр. Сол. 9:15), кольми паче обильно упитанное брашном и питием составляет тяжесть, которая влечет дух к земле, – оковы, которые связывают дух для высшей деятельности, – темницу, в которой дух теряет благодатный свет, свободу, радость. Тело, упитываемое удовлетворением похотей, есть нечистое

обиталище темных духов, в особенности сладострастия, сластолюбия, плотоугодия. Посему тело, для просветительной, цельбоносной во спасение молитвы, должно быть очищено постом, и внешним, – неослабным воздержанием в пище и питии, обузданием чувств от рассеяния, упражнением в труде и бодрственности, и еще паче внутренним, – строгим воздержанием внутренних чувств от всего греховного, – языка от бесед душевредных, глаз от взоров нечистых, слуха от внушений льстивых, рук от начинаний преступных, ног от течения беззаконного, и содержанием ума и сердца в постоянной собранности богомыслия и благорасположения.

Подвзывающемуся на пути духовного исцеления надлежит ограничивать тело не только в нужной пище, питии и прочих утешениях, и упражнять его постоянным трудом и бодрствованием, но приобщать и к высшим подвигам: распинать его со страстями, удручать ношением язв Христовых, содержать в такой алчбе и жажде, чтобы не единственным хлебом питаться, но и глаголом, исходящим из уст Божиих, чтобы пить не только от воды, после которой опять жаждем, но и от воды, пия которую не вжаждемся во веки.

Истинный, врачебный, исцеляющий пост, как содейственник и помощник молитвы, внешним воздержанием чувств приведет в благоустроенное состояние тело, а внутренним, распинательным воздержанием похотей, сделает жилищем Духа Св., где беспрепятственно будет совершаться молитвенное поклонение и служение Богу, где и самое тело сделается жертвой живой, непорочной, благоугодной Господу.

Но! если бы Господь даровал нам благодать соединить в какой-либо мере молитву и пост во внутренней жизни нашей! Тогда при умирении и внешних и внутренних чувств, подлинно по слову Пророка, разверзся бы, как утренняя заря, свет наш, исцеления наши скоро воссияли, предшествовало бы нам благословение Божие и слава Господня сопровождала нас. Тогда только бы возвзвали, Господь услышал бы нас, и когда бы еще говорили, Он отозвался бы благоволительным присещением (Ис. 58:8,9); молитва составляла бы мысленные крыле, на которых душа наша непрестанно возлетала бы к Богу,

а пост, утончая и просветляя тело, способствовал бы свободному возношению ума и сердца к Богу. При непосредственном созерцании Бога и хождении в присутствии Его всегдашней молитвой, как мгла рассеивались бы мрачные помыслы, как злосмрадный дым, – нечистые желания, а при блюдении тела в чистоте, чувств в собранности, всех сил в благоустроенной деятельности, сами собой устраивались бы болезни телесные.

Чудны совокупные действия поста и молитвы в духовном преобразовании всего существа человеческого! Моисей молитвой и постом до того просиял, что Израильтяне не могли смотреть на лице его, как на сияющее солнце; пламенный в молитве и дивный в посте Илия с телом на огненной колеснице взят был на небо; три вавилонские юноши, укрепленные молитвой и постом, не только пребыли невредимы в пещи, седмерицей разженнной, но во всепоядающем пламени, как в росоносной сени, весело воссыпали хвалебные песни Богу!

Чада святой Церкви, врачующей ныне св. постом и молитвой души наши во спасение, а телеса во здравие! Ныне, в святое время поста и молитвы, поучимся посильно упражняться в посте и молитве, и очищать, просветлять молитву постом, а пост освящать и оживлять молитвой, и мы получим от Господа благодатный мир, утешение, крепость в нашем духе, получим здравие, бодрственность, благоустроенность в теле, и, по благодати Духа святого, сподобимся совершить душеполезную Четыредесятницу во спасение душ и здравие телес. Аминь.

В 5-ю неделю поста

20. О совершенном предании воли нашей в волю Божию

Радуйся благодатная: Господь с тобою. (Лук. 1:28)

Еще в первый раз на земли через небесного благовестника слышится приветствие радости. Не только из жен, но никто из великих пред Богом мужей не был доселе приветствован гласом небесной радости. Много было у Бога в ветхом завете верных рабов, даже друзей и мужей по сердцу: угодил Богу Ной (Быт. 6:9); Авраам наречен другом Божиим (Иак. 2:23); Моисей был верный слуга во всем дому Божием (Евр. 3:5); Давид был муж по сердцу Божию (Деян. 13:22); каждый из них много слышал от Бога благословений, много испытал милостей. Но ни один при самых утешительных изъявлениях Божия благоволения не был утешен приветствием радости. А в Назарете Дева, обрученная мужу, приветствуется от небесного посланника гласом радости и в приветственном гласе нарицается новым, толико же радостотворным наименованием благодатным: радуйся, благодатная: Господь с тобою.

Подлинно это новое наименование, которое никому особенно не было доселе так усвоемо, не только в законе Моисееве, но ни в пророческих проречениях, ни в песнопениях Церкви ветхозаветной.

Что же значит наименование: благодатная? Благодатная, наименование колико для слышания сладостное, толико же и по силе своей много- знаменательное, есть тоже, что исполненная Божественного благоволения, так исполненная, что от изобилия свыше излияных на нее даров, она сама составляет для нас дар, составляет явление небесного к нам благоволения, как виновница дарования нам Божественных благ. Так и Архангел изъявляет наименование благодатное, когда говорит: радуйся, благодатная: Господь с тобою, – с тобою, благодатная, вещает Архангел, Господь всем своим благоволением, какое только возможно для человека. Согласно с сим и Святая Церковь, немолчна воспевательница доброт Богоневесты, в воспеваемой в сие время сладкой песни своей

изъясняет силу наименования благодатной, – что благодатная, как великий дар, составляет предмет всемирной радости неба и земли: о тебе радуется, благодатная, всякая тварь: Ангельский собор и человеческий род!

И такова есть подлинно Богоблагодатная Мария, сподобившаяся быть Материю Бога – Слова, питательницей Жизнодавца, престолом Царя славы, чертогом Вседержителя, словесным раем, сокровищницей жизни и спасения, сладостью Ангелов, радостью человеков!

Христиане! Радость благовещения есть радость всемирная. Она возвещена Благодатной: но для того, дабы чрез нее все мы были общниками благодати. Благословенная в женах соделалась Матерью благодати, дабы мы от Рожденного ей прияли благодать возблагодать, и соделались чадами благодати. Посему с Благодатной всем нам возвещается радость о даровании нам свыше благодати. И все мы, яко сынове Божии во Христе Иисусе (Гал. 3:6) облагодатствованы.

Какие же свойства облагодатствованных, благопотребно рассмотреть в честь Благодатной, дабы видеть, истинные ли мы чада благодати, и не обретается ли кто вне благодати?

Если благодатные свойства, знаменующие чад благодати, станем рассматривать в самой Благодатной, то в сем умном раю найдем все дары и плоды Духа благодати, найдем любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5:22,23); найдем ангельскую чистоту, небесную премудрость и доброту, кратко: – найдем богосветлый лик небесных, неизглаголанных добродетелей. Ибо с нею Господь! Оставляя особенные, обозначим для себя самые главные благодатные свойства.

Как мы называем то состояние воздуха, когда ощущаем и приятность света и благотворность теплоты, и благоухающую свежесть воздуха, вливающие во все чувства наши как бы новые силы и жизнь? Называем благорастворением. Итак, в благорастворении главные стихии суть свет и теплота, и совершенное благорастворение есть совершенная соразмерность света и теплоты, которые, в удобопроницательной тонкости своей извлекая из земных

произрастаний чистейшую влагу, исполняют воздух усладительным благовонием.

Что благорастворение воздуха в поднебесной, то самое совокупность благодатных свойств в нашей жизни. Это есть духовное благорастворение света и теплоты, производящее воню благих дел.

Часть 1. Первое благодатное свойство – свет разума

Самое первое, начальное из благодатных свойств есть умный свет.

Без света нет в поднебесной радости. Без света нет и в душе нашей благодати. Видимый мир, – сия полнота естественных красот, начался сотворением света: рече Бог: да будет свет, и бысть свет (Быт. 1:3), дабы во свете видимы и славимы были дивные дела Божии. И благодатный мир начался воссиянием света: яко Бог рекий из тьмы свету воссияти, иже воссия в сердцах наших к просвещению разума славы Божия о лице Иисус Христове (2Кор. 4:6). Без света не растут, не прозябают земные растения. И без умного света не возрастают в душе дарования. Всяк, иже не научится правде на земли, истины не сотворит (Ис. 26:10). Свет даст всякому бытию жизнь, силу, действие, красоту. И душевным способностям умный свет дает силу, действие, совершенство. Итак, самое первое благодатное свойство есть свет, свет разумения Божественной истины и правды в нас и делах наших.

Благодатный свет начинается в нас с познания первообразного Света, – Бога, идет чрез познание нас самих, подобных нам человеков, окружающих нас существ, сопряженных с нашим бытием различными отношениями, и лествицей тварей опять восходит к яснейшему созерцанию Творца. Переходя в самопознание и полагая начатки, к деятельности умудрению нас во спасение, благодатный свет начинает в нас внутреннее действие озарением греховной тьмы неведения и страстей наших, просиявает мало по малу, как в лучах, в заботливых помышлениях о стяжании всего, елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна (Фил. 4:8). Когда сии помышления будут наставлять нас на дела правоты и непорочности, а взирающих на явление их, как на явление в нас Божественного света, будут возбуждать к прославлению Светодавца: то это есть утешительное знамение явления в нас света благодати (Мф. 5:16).

Но как нам, ходящим во тьме неведения и страстей, достичнуть того, чтобы сиял в нас свет благодатный? Как воссияет самый лучезарный день? Воссияет постепенно: начинается рассветом, разгоняющим мало по малу густоту тьмы, предуготовляется зарей предшествующей воссиянию солнца, и самые первые лучи восходящего солнца распространяются постепенно. Если и мы хотя по единой искре, но единому зерну, по единой малой крупице будем собирать лучи истины: хотя тихо, медленно, но не останавливаясь, будем простираясь всегда вперед путем самопознания: и мы мало по малу будем переходить от темных стезей блуждения к хождению во свете лица Божия.

Как убеляются, утончаются, делаются светлыми самые темные, самые грубые вещества? Утончаются и светлеют постепенно чрез прилежное отребление очищением, измовением, переплавлением. Если и мы, при светильнике слова Божия, будем, как злато огнем, испытывать внимательным рассуждением, советованием, взаимными внушениями, наставлениями все наши мысли, чувствования, расположения: то, сколько бы ни велика была духовная тьма наша, Бог рекий из тьмы свету воссияти, озарит и наши сердца, дабы просветить познанием славы Божией о Иисусе Христе; воссияет в нас благодатное свойство, – умный свой свет.

Часть 2. Второе благодатное свойство – теплота любви

Но полный, истинный свет светит и греет. Свет, который светит, но не греет, есть свет несовершенный, безжизненный. Солнце само в себе всегда светит и греет. Однако же оно, когда удаляется от земли, только светит, а не греет. Тогда господствует хлад, и вся природа погружается в мертвенност и бездействие. Но когда, постепенно приближаясь к нам, в надлежащей соразмерности изливает на землю свет и теплоту: тогда попеременно является у нас цветущая весна, плодоносное лето, изобилующая плодами осень. Так и в духовном мире один свет ведения, без теплоты сердечной, есть свет хладный, безжизненный, мертвый.

Какая же это теплота? Духовная теплота; другая существенная стихия благодатной жизни есть любовь. Подлинно любовь есть благодатная теплота и источник жизни. Когда она, растворенная верой и благочестием, открывается в действии, тогда в человеке, как в древе, насажденном при исходящих вод, является благоустроенность, как зеленое лиście; слово разума и мудрости, как благоухающий цвет; дела кротости, воздержания, терпения, благотворительности и на всякое благоугождение готовности, как приятный, питательный плод. И сколь добра и свята любовь! Без любви и ангельские языки не благоглаголивы, и ведение всех тайн, всея премудрости бесполезно; и самые великие труды, самые усилиные подвиги бесплодны (1Кор. 13:13). А любовь есть союз, полнота совершенства (Кол. 3:14). Потому-то и Бог Отец именуется Богом любви (1Ин. 4:8), и Бог Сын именуется Сыном любви (Кол. 1:13), и Бог Дух Св. именуется утешительным Духом любви (2Тим. 1:7). Любовь есть по преимуществу благодать!

Как же нам, тяжкосердым, нелюбообщительным, немиролюбивым, стяжать в себе благодатное свойство любви? Странным покажется средство к приобретению любви, когда скажем, что это средство есть ненависть к самим себе, т.е. к нашему самолюбию, обольщающему нас мнимыми нашими

совершенствами. Однако же скажем справедливо. Чем меньше будем видеть себя, чем меньше будем находить себя, чем меньше будем заниматься собой, тем лучше можем видеть, лучше обретать, лучше взыскивать и Бога нашим благоговением, и близких наших благорасположением, и самих себя благоустройством во спасение; лучше будем видеть слабости свои, лучше извинять недостатки других, лучше чувствовать и понимать цель своего бытия – жить для Бога и для Бога всеми силами служить во благо ближним нашим. Посему кротость, смиренение, благопослушание, терпение, готовность жертвовать собой общему благу близких наших, вот благодатный союз, благодатные цветы, из которых связуется венец благодатей любви.

Сии свойства, и в отдельности каждое само по себе, нас пленяющие, в совокупности суть совершенное проявление духа благодати и любви. Они приобретаются постепенно одно за другим, приобретаются рачителями благодатной жизни в тишине духа, во внимании себе, путем скорбей и внешних, обретающих нас на пути жизни, а еще паче внутренних, происходящих от умерщвления страстей, и по мере сосредоточения душевных сил постепенно переходят в одно расположение чистой, благотворной, назидательной любви, также как рассеянные лучи солнца, быв собраны и сосредоточены через выпуклое стекло, производят огонь и пламень. По отвержении самоугодия, по обуздании своенравия, по умерщвлении склонностей чувственности, сих порождений самолюбия, наше растленное самолюбие, очищаясь опытами самоотвержения, постепенно преобразуется в расположение чистой любви, любви к Богу и ближним, к Богу, как источнику всех совершенств, к близким, как чадам Божиим, созданным и воссозидаемым по образу Божию, дабы в Боге и для Бога вкупе с ними совершенствоваться. Посему чистая любовь, происходя из самоотвержения, как корня, и проявляясь в расположениях кротости, послушания, смиренния, терпения, как в ветвях, возрастае в сокрушенном и умиленном сердце в древо жизни, которое и увеселяет приятностью вида, и услаждает благоуханием, и питает сладостью плодов.

Часть 3. Третье благодатное свойство – мудрость и назидательность в поведении

Так! совершенная любовь, как совокупность ведения и благочестия, как союз добродетелей, есть совершенная благодать. Но для достижения совершенства благодати любви необходимо нужно еще свойство, которое бы в действиях любви соразмеряло доброту и правоту; нужно совершившее мое действие, чтобы наши действия имели духовную благообразность, имели то привлекательное выражение, которое в благодатной стихии жизни составляет благоухание. Яко Христово благоухание есмы Богови (2Кор. 2:15).

Какое же это свойство, которое должно нашим действиям давать благообразность, намощать их, как волей духовной? Это христианская мудрость, мудрость так располагать свои действия во всех обстоятельствах жизни, чтобы воздавать каждому свое: это христианское благоразумие приличными средствами и отклонять от себя опасные для внутренней чистоты случаи, и непрестанно укреплять в себе благочестивые расположения, и, сколько возможно, других назидать примером благочестия, по крайней мере не разорять, дабы по возможности быть всем вся (1Кор. 9:22), дабы всячески кого-либо упользовать, по крайней мере ни кому не быть претыканием в соблазн. Потому-то Спаситель в лице Апостолов заповедал всем быть мудрыми, как змии, и целыми, как голуби. Будите мудри, – яко змия, и цели, яко голуби (Мф. 10:16). Потому и Апостол завещает всем быть мудрыми на добро, а простыми на зло (Рим. 16:19). А для сего он же завещает нам поступать благоразумно, не как немудрым, но как премудрым, и разумевать, что есть воля Божия. Блюдите, како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри, и разумевайте, что есть воля Божия (Еф. 5:15,17).

Что соль в пище, то христианская мудрость и благоразумие в жизни и делах (Мф. 5:13). Потому и повелено Спасителем все, – всякое добре огнем очищать и всякую жертву солью осолять; повелено нам иметь соль в себе, т. е. мудрость, и мир

иметь между собой. Имейте соль в себе, и мир имейте между собою (Мк. 9:49, 30). От простоты можно вовсе истлеть, можно погубить великие сокровища ума и сердца (2Кор. 11). Но муж мудрый, духом христианского благоразумия водящийся, во всех путях своих ходить беспреткновенно, надеясь в мире; все испытывает, но одно доброе избирает и творит (1Сол. 5:20). Господь на всех путях утверждает ногу его от поползновения (Прит. 3:23–25, 26). Слово его всегда во благости, солью мудрости растворено (Кол. 4,.), благорассмотрительно всегда обращено к назиданию в вере, к утешению слышащих (Еф. 4:29). Тщася совершать доброе пред всеми (Рим. 12:17), он тщится быть беспреткновенным даже и для Иудея, и для Эллина, а кольми паче для Церкви Божией. Не ища своей пользы, тщится единственно угоджать всем, да спасутся (1Кор. 10:32, 33). А потому человеку, в мудрости исправляющему пути свои, и Бог дарует благодать, и пред человеками он обретает благодать, и на таковом в полной мере исполняется то, что сказано мудрым в похвалу благодати: лучше имя доброе, неже богатство много, паче же сребра и зата благодать благая (Прит. 23:1).

Что мы говорим тогда, когда смотрим на вертограф, красующийся множеством разных дерев, обремененных плодами; когда смотрим на поле, покрытое тучной жатвой всякого рода классов; когда видим сокровищницу, исполненную всяких благ жизни? Говорим одним словом: какая благодать! Вот ясное изображение благодатных свойств, когда в одной нераздельной совокупности являются в человеке и действуют – свет истины в уме, теплота любви в сердце, сила мудрости в духе! Если мы имеем хотя начатки благодати Духа: то воздадим благодарение Благодателю Богу, и поревнуем паче рости и преуспевать в благодати и пред Богом и человеками. Если же мы хотя и не лишены вовсе благодати, но она так в нас слаба, так скучна, что свет спасительного самопознания еще не озарял ума нашего, теплота любви еще не согревала сердца нашего, а мудрость вовсе и не пресыщала на дух наш: то восскорбим о нашей безблагодатности, и в глубоком чувстве духовной бедности и лишения обратимся всей душой и всем сердцем к

богатому благодатью Отцу, к исполненному благодати Сыну и к неоскудному раздаятелю благодати Духу Святому, да Трисиянный свет, Триипостасная премудрость и Любовь просветит наш мрачный ум, согреет хладное сердце, вразумит наше неразумие и умудрит буйство.

Воззовем все и к Благодатной: Благодатная! мы воспеваем благодать Твою. Облагодати наш ум, облагодати наше сердце, облагодати все силы нашего духа!

Если и мы по благодатному ходатайству Твоему, любовью Отца, благодатью Сына и умудрением Духа Святого будем и мыслить, и желать, и действовать о благодати: тогда и мы в радости и веселии со Архангелом Тебе возопием: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою. Аминь.

В День Благовещения

21. Слово 1. О благодатных свойствах

Отныне ублажат мя вси роди (Лук. 1:48).

Так возвеличенная от Елизаветы названием матери Господа, и тогда же в благодарственной песни возвеличившая Господа за благоволительное призрение на смиление ее, Благодатная в полном излиянии небесной радости сама поведала будущее величие, – всеродную славу свою: отныне ублажат мя вси роди.

Велика честь быть материю царя земного, родительницей властелина человеков, питательницей повелителя народов. Но быть материю Бога, родительницей Творца человеков, питательницей Царя царствующих и Господа господствующих, это честь и величие не земное, а небесное, Божественное. И таковой чести, такового величия сподобилась смиренная Дева.

Что же? смиренная Мария нимало не изменила своему смиению и тогда, когда, по видимому, сама поведала о своем величии, – что будет ублажаема всеми родами. За что она долженствует быть ублажаема? За то, что сподобилась Божественной чести быть Материю Господа своего. Честь несравненная! Но честь царева, честь Божия суд любит (Пс. 98). И смиренная Мария в Божественной чести зрея особенную, сердцу Ея всего более сродную, истинно блаженную радость, – ту радость, что она, соделавшись Материю кроткого Царя – Господа, и вкупе благого Искупителя грешных и бедствующих человеков, будет всем в напастях испрашивать небесных милостей и щедрот у Сына и Бога своего, и будет иметь все возможные способы к тому, чтобы являть благотворение бедствующим в злоключениях, боримым искушениями, обуреваемым соблазнами; а посему в самой славе и величии будет иметь Божественное наслаждение – соскорбеть скорбящим, соболезновать болезнущим, сострадать страждущим и быть радостью не радующихся только, но радостью печальных, утешением плачущих, отрадой безотрадных.

Бот какая Божественная радость преисполняла душу Богородованной Девы, когда она, величая возвеличившего Ее Господа, смиренномудренно исповедала и свое величие в имеющих ублажать Ее родах! Се бо отныне ублажат мя вси роди.

Истинно, – Матерь Божия есть умная, сердечная радость, радость и всех духовно радующихся и всех духовно скорбящих.

Кто из прибегающих с теплой верой и сердечной любовью под кров Ее не получал от Нее действенного утешения, отрады, заступления?

Чему и всех нас научает примером Своим Матерь благодати, – радость радующихся и утешение всех скорбящих? Научает тому, чтобы и мы по мере сил наших, по состоянию и званию, старались быть радостью и утешением и вообще для близких наших, а особенно для тех, которые Божественным промыслом поставлены в ближайшем к нам отношении жизни и дел.

Будем всемерно стараться быть виной не скорби и сетования, но радости и утешения для близких наших.

Как можем быть такой благовонной виной? Можем и должны быть радостью и утешением для близких наших, во-первых, словом, а еще более делом, вообще же добрым, – благодетельным расположением.

Часть 1. Мы должны быть утешением для близких – словом

Во-первых, мы должны быть утешением и благословением для близких наших словом.

Слово есть первое орудие проявления всего благого. Бог рекл, и все пришло в бытие; повелел, и все создалось; создал, и все содержит глаголом силы Своей. И в нашем общественном и нравственном мире все происходит и совершается словом, словом совета, повеления, суда, словом вразумления, внушения, наставления. Посему и каждого слова, как дыхание всезиждительного Слова, всеми мерами должно быть направлено ко благу.

Имея главным предметом своим хвалу и благословение Виновника всех благ, – Бога, слово наше, происходя из здравого рассуждения ума, от доброго чувства сердца, от благого намерения воли, должно изрекать всегда и всем то, что свойственно и прилично; должно выражать в обыкновенном обхождении благоприветливость, приязнь; в житейских делах потребный совет, вразумление: в обязанностях благодатной жизни – духовное назидание, дабы неведущий получал от нас кроткое вразумление, заблуждающий – наставление, сомнящийся – успокоение, скорбящий – утешение, болезнующий – подкрепление. Посему и необходимо, чтобы слово наше, как заповедует Апостол, было всегда во благодати, было солью благоразумия растворено, дабы нам знать, как в разных случаях кому говорить, как отвечать (Кол. 4:6).

И если мы по нашей духовной скудости не можем всегда вещать близким нашим слово нужное, полезное, назидательное; то всемерно будем пещься о том, чтобы по нашему легкомыслию отнюдь не исходило из уст наших слово разорительное, жестокое и язвительное, лживое и обольстительное. Злоречием языка обнаруживая в себе мрачное чувство, суровый нрав, строптивое сердце, мы оскорбляем своих домашних, раздражаем посторонних, тяготим подчиненных, огорчаем равных, прогневляем высших и во

всяком случае унижаем самих себя. поскольку же и за всякое праздное слово должны будем отдать слово в день судный: то при нашей строптивости, непрестанно говоря ближним и о близких наших слова оскорбительные, поносные, для чувства возмутительные, какому множеству подвергаем себя геенн? И потом есть о чем просить нам, Господа, чтобы Он положил хранение устам нашим и дверь ограждения о устах наших, и не уклонил сердца нашего в словеса лукавства. Блажен человек, который устроет словеса свои рассудительно. Кто в слове не согрешает, тот, по слову Апостола Иакова, совершен человек, может и все тело существа своего обуздать (Иак. 3:2). Кольми же паче тот совершен, которого слово всегда в благодати, как поток чистый, прежде всего источает хвалу и благословение имени Божия, а о имени Божием во благовремя изливает благопотребный совет, наставление, утешение ближним своим. Подлинно – много мы согрешаем, много делаем зла и себе и ближним, когда делаем слово наше не вестником мира и благословения, но орудием хулы, осуждения, клеветы; когда часто в одно и тоже время языком наших и благословляем Бога и Отца, и клянем человеков, братию нашу, созданных по образу Божию. Не должно быть так, братия мои, кротко и трогательно увершает нас Апостол, не должно из одного и того же источника уст наших исходить сладкое и горькое, благословение и клятва, добро и зло (Иак. 3:9–11). Нет; да не исходит слово гнило из уст наших, а только полезное для взаимного назидания в вере и благоустройении жизни, дабы оно доставляло благодать слышащим (Ефес. 4:29), дабы впечатлевало в слух и сердце здравые мысли, добрые чувствования, благие намерения.

Таково было благодатное слово Благословенной в женах, слово кроткое, смиренное, выполненное назидания. Слова, сказанные Ей Архангелу: се раба Господня, буди ми по глаголу твоему, и произнесенные в песни Господу: яко призри на смирение рабы Своей, представляют нам образец смиренномудрой беседы Ее; Она обыкновенно и пред Богом и человеками так чувствовала, так говорила: я раба Господня, по воле Божией на все готова, как Господу угодно, предаю себя святой воле Его. Так и мы будем и чувствовать, и говорить; и

слово наше будет во благодати, будет служить во благо для близких наших.

Часть 2. Мы должны быть утешением для близких наших – делом

Но мы особенно должны быть утешением для близких наших делом; делом милосердия, признания, благотворения и всем, а особенно бедствующим, скорбящим, озлобленным, лишенным милости Божией и в Боге от нас человеколюбной, – христианской милости требующим. Соответственно степени нашей власти и могущества, соразмерно достоянию внешних благ, и обладанию духовных даров, требуется от нас благотворение ближним нашим, дабы служить друг другу; а особенно требующим тем благом, какой кто от благодати Божией получил. Ты превознесен могуществом, в руках твоих жребий счастья многих, от уст твоих исходит правда и суд; суди людям в правде, угнетенным правосудно, смири клеветника, избавь беспомощного от сильного, от лихвы и от неправды избавь души их, и будут ублажать тебя. Ты обладаешь сокровищами, обилие и богатство в дому твоем, благая преизливаются окрест тебя: ведай, что тебе, как приставнику над именем верховного Дому – владыки, оставлен есть нищий; сирому ты буди помощник, не затворяй дома твоего от странна, от крупиц, падающих с богатого стола твоего, не удаляй убога, и помолятся о тебе выну, и всякий день будут благословлят тебя. Ты обладаешь дарованиями духовной мудрости и разума для водительства душ; будь око слепым неведением, свет омраченным заблуждениями; будь нога хромым греховными преткновениями, подпора падающим в искушения, неси благодушно немощи немощных и слабости слабых, обличи, запрети, вразуми, но со всяким долготерпением, назидательностью, любовью и сердоболием, и ведай, что, спасая души от смерти, спасая себя и других, ты и на земли приобретешь честь верного раба и друга Божия, а по смерти сподобишься венца небесного.

Если же нам не предоставлено служить во благо других могуществом власти, раздаянием благ внешних и даров духовных; если смиренная наша доля поставляет нас в

зависимости, в подчинении, в послушании, в скудости и лишении, потщимся заслуживать благодать и благоволение безропотным послушанием, кротким терпением, невозмущаемым благодушием, незлобивым перенесением самых озлоблений. Это опытная истина, что благотворительность и для упорных умов, для враждебных сердец, по слову Апостола, имеет силу углия огненного (Рим. 12, 20), которое, и в самых злобствующих пожигая мысли мрачные, чувствования жестокие, расположения неприязненные, переплавляет оные в мысли кроткие, в чувствования мирные, в расположения благотворительные. Но да ведаем, что и кроткое послушание, благопокорное выполнение дел и обязанностей смиренного звания и состояния своего есть своего рода добродеяние, которое, как углие огненное, может расплавить для умягчения самые жестокие расположения. Кроткие свойства христианского послушания приобретают одобрение, уважение, любовь не только у благих и кротких, но и у строптивых. Безсловная покорность, безропотное повинование и терпение есть истинное добродеяние. Действуя кротко, послушно, верно и искренно, мы можем умягчить и жестокие сердца и суровые расположения. И кто озлобит вас, одушевляет нас к благоделанию самым утешительным вразумлением Св. Апостол Петр, и кто озлобит вас, сице благому подобницы будете (1Пет. 3:13). Любят благодетельного начальника, доброго попечительного господина, благоразумного, строительного правителя. Но и кто не любит верного приставника, кроткого домочадца, усердного раба, послушного подчиненного?

Так благословенная в женах, Благодатная Мария не могуществом внешнего действия на участь людей, не благодеяниями посредством вещественных благ, не блестательными талантами соделалась благодатной пред Богом и благословенной в роде человеческом; соделалась смиренными, втайне сокровенными, но в высокой силе духа совершамыми добродетелями, соделалась безпределным повиновением воле Божией и непоколебимым терпением в искушениях. Я раба Господня, Господь, призрел на смижение

рабы Своей, так Она с преданностью в волю Божию говорила, так смиренно мыслила о Себе пред Богом, так и поступала в самых тяжких искушениях. В Голгофском стоянии при кресте, по словам Симеона, оружие всех болезней пронзило душу ее. Но стоя при распятом, в мучительных болезнях умирающем Сыне, хотя сама сраспиналась и умирала с ним, однако стояла в безмолвной горести, вполне преданная в волю Божию. поскольку же, подобно Божественному Сыну Своему, была смиренна перед Богом и благопослушлива до креста и распятия Сына Своего: то и Отец Небесный превознес Ее выше чинов ангельских, даровал Ей достоинство Матери Божией и небесную благодать, – быть ходатицей рода христианского.

Часть 3. Должны быть утешением для близких – добрым расположением

И мы в терпении и смиренной покорности служа Господу, будем праволюбно служить ближним нашим тем даром, тем делом, тем служением, какое кто получил от Бога на пути жизни благодатной, общественной, частной; будем в употреблении даров и действий служения нашего милосерды, как и Отец наш Небесный милосерд есть; будем кротки, незлобивы, как кроток Спаситель наш, Агнец незлобивый, и будет мздою нашей истинная благодать пред Богом и человеками, и мы будем сынами Вышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым (Лук. 6:35, 36). Будем всемерно возгревать, укреплять в себе общее благодатное расположение ко всем человекам, как к братьям нашим о Христе и чадам Небесного Отца, как к сочленам единого благодатного тела Христова и сообщникам даров единого Духа Святого, которых в истинной любви должны мы и словом и делом созидать во Христа, как и самих себя. Особенно же будем иметь сострадательность к скорбящей, болезнущей, лишенной, равно как к заблуждающей и согрешающей братии нашей, хотя бы часто не в нашей состояло власти оказать им внешнее облегчение. Куда не может простираться благое наше дело, туда да простирается слово; а куда не может простираться благое наше слово, туда да простираются благие наши расположения. Наше дело постоянно устремлять мысли наши к добру, непрестанно возобновлять желания успевать в добре, неослабно укреплять себя в расположении делать другим добро. Тот, Который даст нам хотети, даст нам и исполнити, и начный дело благо в нас, чтобы по возможности, всем быть всячески во благо, и совершите (Фил. 1:6).

Се бо отныне ублажат мя вси роди. Преблагословенная Дево Богородице, Мати Слова и Живота, словесный раю умных доброд, достойно блажимая всеми родами! Сотвори, Ходатаице, всесильными Твоими молитвами, дабы мы, если еще не научились быть благими в деле, тщились быть

непреткновенными в слове; а если еще безблагодатны, погрешительны и в слове; то сотвори, Благая, благодатью Сына Твоего, да горим непрестанным желанием соделаться благоразумными в слове, благими и правыми в деле, и всемерно тщимся благодатным словом и благодетельным делом служить к славе Божией во благо ближних, дабы и в сем веке на правой земли живых заслужить нам между ближними нашими благую память, – память для молитвенного поминования нас по смерти пред Богом. Аминь.

22. Слово 2. Как мы можем быть утешением для близких?

Радуйся, Благодатная, Господь с тобою. Лук. 1:28.

Так приветствует Архангел Гавриил пресвятую Деву, благовествуя ей о Божественном воплощении от нее сына Вышнего. Приветствие чудное, благовестие великое! Смиренной Деве возвещается такое высокое избрание, какое ни одна из жен не имела и не может иметь; возвещается избрание быть Материю Сына Божия, Спасителя мира. Посему Богоизбранная приветствуется от Архангела вовсе необычайно радостью: радуйся, – как доселе не только ни одна из святых жен, но и ни один из ветхозаветных великих мужей не был приветствован; приветствуется радостотворным наименованием благодатная, и с тем вместе особенной милостью и благоволением Отца небесного: радуйся, благодатная, Господ с тобою, обрела бо еси благодать у Бога. Отселе Церковь в духе Архангельского приветствия в песнях именует Богородованную приятелищем радости, которой одной, по достоинству, надлежит радоваться: радости приятелище! Тебе подобает радоваться единой.

Что же? Благодатная Дева, обрадованная Мария, всю ли жизнь проводила в благодатной радости? Благословенная в женах всю жизнь свою от благодатного рождения до бессмертного преставления проводила в преизобильной благодати Божией, но не всегда в радости: проводила и среди тяжких скорбей. Подлинно никто из земнородных не имел на земле столь чистых, высоких, небесных радостей, как Мать Господа. Но можно сказать, никто не имел и столько тяжких, глубоких горестей, как Мать Иисусова. Дева, имевшая превыше ангельской чистоту, вслед за Архангельским благовестием о бессемянном зачатии Сына Вышнего, подпадает тяжкому подозрению со стороны непорочного обручника ее; тотчас по рождении благословенного Сына, спасаясь с Ним бегством от убийственной жестокости Ирода в Египет, испытывает нужды двухгодичного странствования. Когда Сын ее возрастил, она жила с Ним в Назарете в скудости, трудами

древоделания Иосифа. А когда вступил в подвиг великого служения Своего, то разделяла с Ним не столько славу, сколько поношение и унижение Его. Но все скорби, оттоле одни за другими в большой силе следовавшие, были только приготовлением к тем великим скорбям, горесть которых во всей полноте испила сладчайшая Матерь, когда стояла при кресте единородного Сына своего. Тогда-то, по предречению Симеона, оружие всех горестей пронзило душу ее (2, 33). Но тогда-то благословенная Мария и сделалась общей Материю нашей, соделалась радостью не только благодатью радующихся, но паче радостью скорбящих, Утешительницей плачущих, Заступницей гонимых, Покровительницей обидимых, Предстательницей сирых и беспомощных.

Божественный Сын ее, как Сам проходил крестный путь служения Своего среди знамений обитавшего в Нем Божества и среди глубокого унижения подобострастного нам человечества, так и благословенную Матерь Свою премудро вел путем жизни, – при внутренних утешениях постоянно крестом ограждал ангельскую чистоту Ее.

Не так ли и всех нас ведет Господь путем жизни? Скорби наши облегчает утешениями, а утешения растворяет скорбями, дабы мы вовсе не предались греховной беспечности. Посему сколько бы безопасна ни казалась участь наша, нам всегда надлежит быть готовыми на злоключения, как переходящим по среде многоразличных сетей и окруженным отовсюду опасностями; и, хотя в слове Божием повелено и надлежит нам всегда радоваться о Господе, (Фил. 3:1. 4, 4) но радоваться со страхом, дабы всегда быть готовыми к встрече и благодушному перенесению противности.

Как же мы можем и должны быть всегда готовы к бодрственному принятию находящих и благодушному перенесению постигающих нас скорбей, о сем, в честь Утешительницы скорбящих и Предстательницы бедствующих, предложим слово.

Дабы сколько возможно сохранять нам мирное расположение духа в находящих и быть благодушными в постигающих нас скорбях, во-первых, надлежит нам

непрестанно приготовлять себя к скорбям; во-вторых, приучат себя к скорбям; в-третьих, благодушно терпеть свои и с искренним участием разделят скорби других.

ДЛЯ БЛАГОДУШНОГО ПЕРЕНЕСЕНИЯ СКОРБЕЙ НАДЛЕЖИТ:

1) ПРИГОТОВЛЯТЬ СЕБЯ К СКОРБЯМ.

Нет на земли такой счастливой участи, та кого благополучного течения дел, чтобы мы могли быть безопасны от внешних или внутренних скорбей. Вот мы теперь наслаждаемся здравием, миром, благопоспешством в дела; наслаждаемся даже спокойствием совести, не сознавая, по-видимому, в себе тяжких преступлений против закона Божия, хотя всего труднее можно сказать нам это о себе. При всем том мы непрестанно должны быть готовы к встрече противности, которые по воле Божией, по нашей непредусмотрительности, по стечению неблагоприятных случаев, или ожидают нас впереди, или уже постигают, как последствия прежних наших погрешностей и наветов от неблагоприятствующих нам людей. Мы не знаем, что будет с нами впереди, что породит для нас не только наступающий день, но и находящий час. Не видим ли пред собою непрестанных опытов, что кто утром был в цветущем здоровье, тот к вечеру постигаем был болезнью, кто постигаем был болезнью в вечеру, оканчивал жизнь к утру; кто недавно изобиловал богатством, тот вдруг от одного нечаянного случая лишился всего достояния; кто, как благорастворенным воздухом, дышал веявшим на него отовсюду благоприятством, тот внезапно подвергался клевете и ненависти близких. Колико же мы должны быть готовы ко всяkim противным переменам, огорчениям, лишениям, унижениям, дабы, не смущаясь, тем паче не упадая в духе, могли встречать различные противности. Предусмотренные удары, если не могут быть отвращены, то с большей твёрдостью могут быть встречены и с меньшей болезнью приняты. Приготовление себя к неприятным приключениям будет приучать нас к мерам благоразумия и осторожности, будет научать нас смотреть на образ мира, как на непрестанную переменчивость вещей, посреди которой и сами ожидая могущих нас постигнуть превратностей, мы ни к какому

предпринятию без тщательного соображения предыдущих и последующих обстоятельств, без должного рассмотрения причин и последствий, не будем приступать. С предусмотрительностью располагая поступки свои, мы ничего не будем иметь ни нечаянного, ни необычайного; посему и неприятности, если не будем встречать спокойно, то будем встречать с меньшим смущением; вообще будем учиться приобретать блага без пристрастия, пользоваться ими без привязанности, расставаться с ними без жалости.

2) ПРИУЧАТЬ СЕБЯ К СКОРБЯМ.

Но чтобы действительно приготовить себя к скорбям и лишениям, надобно самым делом приучаться к ним постепенно; а мы можем и будем приучаться к скорбям и лишениям, если будем приучат себя всегда что-либо убавлять от нашего веселия, от наших наслаждений, от нашего покоя, а к нашим полезным занятиям и трудам всегда что-ни- будь прибавлять. Посему поставляя себе правилом: сколько возможно ограничивать себя в приятном, и усугублять в себе ревность к упражнению в добром и полезном, будем оставлять покой, трапезу, станем прерывать самые невинные удовольствия, когда, по влечению чувственности, могли бы продолжить оные. Напротив, к добрым действиям будем прибавлять вновь какое-либо добро. По требованию долга неупустительно исполняя поведенное, будем присовокуплять что-либо по доброй воле и сверх повеленного; принимая огорчения с кротостью, будем стараться принимать и с благожеланием, и за причиняемое зло платить добром. Вот средство и при довольстве уметь нести нужду, соблюдать умеренность, содержат себя в смирении. Так Авраам приготовил себя к принесению в жертву единородного своего Исаака, Иов к безропотному лишению всех благ, три юноши в Вавилоне к разженной седмицей пеши. И мы не иначе можем приготовит себя к скорбям, неразлучным с земной жизнью, как чрез добровольное отъятие у себя утешений и чрез внутреннее самоотвержение. Угодно ли будет благости Божией испытать нас скорбями, или пощадить нашу немощь от тяжких искушений, во всяком случае для нас необходимо терпение. Начальник веры и Совершитель спасения нашего хочет, чтобы

мы, воинствуя под знамением креста Его, и неослабно подвизаясь на предлежащем поприще для наследия вечных благ, постепенно отрещались от дольных пристрастий, жили в преданности воле Божией, как странники, не имеющие здесь пребывающего града, но грядущего взыскующие, ни к чему земному не прилепляли пристрастию сердец своих; чтобы и плачущие, по слову Апостола, были как неплачущие, и радующиеся, как нерадующиеся; и купающие, как неприобретающие, и пользующиеся благами мира сего, как непользующиеся (1Кор.7:29–31). В том и состоит самоотвержение, чтобы, укрепляясь благодатной силой, отказывать себе сперва в излишнем, потом в ненужном, далее так ограничивать себя и в самом нужном, чтобы, имея пищу и одеяние, сим и довольными быть (1Тим. 6:8).

3) БЛАГОДУШНО ТЕРПЕТЬ СВОИ И РАЗДЕЛЯТЬ СКОРБИ ДРУГИХ.

Но и на этом не надлежит останавливаться, а упражнять себя больше в христианском терпении и приобщать к безболезненности и любостраданию, чтобы без смущения, спокойно, даже с радостью принимать всякие искушения, как наставляет нас св. Апостол Иаков: всякую радость имейте, братия моя, егда в искушения впадаете различна (Иак. 1:2). Без сего, как мы, по заповеди Христовой, можем благословлять клянущих нас, благоворить ненавидящим нас, молиться за обижающих и гонящих нас? Кольми паче в состоянии ли будем, без предварительного обучения себя незлобию, ударившему нас в десную ланиту обратить и другую, и с принудившим нас идти поприще, охотно идти два? Так, в крепком терпении имеем мы потребу и в терпении должны стяжать души наши, да волю Божию сотворше, примем обетование (Евр. 10:36).

Но чтобы в силе Христовой приучаться к чувствованиям любострадания, то, упражняя себя в добровольных и невольных скорбях, должны разделять искренним соучасием и скорби других, должны посещать, по слову Апостольскому, сирых и вдовиц в скорбях их (Иак. 1:27) и плакать с плачущими (Рим. 12:15). Подлинно благо, по наставлению Экклезиаста, ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира (Екк. 7:3). Соскорбя

скорбящим, сострадая страждущим, призирая на узников, как с ними связанные, и на страждущих, как и сами подверженные страданиям, мы во первых исполняем долг человеколюбия, заповедующий нам по возможности, благотворит бедствующим, каковое дело милосердия, как сказал о сем Сам Божественный Судия, на последнем суде будет иметь мздовоздаяние много. *Приидите, скажет Господь на последнем суде человеколюбивым и сострадательным, приидите благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Взлкахся бо и даси Ми ясти, возжадахся и напоисте Мя, странен бех и введосте Мене; наг и одеясте Мя; болен и посетисте Мене; в темнице бех, и приидосте ко Мне.* (Мф. 25:34–36). Далее в силе благодатного утешения, облегчая участь бедствующих, мы радостной мыслью о благости Божией можем озарить омраченных умом, сладким чувством веры влить отраду в сердца безотрадные, могущественной силой упования подъять к надежде упадших духом. А это, составляя истинное дело благодатного утешения для благотворимых, составляет и истинное услаждение для благодеющих. Что может быть сладостнее для сердца нашего, как дела благотворения? Оказывая благотворение бедным, утешение печальным, облегчение страждущим, во-первых, мы подражаем милосердию Отца небесного, Который солнце Свое сияет на добрых и злых, изливает дождь на праведных и неправедных (Мф. 5:45); во-вторых, сим средством всего лучше очищаем наши греховные слабости и сердечные нечистоты пред Богом. *Дадите, говорит Спаситель, милостыню от сущих вам, подайте милостыню, по достатку вашему, и се вся чиста вам будут* (Лук. 11:41), и вы ощутите в сердце отраду от тяготящих совесть вашу грехов, потому что дающему дается, прощающему прощается, и милующему является милость. А притом сколько получим побуждений к благодарению Богу, к кротости пред ближними, к благодушному терпению собственных нужд, когда представим бесчисленное множество бед и бедствующих, нужд и нуждающихся, страданий и страждущих, между тем как мы сами, по благости Божией, быв

избавлены и даже не причастны таковым страданий, обретаемся в мире, живем в довольстве?

Радующиеся о Благодатной благодатной радостью! Известно, что день Благовещения благодатной Деве о неизглаголанной радости воплощения от нее Спасителя мира, и вкупе день благовещения всем земнородным о начале общего спасения, толико радостный день посвящен нами действию благотворения бедным и сирым рода нашего, болезненным и престарелым служителям алтаря, их вдовам и сиротам. Сообразно переменчивой нашей жизни долженствуя, по слышанному наставлению, быть готовыми к встрече скорбей, для сего добровольно приучать себя к скорбям, и благодушно переносить посылаемые на нас свыше скорби, будем самым делом разделять и скорби близких наших, чающих от нас утешения и помощи; озnamенуем благодатный день Благовещения о начале нашего спасения от вечных страданий посильным участием в явлении благотворения бедным и престарелым служителям алтаря, вдовам и сиротам служивших некогда в священном чине и молившихся Господу о спасении братии своей, и радостный день Благовещения, по благодати Спасителя и предстательству благословенной Матери Его, уготовит нам светлый день чистой, святой, невозмущаемой радости Христова воскресения. Аминь.

23. Слово 3. Что нужно, чтобы благодушно встречать скорби?

Дух святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит Тя (Лук. 1:35).

Так ответствовал Архангел на недоумение пресвятой Девы о возможности для нее быть Материю Сына, Который есть Сын Вышнего, и при девственном обете, по которому она навсегда посвятила себя чистотой Богу: како будет сие идеже мужа не знаю? Дух святой найдет на Тя и сила Вышнего осенит Тя; Благодатная! как бы так вещал Архангел, эта самая девственность и делает возможным, по благоволению небесного Отца, рождение от Тебя Божественного Сына. Плотские дети рождаются от плоти, но Сын небесного Отца, Который имеет родиться от Тебя, прежде век неизглаголанно рожденный от Отца, рождается в Тебе силою и действием Святого Духа. Сыну Божию, Который вочеловечением рождается для искупления рождающихся в греховном растлении, невозможно иначе и родиться, как от Девы. Дева, чистая Дева, как умная лестница для снисшествия Сына Божия с небеси, как благодатная дверь для вшествия Его в мир во спасение мира, может быть только достойной материю Его. Преестественным воплощением благоизволяя вселиться в Тебя, как в пречистый храм Свой, Он еще паче освятит, возвеличит Тебя. Освященная Духом Святым и приосененная силой Вышнего, Ты нескованно родишь преестественного Сына, и по рождении пребудешь безневестной Девой. И так девственность Твоя, Непорочная, – этот небесный дар, это Ангельское достояние, соделывает возможным бессемянное воплощение в Тебе Сына Божия от Духа Святого. Дух Святой найдет на Тя, и сила Вышнего осенит Тя.

Христиане, рожденные благодатно от воды и Духа, дабы вообразиться во Христа и быть един дух с Господом! Девственность пресвятой Девы, при ее безпределной преданности Богу, соделала ее Материю Бога Слова. Преимущество единственное, также как и непорочность

Пресвятой есть беспримерная. По христианскому званию нашему, все мы чада Божии во Христе Иисусе и предназначены быть святыми и непорочными, как Он свят (1Петр. 1:16) и непорочен есть (1Ин. 3:3), Призвавший нас из тьмы в чудный Свой свет. Посему чистота и непорочность есть необходимая для нас потребность, чтобы нам быть чадами благодати и славы во Христе Иисусе.

В честь пресвятой Девы, общей Матери христиан, явившей нам, чадам своим, пример девственной чистоты, поучимся соблюдению возможной по нашему состоянию чистоты, чтобы нам быть достойными благодатного звания и избрания нашего.

Часть 1. Общее свойство христианской чистоты

Воля Божия о нас во Христе Иисусе есть святость наша, дабы мы старались каждый содержать сосуд свой в святости и чести (1Сол. 4:4). Во Христе Иисусе мы призваны к толикой чистоте и святости, что в таинственной купели крещения, но слову Апостола, все обручены духовно единому мужу, единому Жениху, Господу нашему Иисусу Христу, Которому и должны представить себя девою чистою (2Кор. 11:2).

Это общее и для всех нас необходимое обручение есть в высочайшем степени духовная чистота и требует от нас такого целомудренного расположения духа, по которому мы, горя беспредельной любовью к Божественному Жениху душ наших, – Христу, Ему единому должны приносить все существо наше, – душу, тело и всю жизнь нашу в жертву живую, святую, угодную и совершенную. Посему общему обручению Христу, все мы, христиане, и девы и девственники, и посягавшие и оженившиеся и обязавшиеся житейскими узами и свободные от оных, не связывая себя никакими житейскими пристрастиями, должны совершенно принадлежать единому Христу, с той токмо разностью, что посвятившие себя девству обетом, и по телу и по духу должны единственно принадлежать единому Господу, а сущие в сожитии должны, как вступать в священный союз не по страсти, а о Господе, так и употреблять права святого союза свято, и не творить плоти угодья в похоти. Для христианина неизменным правилом всех поступков и действий должно быть сие правило, чтобы ничего не делать по страсти. Иначе и то, что само по себе безгрешно и позволено, становится грехом и преступлением, когда творится в угоджение плоти в похоти. Не роскошный только нарушает пределы умеренности, но и кто самыми обыкновенными яствами пресыщается до обременения. Посему от всех нас, христиане, в своей мере и своим образом требуется непременная чистота и непорочность пред Богом: ибо всем и каждому из нас заповедано не походить на чуждые лица с похотением (Мф. 5:28), всем без исключения повелено распинать плоть со

страстями и похотями (Гал. 24), и имеющим жен быть, как не имеющим (1Кор. 7:29). А потому истинная чистота, и действенная, и супружеская, различствуя степенями, – одна, как большая, высшая, духовнейшая, – другая, меньшая, низшая, степень чистоты, в существе своем приводятся к единству. поскольку все верные, и живущие в девстве, и живущие в супружестве, при одинаковом благодатном избрании, должны стремиться быть един дух с Господом; и как тела христиан суть члены тела Христова и храмы живущего в них Духа святого; то все должны прославлять Бога в душах и телесах своих возможной чистотой и непорочностью (1Кор. 6:17. 19, 20). Следовательно, и чистый телом, но растленный душой, не есть еще девственник. А и живущий свято в благословенном супружестве не будет исключен из блаженного лика чистых и непорочных в пути Господнем, если только силой христианского самоотвержения предохранит себя от плотоугодия.

Часть 2. Средства к соблюдению чистоты

Посему всем нам, христиане, без различия состояний и званий, предстоит подвиг чистоты и непорочности, – подвиг не легкий, в котором, как говорит один церковный учитель, война непрерывная, а победа редкая. Ибо чистота и целомудрие есть самый тонкий – духовный цвет, который всего более подвержен опасности повреждения изнутри от страстной плоти, извне от непрестанного влияния чувственных прелестей, а особенно от льстивых искушений духа нечистого, которому всего противнее то, когда видит, что люди, облеченные удобоползвенной плотью, крепко сражаются с страстями, отжения от себя похоти, умерщвляют пожелания. Отселе всеми мерами силится разжигать стрелы свои изнутри огнем пожеланий, отвне; призраками обольщений. Но чем больше отовсюду предстоит опасностей для благодатной чистоты нашей, тем с, большим тщанием должны мы блюсти и внутреннюю и внешнюю чистоту нашу: должны блюсти чистоту внутреннюю: все нечистые помыслы и воображения, все плотские желания и воспоминания, все сластолюбивые побуждения и стремления непрестанно обуздывать, укрощать, удалять. Должны блюсти чистоту внешнюю: – в такой благоустроенности содергать тело и все внешние чувства, чтобы не позволять себе ни в словах, ни во взорах никакого нецеломудренного движения и мановения, которыми бы и сами мы могли располагаться и других располагать к чувственным влечениям и разжениям.

И так, любители христианской чистоты и непорочности, особенно вы, которые, по вашим летам и состоянию, поставляетесь в сильнейшую борьбу с нападениями духа льстивого, оградив себя помощью Божией и сподорством Святых Божиих, будем с благой решимостью каждый день в духовном всеоружии исходить на подвиг защищения чистоты своей. Ведая свое состояние, зная опасности и преткновения, особенно же слабую сторону, где всего легче можем поползнуться от запинателя, будем благовременно уготовлять себя против опасностей видимых, уклоняться от искушений

тайных, разумевать коварные умыщения, мужественно отражать внезапные нападения. Охраняя чистоту внутреннюю, будем низлагать льстивое парение помыслов живым представлением зловредности оных, а всегдашней собранностью, трезвением, неутомимым трудолюбием, при котором бы не оставалось у нас времени для вредной праздности, делать оные вовсе бездейственными. Оберегая чистоту внешнюю, будем предотвращать тонкие прикосновения льсти внимательным блюдением внешних чувств, – очес от рассеянного взирания, – слуха от бесед праздных, языка от речей суэтных; открытые приражения будем отражать собранностью внешнего поведения и строгой недоступностью чувств; а в случае опасности немедленно удаляться в безопасное убежище и сердца и места, и там в молитвенном расположении духа укрываться под сенью креста и язв распятого Спасителя, и молить Его, дабы Он, оградив нас от искушений, повелел всемогущим словом Своим умолкнуть в нас и внутреннему волнению.

Нам не довольно очистить себя от тяжкой, открытой нечистоты; нечего и льстить себя подверженным грубой плотяности (1Кор. 6:9,10): плоть и кровь царствия Божия наследити не могут (15, 50). Надобно привести себя в состояние бесстрастия, чтобы ни в чем не поступать по рвению и тщеславию (Фил. 2:2), не творит плоти угодия в похоти (Рим. 13:14), отрещись тайных срама, не ходить в лукавстве (2Кор. 6:2), поступать по чувству долга, добра, правоты, подвизаться непорочно совесть иметь всегда перед Богом и человеками (Деян. 24:16), и имея единого Бога и началом, и побуждением, и концом всех наших действий, всегда все и делать, и говорить от чистоты, яко от Бога, перед Богом, во Христе (2Кор. 2:17).

Часть 3. Плоды неослабного блюдения чистоты

Не вдруг мы перейдем из мрака естественной нечистоты и растления во свет благодатной чистоты и целомудрия. Много и долго надо бороться и бодрствовать, алкать и жаждать, изнемогать и бедствовать; надо смириТЬ, поработить, умертвить постом и воздержанием самое тело, дабы распять плоть со страстями и похотями, и все существо преобразовать для нетления. Но когда непрестанным умерщвлением и внешних и внутренних чувств будем постоянно подвизаться о соблюдении и внутренней и внешней чистоты: тогда, по действию благодати Божией, произойдет спасительная перемена в существе нашем: просветятся наши мысли, очистятся расположения; ум различными борениями возвысится над страстями, дух беспрепятственно будет стремиться к Богомыслию, внутренние чувства разверзнутся для мысленного видения небесной доброты и всесущество наше исполнится миром и радостью, каковое непрестанно будет источать для нас чистота сердечная. При постепенном преобразовании духа в боголепный образ чистоты и святости, вместе; с оною и самое тело через потребление в оном всего плотского и чувственного, постепенно будет преобразовываться во образ бессмертия, и чистотой, как животворной силой, приуготовляться к состоянию тела духовного. И если при неослабных подвигах очищения пребудем до смерти верными Господу; то смерть для нас будет токмо отложением тленного. Дух, совлекшись тления, возвратится к Богу, Который Дал его (Еккл. 12:7), а тело, осемененное начатками нетления, возвратится в землю, дабы некогда творческой силой переродиться в тело духовное, и из тела уничиженного мгновенно преобразится в тело славное.

Коль же высокое состояние блаженства на небеси ожидает девственников и всех в непорочности тесным путем шествующих за Христом, о сем поведает нам в своем откровении девственник и друг Христов Иоанн Богослов: слышах, говорит он, глас с небесе, яко глас вод многих и яко глас грома велика: и глас слышах чудец чудущих в гусли своя и

поющих яко песнь нову пред престолом и пред четыре животными и старцы и никто же можаше навыкнути песни, токмо сии (Апок. 14:2,3,4). Кто же сии неподражаемые певцы? Сии суть девственницы, известует Тайнозритель, те, которые очистили ризы свои в крови Агнчей, и, убедившись, в чистоте и непорочности последовали пречистому Агнцу-Христу.

Христиане, – уневещенные Жениху Христу! Да восхитить нас блаженное состояние девственности и чистоты! Будем взирать на путь истленного течения девственников, взирать и на Христоподобный пример Божественной Чиноначальницы дев, Пренепорочной Девы, ублажаемой ныне в всерадостном благовещении Ее о преестественном девственном зачатии ей Сына Божия. Она, от пелен посвященная Богу, трехлетней введена во Святое Святых; была Девой в юности, ибо не ведала мужа ни мыслию, ни желанием; была Девой в зачатии, ибо зачала от Духа Святого; была Девой по рождестве, ибо родившийся из нее Сын Вышнего не вредил ключей девства в рождестве Своем; была Девой во всей жизни своей, ибо была совершенной подражательницей Божественной чистоты Сына своего, Коему сраспиналась не только тогда, когда стояла при кресте Его, но, исполненная любовью к Нему, всегда носила в сердце своем оружие крестных скорбей, и, оными непрестанно возвышаясь к Богоподобной чистоте, возвысилась превыше чистоты Ангельской. Посему, по блаженном успении, как пренепорочная душа ее руками Божественного Сына ее вознесена была в небесную славу: так и Богоприемное тело ее, как непричастное никакому греховному тлению, не могло быть держимо от тления, но по трехдневном пребывании во гробе, воскресло силой тридневно Воскресшего и со славой взято на небо.

Потщимся и мы из всей жизни своей слагать песнь чистоты и непорочности Божественному Жениху душ наших, – Христу, и всевозможным очищением духа, души и тела соделаться достойными того, чтобы некогда в царстве славы обрестись, если не в Богосветлом лице оных неподражаемых певцов, то обрестись достойными слышать и способными понимать сладостный глас небесного пения их.

Пренепорочная Дево, приснодевственная Мати живота! Мы чувствуем для себя необходимость чистоты пред Божественным Сыном Твоим. В стремлении духа, желали бы, совлекшись тленного, облещися в одежду, убеленную для нас заслугами Искупителя нашего; но, отягчаемые бренным телом, низлагаемся плотскими похотениями. Низведи, непреложное в представительствах упование, низведи на нас неусыпными Твоими молитвами силу Сына Твоего, да, ограждаемые Ей, будем тщиться очищать сосуд свой от приражения плотских скверн. А в день страшного откровения, когда вся тайная тьмы приведены будут во свете, да покроет наши нечистоты пресветлая одежда бесконечных заслуг Божественного Сына Твоего, и по Твоему представительству, да сподобимся вкупе с Тобой стать одесную Царя Господа и вместе с мудрыми девами в радости быть введенными во храм Царев. Аминь.

24. Слово 4. О чистоте, как общем христианском свойстве

Учителю! хощева, да, еже аще просива, сотворити нама. (Мк. 10:35).

Не сообразно с истинным благочестием предварять человеку своим хотением волю Божию, к которой он должен благовейно обращаться даже и в начинаниях добра (Кол. 3:17). Впрочем, как поставленный Творцом в руке собственного Своего произволения (Сир. 15:14), одаренный разумом и свободой, человек волен желать и искать всего, что не противно воле Божией. Посему и Божественный Учитель в ныне чтенном Евангелии на простое желание учеников Своих, Иакова и Иоанна: Учителю хощева, да, еже аще просива, сотворити нама, соответствует готовностью исполнения: что хощета, да сотворю вама.

Поелику же желание учеников оказалось не сообразно и с Божественным домостроительством спасения не совместно: то Спаситель, после благоволительного выслушания желания учеников, по обнаружении ими самолюбивого прошения, с упреком отринул оное: не веста, чесо просита.

И мы можем изливать пред Господом желания наши. Он готов исполнить оныя. И чего не сделает для нас Небесный Отец, несравненно более пекущийся о нас, нежели мать о исчадии чрева своего, если только желания наши и началом, и концом своим имеют святую волю Его? Но не предваряем ли мы и в предметах желаний и в образе исполнения оных превратной волей нашей святую волю Божию? По примеру впадших единожды в человеческую слабость, учеников Христовых, не говорим ли мы в различных обстоятельствах жизни своевольными намерениями и начинаниями: хощем, или, как обличает Апостол Иаков самонадеянность нашу: пойдем, сотворим, вместо того, чтобы со смиренной преданностью сердца говорить: если Господу угодно будет, и Он благопоспешит: то предприимем и сделаем предприемлемое? (Иак. 4:13, 15). Посему не каждое ли своевольное желание и

предприятие наше встречается с сим праведным упреком: не весте, чего хощете, и что предприемлете?

Дабы наше своеволие, долготерпением Божиим попущаемое, не обратилось нам и во временную, а паче в вечную пагубу, поучимся первойшей обязанности нашей, совершенно покорять волю свою воле Божией, как возможным исполнением закона Божия, так и преданностью воле Божией в путях жизни нашей.

Часть 1. О покорении воли нашей воле Божией исполнением закона Божия

Странно, кажется, и подумать, чтобы тварь, способная понимать совершенную зависимость от Творца, не являла оной в действии, чтобы раб, чувствующий безусловную необходимость повиновения, не благоговел перед волей всевластного Господа своего. Но таков человек в отношении к Богу! Тот же человек, в порядке подчиненности подобным ему, тщится показывать готовность повиновения даже с предупреждением воли повелевающего; а в порядке безусловной зависимости от Господа забывает о покорности. Страх и награды временной жизни действуют на побуждение воли нашей; а страх невозвратной погибели от противления воле Божией и бесконечная награда за повиновение оной мало действуют на превратную волю нашу. Столько-то мы неправо поступаем, при рассматривании служения нашего для человеков и служения для Бога! Но ежели очи рабов устремлены на руки господ: то не должны ли очи, сердце и все существо наше быть устремлены к воле Господа господствующих? Всегдашнее благоугождение Ему есть непрекращаемая наша обязанность, сопряженная с чувствованием нашего бытия, нашего блаженства, нашего звания, как христиан.

Если мы внимательно рассмотрим бытие наше, то в нем от движения до мысли, от хотения до действия, от черна власа до бела, все есть дар Зиждителя, и потому с чувством любви и благодарности должно быть приносимо Ему же в дар. И для того ли безпределной благостью изведены мы из ничтожества и поставлены среди видимого творения, чтобы, при дарованной свободе, своевольно жить для себя, а не для благоугождения Господу? Что бы с нами было, если бы Господь, неисповедимый в благости, равно и в судах правды Своей, за своевольное противление величию Его, поражал нас жезлом правды Своей? Но Бог есть Отец милосердия и щедрот: наше своеволие Он побеждает долготерпением, наше жестокосердие умягчает

Своей благостью. И мы не рабы, блюдомые под строгим приставничеством закона, но чада благодатной свободы, в сердца коих чрез Единородного Сына вполне излита любовь Отца, ниспослан Дух сыноположения. Сею-то любовью и духом сыноположения Отец Небесный влечет нас к совершенному повиновению Ему. Та же любовь, тот же дух сыноположения, которым мы с дерзновением вопием к Отцу Небесному: Авва! должны и нас одушевлять к совершенному исполнению воли Его.

И что есть воля Отца Небесного в отношении к существенному благу нашему? Есть непреложный закон духовного бытия нашего, основание разумно-свободной деятельности нашей. Всеблагий, при вдохновении жизни (Быт. 2:7), как высшее свойство Божественного образа Своего, впечатлил в нас свободу, и с ней стремление к совершенству, поставив целью Самого Себя, как высочайшее совершенство: по сему тогда мы и блаженны, когда воля наша бывает соединена с волей Божией, составляющей источник нашего блаженства. Злоупотреблением свободы удалившись от Бога, мы не иначе можем достигнуть в состояние первоначального блаженного единения с Богом, как чрез покорение воли своей воле Отца Небесного.

Что же есть греховная воля наша? Есть вместилище суетных желаний, нечистых похотей, порождающих множество забот и попечений, при самой благовидности всегда обращающих нас кисканию чувственных благ. Уклонившись от святой и совершенной воли Божией, воля наша, обладаемая господствующими в мире страстями, похотью плоти, похотью очес и гордости житейской, увлекается всяким ветром льщения и суеты. И вот источник наших бедствий! Откуда браны и свары в вас? спрашивает св. Апостол Иаков, и ответствует: не отсюда ли, от страстей ваших, воюющих во удах ваших? (4, 1). Действительно мы, по превратной воле своей, желаем, ищем, домогаемся, и ничего твердого не приобретаем: поскольку не у Бога просим, не по воле Его взыскуем, по самоволию начертываем пути жизни и распоряжаемся своей участию.

Последуя своей превратной воле, можем ли мы приблизиться к цели небесного звания нашего?

Небесное звание наше, для достижения которого мы должны шествовать за Спасителем нашим, и от Него, как главы своей, воспринимать хотение и действие, непременно требует от нас, чтобы мы возненавидели не только плотские склонности и порочные расположения, это стяжение и сродство (Лук. 14:26) растленной природы, но самую душу свою, самую жизнь, омрачаемую тонким самолюбием, не только в чести и обилии, но и в унижении и скудости, не только в делах житейских, но и на пути благоугождения Богу; изгнали из сердца все стремления, не одушевляемые любовью к Богу и ближним. В христианине воля Божия, как внутренняя сила, должна возбуждать сердце, располагать мысли, направлять стремления, всем его начинаниям предходить и последовать, кратко: быть его волей так, чтобы Сын благодати, забыв Себя, оставил Свою волю, весь и во всем зависел от воли Отца Небесного. Этого требует высочайшая любовь к Богу, которая должна быть правилом всех действий наших, чтобы любить Господа Бога от всего сердца нашего, от всяя души, всею крепостью и всем помышлением нашит (Мк. 22:57). Посему надлежит вам исполнять волю Божию, по чистому расположению благоугождать Богу. Без сего внешнее исполнение заповедей есть не что иное, как действие лицемерия. Творили дела закона и фарисеи: и однако ж были похожи на поваленные гробы. Смиренным сознанием своего растления надлежит обуздывать своеволие, непрестанным испытанием сердца в самом основании низлагать греховное самолюбие. Для сего молитва об испрошении благословения Божия должна начинать, любовь к славе Божией продолжать, желание благоугождать воле Божией оканчивать каждое дело наше.

Часть 2. О предании воли нашей в волю Божию на пути жизни

Отринув своеволие, будем в совершенной покорности воле Отца Небесного принимать и все случающееся на путях жизни от руки Божией. И можно ли иначе располагать собой при попечительности о нас Божией, по которой у Небесного Промыслителя не только стези жизни, но и власы главы нашей изочтены суть (Мф. 10:30)? Мы должны быть в деснице Божией, как брение в руке художника, дабы единственно Святая воля Божия производила в нас и хотение и действие. Неослабно действуя в исполнении обязанностей наших, мы не должны простираять заботливого взора об обеспечении отдаленной участи своей и суетной многопопечительностью устранять себя от премудрого управления Ведущего по совету воли Своей устроить истинное благо наше. Весть Отец Небесный, чего мы требуем (Мф. 6:8) и дает с верой просящим у Него. Наше дело все завтрашнее (Мф. 6:34), все отдаленное предавать воле Божией. С жезлом непоколебимого упования мы бестрепетно пойдем и посреди сени смертной. В ударах злополучий с благодушием обретем или врачество греховных недугов наших, или познаем благую десницу, предохраняющую нас от грехов болезненным прикосновением. В счастье будем зреть дары Благодеющего нам, и приносить сердце в дар Благодетелю. Во всех случаях прилепляться Господу: вот что да будет единственным благом нашим. Таковы были все чада Отца Небесного, жившие в преданности воле Его. Они радовались в страданиях, находили удовольствие в теснотах, ничего не имея, все содержали (2Кор. 6:10); для них было еже жити Христос, а еже умрети приобретение (Фил. 1:21). Не побуждаемся ли мы к преданию себя в волю Отца небесного, когда ежедневно молимся Ему: да будет воля Твоя, яко на небеси, тако и на земли?

Как чадам свободы, благодатью Христовою избегшим похотные тли (Петр. 2, 3), нам ничего не достает к тому, чтобы тещи путем благоугождения Господу. В извинение греховной

слабости мы не можем ссылааться на духовную немощь, а должны оплакивать безответную нашу беспечность, что, ведая неминуемую гибель своеволия и живот в исполнении воли Божией (Пс. 29:6), любим зло и уклоняемся от добра. При нашей естественной немощи к добру, все, однако же нам даровано потребное к жизни и благочестию, чрез познание Призвавшего нас благостью (2Пет. 1:3) из греховной тьмы в свет благоугождения Ему. А для подкрепления нашего на пути совершенного благоугождения Отцу небесному предшествует нам примером Своим Божественный Подвигоположник спасения нашего. Что была вся жизнь Его, как не одно повиновение и преданность воле Отца небесного, коими заглаждая наше неповиновение, являл нам образ совершеннейшей преданности воле Отца Своего? От яслей Вифлеемских до Гефсимании, от Гефсимании до Голгофы, от Голгофы до гроба – единое Его было хотение: не яко же Аз хощу, но яко же Ты, Отче (Мф. 26:39). И вот ныне чтенное Евангелие представляет Его восходящим в Иерусалим, чтобы из одной безпределной преданности воле Отца Своего быть предану и осуждену на смерть, поругану, и поносно умерщвлену для спасения нашего. Последуем хотя издалека в след за Подвигоположником нашим отвержением воли своей; имеемся, придержемся преданностью воле Отца Небесного, хотя края креста Спасителя нашего; соединимся вкупе с Божественным Страдальцем на кресте твердым хотением исполнять волю небесного Отца; умрем со Христом своеволию нашему, да со Христом и воскреснем в новую жизнь благоугождения Святой воде Отца небесного. Аминь.

25. С какими чувствами должны мы оканчивать св. четыредесятницу?

Душеполезную совершивше Четыредесятницу и святую седмицу страсти Твоея просим видети, Человеколюбче: еже прославити в ней величия Твоя, и неизреченное нас ради смотрение Твое.

(В пят. вечер. нед. вайи ст. 1).

Что чувствует путешественник, который, идучи в страну отечественную, совершил долгий и трудный путь, проплыл великую, непрестанно волнующуюся пучину, прошел обширную, безводную пустыню, что чувствует такой путешественник, стоя на пределе родной земли, входя в пристанище благотишное, достигая мирного крова успокоения? Без сомнения чувствует радость, веселье: понесенные им тяжкие труды веселят его, подъятые великие опасности радуют, претерпенные нужды утешают.

Таким ли чувством исполняемся мы, совершивши великое поприще поста, переплыvши великую воздержания пучину? Без сомнения те из нас радуются духом, которые совершили поприще поста, как неослабные постники, переплыли пучину воздержания, как бодренные воздержники, прошли сухую, безводную пустыню умерщвлений своих страстей, как мужественные подвижники. Труды, подъятые для обуздания страстей, приятны; борьба, употребленная для утешения треволнения похотей, утешительна; болезни, понесенные для умерщвлений ветхого человека, и для оживления нового в правде и святости, уладительны. Они сами по себе, по тайному благодатному действию награждают подвижников внутренней радостью, которую изрекает Дух Святой в их чистой совести, в их правом сердце.

Но много ли между нами подвижников воздержания, которые так текли, что обуздывали постом тело, очищали бодрствованием душу, возносили молитвой к Подвигоположнику ум и сердце, и от Него принимали просвещение и укрепление? Не более ли таких слабых и небрежных, которые покоились,

когда надлежит трудиться, предавались наслаждениям, когда следовало изнурять себя духовно, позволяли себе внешние утешения, когда нужно было работать Господу распинанием плоти?

Нечего и говорить о тех, которые и в св. дни поста не отказывали себе ни в чем приятном для чувств своих. Для тех, которые не текли поприщем воздержания, не обуздывали страстей своих, для тех не было и св. Четыредесятницы; они и сами должны в скорбном чувстве сознаться, что опустили это святое время по нерадению.

Не горько ли, не болезненно ли тем из нас, которые, при вступлении в поприще Четыредесятницы, созная в себе обдергивающие различные слабости, и обуревающие житейские пристрастия, располагались в мыслях своих тещи посильно путем воздержания, и при руководстве св. Церкви, для исправления своих греховных привычек, полагали твердое намерение испытать себя в посте и молитве, в обуздании внешних и внутренних чувств, наконец в чистом покаянии и исповедании грехов своих приблизиться всей душой и всем сердцем к Богу? И что же? вместо всего сего мы провели святую Четыредесятницу, как обыкновенное время: не постились внешне, не воздержались внутренно, не скорбели с мытарем, не каялись с блудным сыном в тяжких – тайных и явных грехах и прегрешениях наших; потому и не ощущаем ни в теле нашем мира, ни в душе чистоты, ни в уме Богомыслия, ни в воле стремления к угодению Богу, не чувствуем в себе и радости спасения. Видим себя такими же, по окончании Четыредесятницы, какими и вступили в оную, видим столько же слабыми в сердце, рассеянными в мыслях, и совершенно ничего не находим обновленного благодатью в душе нашей. Можно ли же нам не сетовать на себя, не осуждать своей слабости, не оплакивать греховной беспечности? Мы поставлены были на пути очищения и ни мало не позабочились о своем очищении; обретались в духовной врачебнице, и ничего из множества болезней не уврачевали; введены были в святилище для угодования Богу во спасение души, и ничего богоугодного не сделали; погрязаем в нечистотах: когда

очистимся? Вовсе оставили тесный путь к царству небесному: когда взыщем оный? Отовсюду обяты душевными болезнями: когда станем врачевать оные? как это легко было делать во время благотишное, при попечительном руководстве святой Церкви, и как все это несравненно труднее в другое время, когда отовсюду различные предметы влекут нас к невольной рассеянности, привязывают к суетам, погружают в молву житейских попечений.

При скорбном чувстве утраченного благоприятного времени для душевного врачевания, что надлежит делать тем из нас, которые живо понимаем эту важную потерю? Осудим свою неверность собственным своим расположениям, обличим свое легкомыслие в предпочтении ничтожных утешений духовным приобретениям чистоты ума и сердца, для благоугождения Богу; восскорбим о своем небрежении в опущении св. времени для духовного нашего исправления; и с этою сердечной скорбью вступим в окончательную стадию св. Четыредесятницы, в страстную седмицу. В заключительной песни о совершении душеполезной Четыредесятницы, св. Церковь просит Господа Иисуса о том, чтобы Он сподобил нас видеть святую седмицу стради Его, дабы прославить в ней величия Его и неизреченное о нас смотрение.

Итак, остается еще нам для восполнения бесплоднопроведенной св. четыредесятницы, остается еще одно важное поприще седмицы страстей Христовых. Если мы соберемся в наших мыслях, сосредоточимся в чувстве, будем иметь очи видеть, уши слышать и сердце разуметь: то и в одну великую седмицу страстей Господних много трогательного увидим, много поучительного услышим, много умилительного к нашему исправлению впечатлеем в наше сердце. Что трогательнее для христианского чувства последних дней земной жизни Спасителя нашего? Эти дни Божественного приготовления Его к искупительным страданиям за нас суть дни самые благоприятные для нашего очищения и исправления. Что поучительнее последних бесед Его в храме иерусалимском и вообще всех священных Евангелий, благочестно прочитываемых в церкви в сии священные дни, дабы напитать,

напоить, преисполнить нас в сии Христоподражательные дни духом Христовым, и всеми мерами возбудить сподвигаться Христу? Что умилительные для самых хладных и одебелевших рассеянностью сердец, как не последняя вечеря любви, и величайшие подъятые, Спасителем нас ради, страдания?

Поспешим собраться умилением в мыслях наших; потщимся в богомыслии ума, в благоговении сердца, в сокрушении чувств провести великую седмицу страстей Христовых, и елико возможно, со Христом всем расположением страдать, со Христом верой и любовью пригвоздиться ко кресту; со Христом всем упованием заключиться в гроб, и мы по благодати Спасителя нашего окончим великое поприще христианских подвигов; не без уврачевания оставим благодатную врачебницу, не в скверне нераскаянности и беспечности изыдем из очистительного святилища светоносного времени.

Щедролюбив и великодаровит Владыка Христос Господь; ведает вознаградить и позднее, но бодренное, усердное исправление; и в единонадесятый час с готовностью, с горячим расположением приходящих принимает как и приходящих в третий и девятый час. И мы если опустили благовременность третьего и девятого часа для духовного делания, придем хотя в единонадесятый час к Господу нашему, но придем с горячностью, и от человеколюбивого Господа не будем отвергнуты, но примем динарий, внидем с делавшими от раннего утра в радость воскресения Его.

Господи, Спасителю наш! и мы, недостойно проведшие душеполезную Четыредесятницу, молим Тебя, Человеколюбче, даруй нам с душевной пользой совершить святую седмицу страстей Твоих, чтобы увидеть в сердце в духе нашем величия Твоя, и прославить болезненным сердцем, благоговейным чувством и деятельной волей неизреченное Твое о нас смотрение. Аминь.

III. Страстная седмица

Взирающе на Начальника веры и Совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащие Ему радости претерпе крест, осрамот нерадив, – помыслите таковое пострадавшего от грешника на Себе прекословие, да не стужаете, душами своими ослабляеми. Не у до крове стасте, противу греха подвизающеся. (Евр. 12:2–4).

26. Суббота Лазарева. Сказание о воскресении Лазаря

Гласом великим воззва (Иисус): Лазаре, гряди вон. И изыде умерый. (Ин. 2:43,44).

Воскресение Лазаря, благочестивому воспоминанию которого посвящен настоящий день, со всей подробностью описанное Евангелистом Иоанном, есть величайшее чудо всемогущества Спасителя. Христос, Сын Божий, Искупитель и Спаситель мира, заключая, так сказать, этим чудом знаменательнейшие чудеса Своей земной жизни, во всей полноте показал, что Он, как Владыка жизни и смерти, и до живоносного Своего воскресения имел во власти Своей ключи ада и смерти (Апок. 1:18). Почему всенощным гласом Своим и возвзвал из области смерти уже четыре дни тлевшего во гробе Лазаря. Отселе и св. Церковь сие чудное происшествие, составляющее залог и предобручение общего всемирного воскресения, почтила особенным празднеством, каковым и есть настоящая суббота, день Лазарева воскресения.

Вместе с тем день сей есть и предпразднственный день торжественного вшествия Христова во Иерусалим, и по самому означеновавшему оный происшествию служит предуготовлением славного вшествия Христова во Иерусалим. Воскрешение Христом Лазаря возвеличило славу Его пред народом, из которого многие были очевидными свидетелями сего чуда; и сия слава, преисполнив народ благовением к Иисусу, уготовила Ему торжественное вшествие во Иерусалим.

В означенование предпразднственного торжества входа Спасителя во Иерусалим, предложим краткое повествование о воскресении Лазаря, предуготовившем торжественное вшествие Христово во Иерусалим.

Друг Христов Лазарь, родом Еврей, по образу учения и жизни фарисей, был из числа тех немногих Израильтян, которые, непрестанно служа Богу день и ночь (Деян. 26:7), в тишине духа, но в пламенном желании сердца ожидали утешы Израилевы (Лук. 2:25). Вифания, место рождения и жительства

Лазаря, была в предместьи Иерусалима в расстоянии пятнадесяти стадий (около трех верст), от чего Христос, часто приходя во Иерусалим, не проходил и Вифании, где имел Он истинных друзей. Подробности жизни Лазаря священными повествователями умолчены. Но нельзя умолчать, нельзя не подивиться, как Лазарь удостоился толь великой чести, что со делался другом Самого Сына Божия, Искупителя и Спасителя мира. Не трудно, по-видимому, было в духе веры и любви сделаться другом Друга всех человеков, другом Того, Который сам искал ищущих Его и предварял приближением приближающихся к Нему. Но здесь, разумеется, не дружество благости, приемлющее мытарей и грешников (Мф. 11:19). Лазарь был в собственном смысле другом Христовым – так, что в Евангелии исключительно Лазарю усвоется название друга Христова. Лазарь друг наш успе (2, 11), так называет Лазаря Сам Спаситель, – называет Своим и общим всех учеников своих другом: Лазарь друг наш успе.

Последуя преданию и отчасти евангельскому сказанию (Мф. 26:6), нет ничего противного думать, что Лазарь был сын Симона прокаженного, того самого, который у Евангелиста Луки (7, 36) называется Симоном фарисеем и который принимал в дом свой для угощения Иисуса. Можно полагать, что этот Симон прокаженный – фарисей был исцелен Иисусом и от проказы телесной (ст. 22) и от проказы душевной, от гордости и самомнения (39) и, сделавшись учеником Иисусовым, частовременно принимал Иисуса в дом свой, слушал Его учение как о других предметах спасения, так особенно о воскресении мертвых. Отчего все семейство Симоново могло расположиться благоговением и любовью ко Иисусу, Божественному Учителю; а по смерти Симона Марфа, старшая дочь из детей его, по примеру отца, могла принимать в дом свой Иисуса (Лук. 10:38), как Сына Божия; за тем и Мария, по примеру кающейся жены, бывшему при отце ее (37), помазала Иисуса миром, а Господь в подтверждение учения Своего о воскресении мертвых, которое преподавал Симону, воскресил Лазаря.

Как бы ни было, но основанием дружества обыкновенно бывает сходство нравов. Тоже сходство нравов соединило друзей, Богочеловека и праведного человека. Началом дружества было то, что Лазарь с своими сестрами, которые подобно ему в вере и благочестии чаяли утехи Израилевы и обрели оную в Господе Иисусе, – благоговея к Нему, как к Сыну Божию и Спасителю мира, часто с своими сестрами принимал Иисуса в дом свой, как Божественного Учителя, и угощал, как небесного Гостя. Сие явствует из повествования Евангелиста Луки, который говорит: вниде Иисус в весь некую, жена же некая именем Марфа прият Его в дом свой. Это Марфа сестра Лазаря. Из самой жалобы, принесенной при сем посещении Спасителю Марфой на Марию в том, что она оставила ее служить в приготовлении угощения для такого вожделенного посетителя, видно, что это не первый был прием сестрами в дом свой Иисуса. Отселе-то Марфа, по любви и преданности к Господу, не усомнилась жаловаться Ему на сестру; а Господь, по той же любви и доверенности к Марфе, сделав ей самое тонкое и вместе выполненное любви вразумление, что она заботится и молвит о многом, одобрил Марию, которая также без сомнения не в первый раз показывала такую ревность и усердие к слушанию учения Христова. И так благочестивое семейство, с благоговением приемля в дом свой небесного Гостя, угощало Его и брашном телесным, паче же угощало любовью духа; – а Божественный Посетитель, воздая им за любовь Божественной любовью, питал их в духе и силе хлебом небесным, глаголами живота вечного. Слушая учение Божественного Учителя, и слушая со всем усердием и расположением, как показывает пример Марии, которая, сидя при ногу Иисусову, слушала учение Его, – они совершенно познали во Христе утеху Израилеву, Мессию, Сына Божия, Богочеловека. Что самое Марфа ясно исповедала при многочисленном собрании Иудеев, присутствовавших при воскресении Лазаря: ей, Господи! аз веровал, яко Ты еси Христос Сын Божий, иже в мир грядый (27). Спаситель, обретши весь дом верным, возлюбил Божественной любовью не только Лазаря, но и сестр его Марфу и Марию; как о том

свидетельствует возлюбленный ученик Христов, любляше же Иисус Марфу и сестру ее и Лазаря (4). Не нужно говорить о том, что они все достойны были любви Его. Сердцеведец знал, каковы были эти верные люди, знал внутреннее расположение их, видел их твердую веру, горячую любовь и преданность к Нему, которые достойны были их, как истинных Израильтян, и не требовал, чтобы кто свидетельствовал Ему о сих верных людях.

Оставляя сладостные подробности Божественного дружества; – коснемся кратко того, как был воскрешен Лазарь Божественным Другом его – Христом. Лазарь сделался тяжко болен; сестры посыпают к Господу с извещением о болезни друга Его. Господи! се, его же любиши, болит. Господь, удаляясь от ненависти книжников и фарисеев, которые уже составили совет против Него и обнародовали определение на последователей Его, что если кто исповест Его Христом, т.е. Мессией, Сыном Божиим, отлучен будет от сонмища (Ин. 9, 22), находился в то время по другую сторону Иордана в расстоянии от Вифании не менее двух дней пути. Получив известие, Он еще два дня промедлил в том же месте, где был, и в сие время друг Его умер. Господь узнает о смерти друга Своего но Божественному всеведению; говорит ученикам: Лазарь, друг наш, успе, и не спешил идти туда, дабы тем открытое в последний раз показать Божественную Свою силу и могущество ожесточенным в неверии фарисеям чрез воскрешение четверодневно умершего, и явить истину небесного Своего посланничества. Возвещая ученикам Своим о смерти Лазаря, Он смерть друга Своего назвал сном; а они, приняв это за естественный сон, приняли и за добрый знак к выздоровлению. Господи! аще успе, спасен будет (12). После сего Он им прямо сказал, что Лазарь, друг наш, умер, и радуюся вас ради, да веруете, яко не бех тамо: но идем к нему (14. 15). И пошел совершить последнее на земли славнейшее чудо, чудо воскрешения четверодневного мертвца, за которым вскоре последовало пребожественное чудо собственного Его тридневного воскресения из мертвых. Когда подходил к месту жительства, плачущие сестры, одна после другой встречая Его,

говорили Ему: Господи! аще бы Ты был зде, не бы брат наш умер (21. 32). Господи! Мы знаем, что во вселенной все послушно, все покорно Тебе. Ты могуществом своим утишаешь ветры, укрощаешь волны морские, восставляешь больных и воскрешаешь мертвых, аще бы Ты был зде, не бы брат наш умер. Но и ныне вемы, яко елика аще просиши от Бога, даст Тебе Бог (22). Спаситель, тронутый слезами и молениями сестр о брате, Сам возмутился духом, прослезился о нем, и имея Божественное намерение воскресить друга Своего, но сокрываю оное, по видимому токмо в чувстве соболезнования говорит к сестрам: где положисте его (54). Пришедши на место погребения Лазаря, прежде совершения чуда, вossылает молитву к Отцу Своему; по молитве обращается к бездыханному, и уже воню тления и разрушения издававшему телу, и могущественным гласом: Лазаре гряди вон, возвав душу из недр преисподней, возвращает в бездыханное тело Лазаря. Услышав глас Сына Божия, умерший, четыре уже дни бывший в недрах земли, исшел из гроба обязан руками и ногата укроем, и лице его убрусом обязано (44).

Народ, пораженный удивлением, воздал славу сотворившему дивное чудо, и тогда же многие из присутствовавших Иудеев уверовали во Христа, яко Сына Божия и Спасителя мира. Напротив того фарисеи, давно искавшие смерти Божественного Праведника, не терпя слышать славы о чудесах Христовых, большей воспылали яростью на Иисуса, и, как нередко в ожесточенных великое добро усиливает только действие зла, то и сие чудо решительно подвигнуло их составить богоубийственный совет на Иисуса, что самое Святой Евангелист замечая, как действие исступленной злобы, говорит: от того же дне совещаша, да убият Его (Ин. 11:53). Но как еще не пришел час смерти Его: то Он удаляется в город Ефрем. И там, как всемирный жертвенный Агнец, Сам вольным хотением уготовлял Себя на заколение для спасения человеческого.

Заключим повествование о чудесном воскресении друга Христова Лазаря утешительной для всех друзей Христовых истиной. Все верные, все друзья Христовы да удостоверятся к

утешению своему, что друзья Христовы, подобно Лазарю, не умрут, но уснут мирным сном; или, если подобно Лазарю умрут, то как сей, так и они, по гласу Божественного Друга своего, в последний день во гласе Архангелове и в трубе Божии оживут. АМИНЬ.

27. Беседа о помазании Иисуса Марией, сестрой Лазаря, на вечери в Вифании

Не дейте, ея: да в день погребения моего соблюдет е (Ин. 12:17).

Все возвещало, что с великим Учителем, Пророком и Царем Израилевым, Христом Иисусом должноствовало последовать необыкновенное и при том страшное происшествие. Чем более возрастила любовь и уважение в народе к Иисусу, тем более ожесточалась зависть и злоба в фарисеях против Иисуса. По воскрешении Спасителем Лазаря, совершившемся при множестве народа, сами фарисеи, признавая важность и великость чуда, встревожены были мыслью, что, если они не предпримут решительных мер против Иисуса, то народ весь уверует в Него, как в обетованного Мессию, от чего, по их мнению, могло произойти общенародное смятение и возмущение против Римлян. Хотя выставляемое начальниками иудейскими народное смятение был только предлог: но они с дня воскресения Лазаря положили: непременно общественным судом предать смерти Иисуса, и потому дали повеление, что как скоро кто узнает, где Он находится, тотчас объявил бы о том, дабы взять Его. Ученики давно видели угрожающую Учителю их опасность, от которой и себя не считали свободными (11, 16). Сам Иисус не ходил в это время между Иудеями открыто, но обращался с учениками в пустынном месте близь города Ефрема. Из сего-то пустынного места Он посетил еще Вифанию и своих друзей, Лазаря и сестр его, без сомнения в навечерии дня торжественного вшествия во Иерусалим, и посетил не просто, но по предварению, отчего и приготовлена была для Него вечеря. Друг всех человеков, а особенно Друг любящих Его, хотел проститься с Своими друзьями неприметно для них самих, и в последние дни пребывания на земли провести несколько часов в мирном кругу любящих Его, дабы они, не зная сами, проводили Его на предлежащий Ему подвиг страдания.

Это провождение составляла вечеря, может быть, не великолепная, но исполненная любви и сердечного наслаждения. Вот как ученик любви описывает нам сию вечерю: прежде шести дней пасхи прииде Иисус в Вифанию, идеже б Лазар умерый, его же воскреси от мертвых. Сотвориша же Ему вечерю ту. Кто сотворил Ему вечерю? Сотворили те, которые любили Иисуса, – как Учителя и Господа своего, и которых любил Иисус, как друзей Своих, сотворили вечерю Лазарь и сестры его Марфа и Мария. Разумели ли друзья Иисусовы, когда в совокупной любви творили учреждение Божественному другу своему, разумели ли, что провождают Его на смертный подвиг? Не довольно разумели, но в любви все так устрали, чего требовало последнее время исхода Иисусова. И посмотрим, как друзья Иисусовы угощают Божественного друга своего. Марфа, по обыкновению своему, занимается приуготовлением и служением при вечере; и Марфа служаше. Лазарь, воскресением своим из мертвых представлявши и для себя, и для других чудо любви к нему Иисусовой, в чувстве новой, беспределной любви и благодарности разделял вечерю с Божественным Другом своим, – Лазар един бы от возлежащих с Ним. Что же Мария? Пламенная в любви к Иисусу Мария, и теперь, как и прежде при угощении же Иисуса, оставив все попечение о угощении сестре, сама седши при ноге Иисусову, слушала слово Его; Мария и теперь являет чудо любви ко Иисусу. Она берет алебастровый сосуд самого чистого, самого драгоценного нардового мира, сокрушает сосуд, возливает миро на ноги Иисусовы, отирает ноги власами своими; и после возлила на ноги целый сосуд: то от множества излиянного мира весь дом исполнился крепким благовонным запахом. Мария же приемши литру мира нарда листика многоценна, помаза нози Иисусовы, и отре власы своими нози Его: храмина же исполнися от вони масти благовонной.

Что же? Как оценили сие действие любви Марииной к Иисусу видевшие? Видевшие даже и не похвалили, а еще похулили за это Марию. И вот от чего. Первый стал ценить сие неоцененное действие человеческого ценою золата и серебра сребролюбивый Иуда: чесо ради миро сие не продано бысть на

трех стех пенязь и дано нищим? К нему по простодушно пристали некоторые ученики: видевше же ученицы его, негодоваша, глаголюще: чесо ради гибел сия мирная бысть (Мф. 26:8)? Можа ше бо сие миро продано быти вяще трех сот пенязь и датися нищим: и прещаху ей (Мк. 14:5), роптали на нее. Что же на сие Тот, Который действие любви, унижаемое ложным нищелюбием Иуды, понимал и принимал в полной любви, Который читал внутренние помыслы смущавших и смущавшихся, притом зрел и отдаленное будущее, что на сие Иисус? Недейте ее, оставьте ее: упрекает Он сокровенно сребролюбца, удерживает от ропота простодушных, успокаивает самую изливающуюся с миром в любви Марию, недейте ее, дело бо добро содела о Мне: нищие бо всегда имате с собою, Мене же не всегда имате. Она это соблюла на день погребения Моего. Спаситель и не говорит о том, какую любовь, какое благовение, какую преданность явила к Нему Мария! Они очевидны были сами по себе, если бы Иуда не помешал видеть их. Он применяет только действие Марии к последующему своему состоянию, что оно служит Его погребальным приготовлением, которое, Мария не ведая, в усердии своем так благовременно устроила Ему: оставьте ее: добро дело содела о Мне: возлиявши бо сия миро сие на тело Мое, на погребение Мя сотвори (Мф. 26:12). За сим уже показывает и то, какого достоинства дело соделала Мария: Амин глаголю вам; идже аще проповедано будет Евангелие сие во всем мире, речется, и еже сотвори сия, в память ее.

Так Иисус благоволительным присутствием Своим с учениками на вечери, приготовленной Лазарем и сестрами его, показал вообще любовь Свою к ним, как друзьям Своим, пред самою кончиною Своею, а особенным свидетельством о пламенном усердии и любви Марии, помазавшей Его на погребение, показал то Божественное благоволение, что Он любящих и прославляющих Его прославляет для славы Божией и для подражания в благочестии и на земли. Аминь.

Неделя Вайй

28. О торжественном вшествии Иисуса Христа во Иерусалим

Радуйся зело дщи Сионя. Се Царь твой грядет тебе кроток

(Зах. 9:9. Мф. 21:5).

Настоящее празднество, неделя вай, восприяло наименование свое от торжественной встречи Спасителя с вайями, зеленеющими древесными ветвями, при вшествии Его во Иерусалим. Святая Церковь, усугубляя для чад Своих торжество славного вшествия Спасителя во Иерусалим, предваряет оное другим торжеством о чудесном воскресении из мертвых Лазаря. Препровождая Спасителя на крестную смерть для совершения общего всех воскресения от духовной смерти, она прежде торжествует воскресение Лазаря, друга Христова, как опытное удостоверение в общем всех воскресении по кончине мира. Эти священнейшие происшествия, исполненные Божественной сладости и утешения, и по времени, и по своему спасительному действию неразрывно между собою связуются. Воскрешение Христом друга Своего возвеличивает славу Его пред народом. А слава воскрешения Лазаря, преисполнив народ, во множестве собравшийся на праздник пасхи во Иерусалим, благовением к Иисусу, уготовила Ему славное сретение и торжественное вшествие во Иерусалим. Сего ради и срете Его народ, замечает Евангелист, яко слышаша Его сие сотворша знамение. *(Ин. 12:18)*. В озnamенование настоящего торжества, после повествования о воскресении Лазаря, предложим повествование о торжественном вшествии Спасителя во Иерусалим.

Шествуя во Иерусалим на конечный подвиг для совершения великого дела искупления, Господь, не доходя до Иерусалима, остановился в Вифании. Здесь на вечери, уготованной любовью и преданностью друзей, сестра Лазарева Мария, движимая благовением и благодарностью к Благодетелю, возливает на главу Его многоценный сосуд с благовонными мастьми. Народ, который в бесчисленном множестве отовсюду шел во

Иерусалим на праздник пасхи, услышав о приходе Иисуса в Вифанию, во множестве поспешил и туда, дабы видеть не только Иисуса, но и Лазаря. А распаляемые завистью фарисеи положили убить и самого Лазаря.

Возлиянием мира на нозе (Ин. 12:3) и главу (Мф. 26:7) от Марии, приуготовленный к живоносному страданию и погребению, в следующий день Христос, Царь Израилев, шествует во Иерусалим прияти царство, но царство не мира сего, а царство духовное, дабы воцариться в душах и сердцах человеческих истину, правдою, миром, святостью. Господь, предприемля это последнее, по особенному Божественному намерению, во исполнение пророчества, совершающее шествие во Иерусалим, куда Он действительно шествовал, как Царь Израилев, воспринять крестом и воскресением царство всемирное, благодатное, и Сам уготовляет средства к царственному своему шествию Он посыпает двух учеников в ближайшую весь, – эта весь Виффагия, привести оттуда для предприемлемого шествия осля и жребя, которые стояли уже готовыми, быв привязаны в известном месте хозяином, (осмотрительно к тому предрасположенным) (Мф. 21). Ученики, по повелению Господа, привели ослицу и жребя, накрыли их одеждами своими и посадили Его на них. И вот ко пророчеству Захарии, шествует Царь Праведный, Царь – Спаситель – в кротости, седя на подъяремнике и жребце юном (Зах. 9:9), или, как яснее говорится у Евангелистов, попеременно возседя на ослице (Мф. 21:5) и на жребяти осли (Ин. 12:15). Ослица означала народ Иудейский, давно уже носивший ярмо закона, а жребя осле означало язычников, которых Спаситель вскоре имел призвать из неверия в веру, из них собрать и основать Свою Церковь, и на них духовно восседать словом веры, правдою Евангелия и водительством Духа Своего, дабы всех приводить во един народ и во едино благодатное царство, в Церковь Свою.

Шествие Христово во Иерусалим при возведении на ослице и жребяти осли, хотя было знамением славы и власти, но славы и власти тихой, кроткой, миролюбивой, как некогда Судии Израилевы, восседя на ослах белых (Суд. 5), проходили по всей

земли обетованной, дабы правдой и истиной судить и умиротворять народ Божий. Посему и знаменательное шествие Спасителя было образом того, что сей Царь душ и сердец шел не удивить наружною славою, не изумить блеском внешнего величия, шел не грозно на конях и колесницах, чтобы удаляли и разгоняли от пути шествия Его народы. Нет! Он шел так, чтобы все могли приближаться к Нему, дабы и Ему Самому к каждому из приближающихся, приблизиться, приблизиться внутренно, прискренно благодатной силою Свою, приблизиться и воцариться в сердце каждого действием Своего Божественного искупления и приобретенной искуплением правды и освящения. Вот почему как радостнейшая, утешительнейшая весть и возвещается дщери Сионовой, возвещается во первых Церкви вообще, потом в частности всякой душе грехами озлобленной и ради неправд своих скорбящей: *не бойся дщи Сиона: се Царь твой грядет седя на жребяти осли* (Иоан 12, 15), возвещается потому, что Христос, Царь Израилев грядет в кротости и правде, грядет миловать и спасать.

Соответственная учинена была и встреча кроткому Царю. Учинена была встреча и торжественная, а паче искренняя, сердечная, исполненная любви и усердия. Ученики, возложив одежды свои на ослицу и жребя, попеременно посаждали Его на них, а множество народа постилали ризы своя по пути, другие резали с дерев ветви и постилали по пути, все же предшествовавшие и следовавшие за Ним единогласно взвывали: *осанна сыну Давидову, благословен грядый во имя Господне: осанна в вышних* (Мф. 21:7–9). Торжественною встречею народ выражал общее чувство любви к Иисусу, Божественному Учителю и Пророку, к небесному Благотворителю, соделавшему между ними толико дивных, великих, благодетельных чудес. Постилая одежды, они с одеждами постилали сердца свои, в знамение преданности своей. Сретая Его с вайями, с зеленоющими ветвями деревьев, этою честью, которая обыкновенно была воздаваема победителям, невольно выражали то высокое чувство, что, действуя такою силою, каковую доселе являл в них Иисус, хотя это не сила оружия и меча, но сила кротости, правды и

благости, Он победит врагов Своих и спасет народ Свой. А потому все единогласно восклицали: осанна сыну Давидову, осанна кроткому, благословенному Сыну кроткого, благочестивого праотца, восклицали гласом, выражавшим приветствие торжества, мира, спасения и всех благ. Только суемудрые и высокомерные фарисеи не принимали участия в общей радости. Не теряя, слышат хвалений шествующему во имя Господне, они в негодовании готовы были воспретить хвалебные восклицания в честь Господа даже невинным детям; но дети движимы были к хвалению Господа не просто детским чувством, но общему гласу воскликновений, а силою Духа Святого, во исполнение гласа пророческого: *из уст младенец и сущих совершил еси хвалу* (Мф. 21:16), так что, по слову самого благохвалимого и воздвигавшего их к благохвалению, если бы они умолчали, камение возопияло бы (Лук. 19:40). Толико жалко неверие и ожесточение! Оно само себя лишает радости и утешения!

Христиане! Мы знаем, что Господ Иисус, и толико смиренно и толико славно шествовавший во Иерусалим, шествовал воцариться не в чувственном Иерусалим над плотским Израилем; – нет! Плотским Израилем Он вскоре был отвержен, осужден и предан поносной смерти, как злодей; но шествовал воцариться в духовном Иерусалиме, во всем мире над душами человеческими. Убо Тот, Который есть вчера и днесь, Той же и вовеки (Евр. 13:8), и ныне духовно грядет к нам, яко царь и Спаситель наш. Посему как вообще Церковь, так в особенности каждая верующая душа, яко область Бога и Христа, и приуготовляется ныне с тою же торжественностью радостным гласом пророческим к принятию грядущего на спасение людей Своих Господа: *радуйся зело дщи Сионя, проповедуй дщи Иерусалимля: се Царь твой грядет тебе праведен и спасаяй, той кроток, и всед на подъяремника и жребца юна* (Зах. 9:9). И мы, когда являем ныне внешние знамения благоговейной радости, приемлем в руки вайя и гласом песненных хвалений приветствуем и встречаем мысленно грядущего к нам Спаса – Господа, что иное свидетельствуем, как не готовность нашу принять Спасителя нашего в сердца наши, дабы Он действием

благодати Своей пришел к нам и явил в нас благословенное царство Свое?

А ищущий спасения нашего Господь, по бесконечной благости Своей, того только и хочет, чтобы мы восприяли Его в души наши; Он даже стоит при заключенных дверях сердец наших, толчет и зовет, дабы мы, услышав глас Его, отверзли двери Ему, и Он бы вошел и вселился в нас. *Се стою при дворех и толку, вещает Он таинственно к каждому из нас, аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, вниду к нему и вечеряю с ним и той со Мною.* (Апок. 3:20). Кто же из нас не возжелает принять в дом души своей Спасителя и Господа, принять, сокрушением о грехах, очищением неправд, исправлением сердца, преуспехием в христианских добродетелях, особенно в самоотвержении, кротости, смирении? Царя славы, кроткого п смиренного сердцем нельзя принять без кротости и самоотвержения в сердце.

Так, из примера Божественной кротости и смирения Господа, Царя и Спасителя нашего, научимся кротости, которой и Сам Он явственно научает нас: *научитесь от Мене, яко кроток есм и смирен сердцем: и обрящите покой душам вашим* (Мф. 11:29). Взирая на сей Божественный пример и внимая толико же Божественному наставлению Апостола Павла, потщимся стяжать тот христианский нрав и свойство, чтобы кротость наша разумна была всем человеком (Фил. 4:5).

В сей кротости и самоотвержения сопроводим Спасителя нашего на Божественный подвиг страстей Его за нас; в сей кротости, сокрушении и смирении последуем за Ним на Голгофу; в сей кротости и преданности в волю Божию будем шествовать в след Его и во всех стезях жизни нашей. И мы истинно обрящем и временный и вечный покой душам нашим. Аминь.

29. Слово 1. Как мы должны сопровождать Спасителя на страдание

Да исходим к Нему вне стани, поношение Его носяще (Евр. 13:13).

Ныне чтенное Евангелие представляет нам торжественное вшествие Спасителя в Иерусалим, как Царя Израилева, Который, по мнению народа, шествовал в столицу Иудейскую восприять открыто царство Давида, Отца Своего (Лук. 19:11), а потому, как будущий победитель врагов народа Израильского, в Котором исполнялись все долговременные ожидания его, и встречен был всенародно с вайями, ветвями и радостными приветственными восклицаниями: осанна сыну Давидову! Каковое вшествие тол светло и празднует ныне святая Церковь.

Христиане! Встретим с вайями любви, с ветвями добрых дел, с воскликновениями благоговейного послушания, кроткого Царя Израилева, Христа Господа, грядущего во имя Отца Своего воцариться не в чувственном Иерусалиме над плотским Израилем, которым Он вскоре отвергнут, осужден, и, как злодей, предан поносной смерти; по шествующего воцариться в духовном Иерусалиме, в Церкви Своей, над душами верными; встретим, и в знамение безпределной преданности нашей к Нему, постелем пред Ним не ризы, а сердца и души наши, дабы Он пришел и воцарился в нас благодатью Свою.

Но не забудем сперва сопроводить Господа на подвиг спасительных страданий Его за нас, сопроводить по примеру Марии, излиянием мира на нозе Его, мира преданности, любви, благоговения нашего к Нему, как Искупителю нашему, не токмо во Иерусалим, но и на Голгофу, нося поношение Его и идя в след Его, путем креста Его. Мы и не можем торжественно сретить Грядущего духовно царствовать в нас, если прежде не сопроводим Его на поносные страдания и смерть, которые Он претерпел за нас и вошел со славою в царство Отца Своего. Если мы не будем сопровождать Его на крестном пути страдания и хотя издалека не потщимся видеть кончину Его: то лишимся радости узреть славу воскресения Его.

Как же мы должны сопровождать Подвигоположника нашего на крестном пути спаси тельных за нас страданий Его?

Да исходим к Нему вне стана, поношении Его носяще. Не иначе мы должны сопровождать Иисуса на крестном пути страданий Его, как сострадая Ему и сраспинаясь с Ним. И не в сии токмо священные дни Христоподражательной скорби должны мы страдать со Христом; но и во все дни, во всех скорбных обстоятельствах жизни нашей и в болезнях тела, и в немощах души, и в уничижении чести, и в лишении благ, и в неблагоприятстве высших, и в нерасположенности низших, и в сопротивлении чуждых, и в нестроениях близких наших, словом: во всех внутренних и внешних скорбях должны мы со Христом страдать и распинаться.

А дабы, страдая со Христом, и прославиться с Ним, надлежит нам в таком же расположении духа принимать и переносить скорби и страдания наши, в каком расположении духа совершил свои страдания Христос. Как же страдал Христос? Возьмем некоторые черты из обстоятельств последнего времени Его; и посмотрим, как исходил Иисус на крестные страдания и с каким расположением принимал оные?

Исход Иисуса на страдания был после тайной вечери с учениками. Это была для Иисуса последняя вечеря в земной жизни Его, которую Он Сам особенно желал вкушать с учениками Своими ([Лук. 22:15](#)). На сей таинственной вечери Он в залог безпредельной любви Своей к нам, заповедал и предложил ученикам Своим в спасительную снедь плоть и кровь Свою под видом хлеба и вина, готовясь тотчас же принести всего Себя за нас на крестном жертвеннике; на ней не без скорби указал и предателя Своего; отселе с учениками Своими пошел прямо на ожидавшие Его страдания. В каком же расположении пошел Иисус с учениками с вечери? И воспевши, говорит Евангелист Матфей ([Мф. 26:30](#)) и Марк ([Мк. 14:26](#)), изыдоша в гору Елеонскую. Итак, вот Иисус пошел пить чашу страданий, чашу горчайшую, от которой человечество Его приходило в трепет и изнеможение, и однако ж идет благодушно с пением. Но может быть пели ученики, а Иисус молчал. Запели ли бы ученики без Иисуса? Если бы Божественное лицо Учителя

не сияло радостью и уста не отверзались к благохвалению, где бы могли взять себе ученики радости и песнопения? Итак, Иисус и ученики вкупе воспевши изыдоша, а посему Иисус в благодушии, а паче в радости и веселии пошел на страдания.

И мы в мире, тишине и спокойствии будем встречать прилагающиеся нам скорби. Если они легки, мы спокойствием сделаем их еще легче; если тяжки, облегчим их; если они могут быть отклонены, мы в спокойном состоянии способны будем предпринять меры к отклонению их; если неизбежны, приготовимся к твердому в благодушному перенесению их. Если попущены для испытания нашего терпения, для искушения нашей веры и упования, при спокойствии мы будем к себе внимательнее, в обстоящих нас противностях благорассудительнее; в отношении к испытующему нас преданнее и в уповании на Него непоколебимее. Если скорби посланы для очищения нашей греховности, для пробуждения нас от самозабвения: то при спокойствии духа, яснее сознавая множество душевных болезней своих, живее будем чувствовать благодетельность скорбного врачевания, и благоговейно исповедуя правость судов Божиих в наказании неправд наших, тверже будем полагать и вернее исполнят пред Богом намерение о нашем исправлении. В спокойном состоянии, и среди тяжких скорбей, мы способны будем и благомысленно рассуждать, и благочестиво чувствовать, и право поступать. А это и составляет цел, для которой посылаются на нас скорби, чтобы ввести нас в сознание нашей греховности, научить благодушному терпению, как спасительному средству очищения, и укрепить в христианском уповании и преданности в волю Божию, дабы искушение нашей веры многочестнейшее злата гибнуща, огнем уже искушена обрелось в похвалу и честь и славу, во откровении Иисус Христове (1Пет. 1:7). Душевный мир и спокойствие есть твердое ограждение житейской храмины нашей против бурь и ветров заключений.

Но дабы и при разлитии рек, и при возвеянии сильных ветров душевная храмина наша в самом основании своем была тверда; дабы мы при всяких прекословиях и противодействии нам, при всяких напастях и злоключениях могли соблюсти

благочестивое рассуждение в нашем уме, благоговейное чувство в сердце, внутреннюю пред Богом правоту в действии и благоустроенность в самом слове: для сего необходимо нам привести себя в то самое чувствование, в котором восприял, понес и претерпел за нас все страдания Христос.

В каком же чувствовании претерпевал Спаситель наш все страдания за нас? Страдания всего лучше показывают, чем исполнено сердце. И все состояние уничижения Спасителя показывает, что Он из любви истощил Себя ради нас. Но последние крестные страдания Его всего яснее показывают, что и в сие мрачное время владычества злобы человеческой над Богочеловеком любовью исполнено было сердце Его. Хотя Спаситель страдал за нас, как Ходатай и Споручник наш, чтобы по благоизволению Своему спасти нас; однако ж представим, за кого Он страдал? Вообще страдал за неблагодарный и злонравный мир, который Им сотворен, но который Его, – Творца своего, не познал; частнее страдал за Свой избранный, возлюбленный народ, который Его целые тысячелетия нетерпеливо ожидал; а когда Он, как тихий свет святой славы, как утеша Израиля, к нему пришел, не принял Его, но отверг и Благодетеля, как злодея, неправедным судом осудив, с разбойниками пригвоздив ко кресту; далее страдал за будущих своих последователей, – христиан, которые своими преступлениями, враждами, пороками будут тысячекратно распинать Его жесточае Иудеев и язычников. Но, идя страдать за лежащий во зле мир; – страдать за врагов и за тех, которые жесточайшим образом будут враждовать и против Него, и между собой, о чем Он в последние, предсмертные минуты всего более говорит с учениками Своими? Всего более говорит о любви; говорит, что хотя мир Его ненавидит (Ин. 15:18), но мир должен разуметь, что Он любит его; ибо любит Отца, Который по любви к миру послал Его для спасения мира, и все, что Он ни творит в рассуждении мира, творит по заповеди Отца, т. е. по заповеди любви (14, 31); что по сей заповеди Он полагает душу Свою и за друзей и за ненавидящих (15, 13. 24), что и всем последователям своим первой и главнейшей заповедью оставляет любовь. Наконец продолжительную Свою последнюю

беседу, в которой преимущественно говорит о любви, чем Он заключил почти при виде уже приближающихся к Нему врагов? Заключил пламеннейшей молитвою к Отцу, дабы Он всех верующих в Него привел в единение и любовь, дабы и самый мир через сие мог быть приведен в чувство веры и любви. Таким образом исполненный любовью к Богу и человекам Иисус, приступая к страданиям, и предателя Своего, подошедшего к Нему с льстивым лобзанием, встретил взором и приветом дружественным: *друже! твори на неже еси пришел* (Мф. 26:50); пришедшим с оружием и дрекольями взять Его предал Себя добровольно: *аще мене ищете, оставите сих ити* (Ин. 18:8). И весь крестный путь до самой смерти совершил в таком Божественном незлобии и кротости, что, по Апостолу, укоряемый против неукоряше, стражда не прещаше: *но и неправду судивших Его и поношения поносивших предавал Отцу Своему, Судии Праведному* (1Пет. 2:23), а сам даже и на кресте молился за Своих распинателей: *Отче, отпусти им: не ведят бо, что творят* (Лук. 23:34), молился и за всех нас, как за падшее творение Свое, как за непослушных рабов, как за неблагодарных сынов. Божественная зиждительная любовь низвела Его на землю; она же услаждала для Него и все страдания за нас.

Будем и мы в незлобии принимать и в любви терпеть и заслуженные, и попущенные, и малые, и великие, и от чуждых, и от своих наносимые нам огорчения и злоключения. В любви будем терпеть скорби заслуженные, как плату за долг, как врачество в недугах, как средство возбуждения, употребляемое рукой благости, дабы нам восстать и исправиться. Скорби попущенный станем сносить бодренно, как искушение нашей веры, испытание упования, как упражнение в самоотвержении. В любви легкие огорчения будем переносить легко, тяжкие без возмущения; будем переносить от своих, как от своих, которых необходимо должны любить, от чуждых, как от таких, которых, по учению Христову, должны стараться любить; вообще же будем уметь извинять оскорбляющих нас в причиняемых нам оскорблении общим всем нам неведением, обыкновенной человеческой слабостью, неизбежным действием страстей,

возбуждаемых общим врагом христианского мира и согласия; будем уметь укреплять себя в благорасположении и к нерасположенным, к нам, укреплять тем, что мы нашей любовью можем приобрести их себе, приобрести Богу, приобрести им самим, если благим действием нашим смягчим их сердца, – приведем их в благое чувство и в благоустроенное действование. Сколь много и сколь долго терпит нам Бог по благости Своей, дабы привести нас в сознание самих себя? И мы должны благодушно терпеть скорби и незлобиво прощать озлобляющих нас, дабы всячески себя исправить и кого-либо приобрести Богу и спасти. Вот сила и крепость Христоподражательного терпения, вот сладостная награда в страданиях для христианской любви!

Но дабы нам ко примеру Спасителя нашего совершиться в терпении: то, по Его же примеру, будем просить себе силы свыше для утверждения нас в терпении. Спаситель, вступая во всемирный подвиг страданий, как человек, Ходатай Бога и человеков, трижды с воплем крепким и слезами (Евр. 5:7), преклонив колена, молился к Отцу Своему, молился с такою силой, что кровавые капли падали на землю. Он молил Отца Своего, что, если возможно, благоволил бы пронести мимо Еgo чашу страданий; а впрочем, совершенно предавался в волю Отца Своего. Среди молитвы явился Ему с небеси Ангел для укрепления Его, однако ж и после того Он еще прилежнее молился (Лук. 22:44).

Если Сам Подвигоположник наш, будучи в подвиге страданий, пламенно молился: то, как не молиться нам в страданиях своих? Как не молиться нам тем постояннее и неослабнее, чем больше и тягостнее обременяют нас страдания? Как не молиться умиленно и сокрушенno Господу, по благому и премудрому строению Которого постигают нас все скорби, чтобы Он ниспоспал свет нашему уму, мир сердцу, твердость воле, дабы мы в тишине духа сретали, в преданности Святой воле Его переносили и болезни тела, и уныние духа, и тесноту дел, и всякие скорбные обстояния жизни, и все это как к последней цели направляли к исправлению нашему? Когда мы постоянно будем укреплять себя молитвой и в молитвенном

расположении ума и сердца во всем предаваться в Святую волю Божию: тогда, если и посреди сени смертные пойдем, не убоимся зла, не поколеблемся на пути христианского терпения. Жезл силы Божией и мышца защищения будут нас ограждать, укреплять, спасать. Тако, отложивши и всяку горесть, и гнев, и ярость и клич и хулу со всякою злобою (Еф. 4:31), с терпением да исходим за Христом вне стана житейского малодушия, легкомыслия и тщеславия, поношение Христово носяще (Евр. 13:13).

И да ведаем к великому утешению нашему, что, если мы всякие приключивающиеся нам огорчения будем встречать в спокойствии духа, принимать в любви к Богу и ближним, переносить в силе Божией, непрестанно молясь об укреплении нас в скорбях и о прощении оскорбляющих нас: тогда и мы, подобно Марии, будем возливать многоценное миро на главу Иисусову, и отирать власами своими ноги Его; и мы, подобно Иосифу Аримафейскому, плащаницей чистой будем обвивать и благоуханными вонями будем помазывать пречистое тело Иисусово. Аминь.

30. Слово 2. О том, что Иисус Христос соделывает в нас спасение правдой и кротостию

Радуйся зело, дщи Сионя, проповедуй дщи Иерусалимля: се Царь твой грядет тебе праведен, и спасаяй, твой проток, и веед на подъяремника и жребца юна.

(Зах. 9:9).

Как было не радоваться, как не проповедать о своей радости дщери Сионовой, когда по благовестью пророческому шествовал к ней Царь Праведный, Царь – Спаситель, давно ей обещанный и давно ею ожидаемый, Царь, пришествие Которого время от времени непрестанно становилось для народа Божия нужнее, необходимее. Народ Божий также, как и язычники страдал от неправд и беззаконий. Четыредесять лет гибнул Израиль за преступления в пустыни. И в земле обетованной частовременно стenal под игом порабощения Хананеев за идолопоклонство. При Давиде видел плоды праведного царствования. Но при преемниках Давидовых за неправды свои Израиль отвержен, а Иуда предан в плен вавилонский. Во времена Пророка Захарии хотя возвращен был плен Сион из Вавилона, но следы плены долго не изглаждались. Иерусалим и после восстановления долго оставался без устройства. Устроился, но неправды народа вскоре опять сделали его добычей сильных врагов; неправды умножались, умножались и враги и наконец подвергли Иерусалим владычеству Римлян. Как же было не радоваться, как не торжествовать дщери Сионовой, когда Пророк, так сказать, перстом указывал ей шествие и приближение Царя праведного, Спасителя: Се царь твой грядет тебе праведен и спасаяй.

Но можно ли было вполне радоваться дщери Сионовой о Спасителе своем и о своем спасении в нем? Царь Праведный, Царь Спаситель шел к ней в кротости, и в знамение кротости восседал на подъяремнике и юном жребце, или как сказано у Евангелистов, восседал на ослице (Мф. 21:5) и жребяти осли (Ин. 12:15)? Что шел Царь Праведный и шел спасти, в этом отношении было о чем радоваться дщери Сионовой и чадам ее.

Царь Праведный мог восстановить в силе закон, исправить повреждение нравов, изгнать неправды из судов, обман с торжищ, бесчиние со стогн, злонравие из домов, неблагочестие из храма, роскошь из градов, строптивость из весей, губительство с путей пустынных и всюду водворить правоту и порядок. Шествие Царя Праведного не могло не радовать дщерь Сиона. Но Царь кроткий, Царь миролюбивый, восседающий на жребяти осли, как некогда ездили для умиротворения Израиля мирные Судии Израилевы (Суд. 5:10), что мог сделать против полчищ враждебных народов, против коней и колесниц египетских, против лука и копия сирского, против крепкого оружия эллинского, а еще крепчайшего оружия римского, начинавшего уже порабощать всю вселенную?

И так благовествующий глас дщери Сионовой о Царе праведном, Спасителе, по Спасителю кротком, удовлетворял ли ожиданиям чад озлобленного Иерусалима, из состояния Иудеев, современных Пророку Захарии, видеть неудобно; а удовлетворил ли действительно кроткий Царь Спаситель самым пришествием Своим ожиданиям чад порабощенного Римлянами Сиона, это довольно известно из того, как Он принят был чадами Сиона. Как Он был принят? Во своя прииде, и свои Его не прияша (Ин. 1:11). А хотя малым числом кротких и жребяти осли Он принят был, как сын Давидов, как Царь, грядущий во имя Господне, но от князей и мудрых века сего был презрен и отвергнут.

Посему видно, что и из отдаления не слишком веселил чад бедствующего Иерусалима прореческий глас о Царе кротком. И в самом пришествии кроткий Царь нерадостно был принят, а еще хуже того выprovожден из области царства Своего, из среды народа Своего. Известно, как Он был выprovожден; был выprovожден оплеваниями, заушениями, бичеванием, выprovожден увенчанный терновым венцем, напоенный желчию, вознесенный вместо престола па крест по среди разбойников.

Как же согласит торжественный прореческий глас, возбуждающий дщерь Сионову к радости: радуйся зело, дщи Сиона, проповедуй дщи Иерусалимля: се царь твой грядет тебе

праведен и спасаяй, той кроток, и всед на подъяремника и жребца юна, как согласит с тем нерадостным расположением, с коим дщерь Сионова приняла праведного, кроткого Царя своего, Спасителя? Кроткий ли Царь не представлял в Себе утешительной силы к спасению бедствовавшей дщери Сиона, бедствовавших от внешних, а паче внутренних нестроений Иудеев? Или обремененные бедствиями Иудеи не поняли кроткого своего Царя, Спасителя и не умели воспользоваться кротким, спасительным посещением Его?

Опыт веков доказал, что Иудеи не поняли кроткого Царя своего, Спасителя, соблазнились смиренным видом Его, и, отвергнув Его, как камень непригодный к строению, лишили себя благ принесенного Им спасения. Для князей века сего, для книжников и фарисеев, которые Премудрость Божию, кроткого и смиренного сердцем Иисуса не уразумели, и не уразумев Господа славы распяли (1Кор. 2:8), для этих гордых сынов синагоги больше было бы радости, если бы Царь Праведный пришел к ним со славою и силою многою, пришел на конях и колесницах, дабы явлением славы Своей поразить внешних врагов Иерусалима, вознести избранный народ на верх славы, и соделать его князем и повелителем по всей земли.

Действительно Иудеи по плотским понятиям ожидали себе славного Мессию и с Ним наступления золотого века, – внешнего, житейского, гражданского благоденствия. Но это помышления человеческие о мнимом благе своем, а не совет Божий о спасении человеческом. Бог спасает нас силою Свою. Но в нас соделывает спасение наше правдою и кротостью. Почтим смиренным размышлением о сем настоящем светлом торжестве.

Не похвалимся тотчас, христиане, пред Иудеями лучшими расположениями к Спасителю нашему. Мнение Иудеев о Христе, кротком Спасителе, есть общее мнение всех плотских людей. Иудеи, не думая о внутреннем исправлении своих нравов, об очищении ума и сердца, дабы в правде и смирении служить Богу, ожидали себе Мессию, Царя сильного, победителя врагов, который, как глава их, вознесет их с собою на верх славы. Они думали только о участии в славе Мессии. А

о том, достойны ли были славы, и как достойно могут участвовать в славе Мессии, не думали. Потому им и не понравился кроткий, смиренный Мессия.

Мы сами по плотским мыслям и расположениям не таковы ли же, как Иудеи? Все любим Иисуса, Победителя, Избавителя, Искупителя, Спасителя! Но также ли любим Иисуса Подвигоположника, Иисуса Обличителя, Наказателя, Исправителя, Очистителя? И мы с Иудеями удивляемся чудесам Иисусовыим, восхищаемся медоточным учением Его; в сонме слушателей, во множестве одержимых недугами, ходим за великим Пророком и Учителем Израилевым по градам и весям, присутствуем за вечерями Его в храмах, за беседами в домах, везде, где Иисус является окруженным множеством почитателей. Но любя славу, утешения, величие Иисусово, многие ли из нас любят нищету, унижение, крест, самоотвержение Иисусово? Многие ли после вечери утешения идут с Иисусом в Гефсиманский сад, и там скорбят, тужат, среди потоков слез молятся с Ним о грехах своих? Тем паче многие ли остаются при Иисусе, когда со оружием и дрекольями берут Иисуса: как разбойника, связанного ведут на суд начальников иудейских, фарисеев и саддукеев, лицемеров и самолюбцев, этих заклятых врагов Иисусовых? Многие ли следуют за Иисусом, когда ведут невинного Иисуса к Ироду на посмение, к Пилату на осуждение? Многие ли с плачем идут за Иисусом, под тяжким крестом среди толпы ругающихся, идущим по улицам иерусалимским, в изнеможении идущим на Голгофу для распятия? Многие ли на Голгофе с Матерью Иисусовой и возлюбленным учеником Его, стоя в глубокой горести при кресте Его, состраждут Иисусу, сраспинаются с Ним страстям своим, умирают своей любогреховности, и спогребаются Ему, совлекаясь ветхого человека с растленными деяниями его, дабы воскреснуть с Ним в жизнь правды и чистоты, в жизнь добродетелей и христианского совершенства ?

Так истинно, мы любим Иисуса, как Искупителя и Спасителя нашего, любим силу и славу, утешения и дары Его; но не любим креста Христова, скорбей и страданий ради царства Его, которыми надлежит нам очищаться, дабы уподобиться Христу и

войти с Ним в славу Его. По плотскому человеку нашему мы желали бы, чтобы Спаситель наш был Царь сильный и совершил в нас спасение с крепостью и славою многою; чтобы вел нас путем спасения не среди знамений уничижения и смирения, но вел среди свободы, независимости, чести, среди обилия и наслаждений, по крайней мере среди довольства, тишины и неприкосновенности от бед и скорбей. Скорби, болезни, теснота, унижение, лишение, это пререкание и соблазн для плотского нашего человека, хотя в самом деле они суть верный путь к внутреннему совершенству нашему, к познанию себя и своих слабостей, к очищению сердца, к преуспеванию в добре, к приобретению христианской правоты, к стяжанию небесного блаженства Иисусова. Когда постигают нас противности, мы подъемлем ропот против праведного и кроткого Спасителя, что Он путем скорбей и уничижения ведет нас к спасению. Мы желали бы быть совершенными, не трудясь над усовершением себя; желали бы обладать блаженством, не подвизаясь для приобретения блаженства; желали бы, чтобы жизнь наша текла в мире, дела в благословении, и чтобы это без наших усилий совершил Иисус силою Свою вне нас, без нас. Так мы легкомысленно думаем о спасении по плотскому человеку нашему. Но да ведаем по истинному разуму святой и совершенной воли Божией, что Царь наш, соделавший спасение мира на кресте посреди земли в удовлетворение правосудию Божию, и в нас самих соделывает спасение правдою и кротостью.

Спасение наше не есть дело внешнее, которое могло бы вне нас начаться и вне нас совершиться; нет! Быв начато вне нас Начальником спасения, должно за тем начаться и совершиться в нас, как в новом творении Его, как в чадах благодати Его, как в учениках небесного учения Его, как последователях Божественной жизни Его. Что – если бы солнце, это лучезарное светило дня, вдалеке от нас блистало в полном сиянии, но в близи не озаряло нас светом своим, не согревало теплотой, было ли бы так благотворно, так сладостно для нас? И духовное солнце правды, Христос, сколько бы само в себе ни было лучезарно, какою бы ни исполнено было добротой

совершенств, если бы не сообщалось нам своими действиями, мы не могли бы ощущать в себе умного света Его, испытывать небесных доброт Еgo, принимать животворное влияние силы Его. Христос оставался бы в Своей славе и величии вне нас, а мы в праздном созерцании оставались бы в своем уничижении вне Его. Спаситель мира пришел к нам не для того, чтобы воссиять Божественными добротами вне нас. Он прежде век имел славу у Отца, и выну сияет Своими совершенствами вне нас. Нет! Сын Божий пришел спасти нас; пришел явить Свои совершенства в нас, явить Свой свет в уме нашем, Свою жизнь в сердце нашем, силу правды и святости в воле нашей. Спасение, содеваемое Спасителем нашим, есть благодатное обновление падшего и растленного грехом естества нашего, есть восстановление в нас образа Божия, Божественных свойств в духовном существе и силах души нашей; восстановление истины Божией в уме, истинного добра в сердце, восстановление силы к совершению добра в воле. В естественном состоянии растленные грехом мы омрачены для истины смыслом, окаменены для добра сердцем, немощны для совершения благой воли Божией в воле. В благодатном состоянии во Христе, как в премудрости, правде и силе Божией нам во спасение, облекаясь в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости, мы просвещаемся в нашем уме истинным познанием Бога; очищаемся в сердце любовью к Богу, укрепляемся в воле к творению благой и совершенной воли Божией.

Спаситель, дабы обратить нас от тьмы к свету, от области сатанины к Богу, и утвердить в хождении пред Богом истинною и правдою, снисшедши в дольняя, как восток с высоты, озарил нас во тьме неведения светом Божественного учения Своего; как небесная теплота явился нам живым примером добродетелей Своих, и Свою смертью восстановив нас мертвых прегрешениями, воссиял нам воскресением, как сила Божия для укрепления нашего на пути к Богоподобному совершенству. Для сего Сын Божий восприятием нашего естества, низвел Себя в нашу ограниченность, дабы безпределным приближением к нам, сколько возможно,

приблизив нас к Себе, вселиться в нас Свою благодатью, вообразиться свойствами, действовать Свою силою, и являть Свои совершенства. Как же Спаситель наш все сие совершил во спасение наше? О глубина премудрости и благости Божией! Приискренние приобщившись нашего естества, совершил с беспредельным снисхождением, кротостью, долготерпением, — совершил крестом и крестной смертью.

Чада новоблагодатного Сиона! Радуемся ли мы, что спасающий нас правдою Свою, совершенным исполнением воли о нас Отца Небесного, Царь наш толико кроток, что от яслей, в которых по рождении был положен, до креста, на котором за нас распят, и до гроба, в котором, яко мертв, заключен, во всю жизнь непрестанно истощал Себя для спасения нашего? И может ли быть радость для нас больше той радости, что Праведный Царь наш, Спаситель, бесконечно кроток и благ? Мы сами по себе неоплатные должники пред Правосудием Божиим; токмо вечная Правда, Сын Божий мог принести и принес за нас достойную жертву правосудию Божию. Непреложная правда Его требует, чтобы и мы, последуя примеру Его, также святы были, как Он свят (1Пет. 1:16). Требование для нашей греховности невыполнимое. Но вот крепость нашей веры, утверждение надежды, сила любви! Спаситель наш праведен, но вкупе кроток, и, как Сам о Себе говорит, смирен сердцем (Мф. 11:29); кроток, и искушенный по всяческим ведает человеческую немощь; и потому непрестанно призывает к Себе грешников, приближает удаляющихся, принимает обращающихся, прощает и оправдывает кающихся.

Итак, сынове Сиона, не только вы, правдою и кротостью взыскиющие славу Сиона, и по следам праведного Царя-Спасителя право шествующие путем спасения; но паче вы, обремененные грехами, униженные неправдами, скорбящие о своем уклонении на стропотные стези и оплакивающие своевольное удаление от спасения, ободритесь, утешитесь, возвеселитесь! Се Спаситель наш праведен и кроток. Правдою Свою Он призывает нас к Себе, как Источник исцелений и Податель приобретенных нам благ; а кротостью Свою всемерно приспособляясь к греховным немощам нашим, и

приспособляя немощь нашу к принятию спасительных действий Своих, как небесный Врач и Целитель, готов приложить пластырь милосердия на раны и язвы наши, сколько бы ни тяжки, ни смертоносны были, только бы мы пришли и открыли пред Ним душевные болезни наши. Какими бы кто ни болезновал душевными недугами, какими бы ни связан был греховными узами, приди к Нему, как пришла грешница, прикоснись верой, как кровоточивая, возвози с сокрушением, как мытарь, восплачь о падении своем, как Петр, обратись и реки с упование, как разбойник на кресте, и ты будешь разрешен, оправдан, помилован и благосердно восприят кротким и милосердым Спасителем в царство благости Его.

Сынове и дщери новоблагодатного Сиона, Церкви Христовой, стяженной кровью Его! Праведный и кроткий Царь наш, Спаситель, пришел к нам не с силой плотского оружия низложить врагов наших, как чувственно воображали себе плотские Иудеи; но пришел спасти нас правдой и возвысить кротостью Своей, дабы просветить, исправить и укрепить благодатью сердца наши, и силой внутренней Своей правды и мира победить и внутрь и вне; обдержащие нас неправды и зло, и таким образом соделать нас правыми и благими, верными Богу и преданными в святую волю Его. Потщимся быть достойными праведного и кроткого Спасителя нашего. Спасая нас бесконечной правдой Своей, Он принес Себя в жертву Правосудию Божию, дабы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ избранный, ревностный к добрым делам (Тим. 2, 14). Спасая нас кротостью Свою, и кротким гласом милосердия непрестанно призывая нас к Себе от обременяющих нас сует и страстей, Он хочет, чтобы мы, непрестанно падающие и падениями своими от Него удаляющиеся, ежечасно обращались к Нему, и получали от Него милость и прощение.

Почему грешим мы против правды и кротости Спасителя нашего, когда с упорством и нераскаянностью сердца предаемся растленным нашим привычкам и страстям, хотя по безпределной кротости и долготерпению Своему и долго ожидает нашего обращения Господь? Но если мы, не внимая

тому, что благость Его на покаяние нас ведет, беспечно продолжаем нашими грехами огорчать Его милосердие, и не ищем помилования покаянием: то правда Его обращается против нас в правосудие, и кротость в праведный гнев. И тогда мы собираем себе гнев на день гнева и откровения праведного Суда Божия (Рим. 2:4, 5).

Ныне, когда св. Церковь апостольским гласом заповедует нам и радоваться: радуйтесь всегда о Господе и паки реку: радуйтесь, и быть кроткими так, чтобы кротость наша понятна была всем человекам (Фил. 4:4, 5), ныне особенно правдой и кротостью уготовим сердца наши грядущему в оные праведному и кроткому Спасителю нашему. Ныне Господь грядет в правде и кротости на вольные за нас страдания, дабы чрез Него и в нас милость и истина сретились, правда и мир облобызались. Итак ныне, когда Господь близ нас, особенно пребудем в правде и кротости, и праведный, кроткий Спаситель наш Сам взвеселит нас в день воскресения Своего внутренним вещанием радости: радуйтесь. Аминь.

31. Слово 3. О свойстве и действии кротости

*Кротость ваша разумна да будет всем человеком.
Господь близ.
(Фил. 4:5, 6).*

Как это апостольское, слышанное нами наставление о кротости, удивительно согласует с пророческим, в чтенном ныне Евангелии слышанным возвещением дщери Сионовой о шествии к ней кроткого Царя – Спасителя: *радуйся зело дщи Сионя: се Царь твой грядет тебе кроток!*

Апостол дает вам наставление быт кроткими, так, чтобы кротость наша была известна всем человекам, и присовокупляет: Господь близ, Господь близко, Господь готов прийти к нам, приосенить нас Своей благодатью, посему нам надлежит быт в тихом, благоговейном расположении, чтобы достойно принять Господа и быть в благодатном общении с Ним.

А Пророк Захария в Евангелии восторгает ныне радостью дщерь Симонову, народ Иудейский, что грядет к нему Спаситель, – Царь кроткий: *радуйся зело дзи Сионя: се Царь твой грядет тебе кроток: Иудеи, давно ожидал обещанного Избавителя Сиона* (Рим. 11:26), Который прекратит все бедствия народа Божия и восставит царство Давидово (Деян. 15:16), не сомневались, что сильный крепостью Избавитель соделает народ Иудейский господствующим народом в мире. Но при помышлении о величии Мессии, давали место и той мысли, что едва ли будет Он в величии Своем ко всем равно близок, для всех любosoобщителен, доступен? Пророк и на это тайное помышление ответствует, воззывая народ Иудейский, в особенности жителей Иерусалима, к радости, что ожидаемый ими Избавитель идет уже близко: *се Царь твой грядет, идет для спасения их со славою и силою, по вместе и в благодатной кротости, по которой будет близок ко всем, и к самым бедным, простым и уничиженным, и всех приближающихся к Нему будет благоволительно приближать к Себе, а будучи ко всем близок, будет общим утешителем, помощником, защитником, другом:*

радуйся зело дщи Сионя: се Царь твой грядет тебе кроток. Таков был возлюбленный Сын Небесного Отца, Иисус, пришедший утешить всех плачущих, исцелить сокрушенных сердцем, проповедать пленным отпущение, связанных разрешить на свободу (Ис. 61:1,2). Он принимал приходящих к Нему, Сам благосердно призывал к себе всех скорбящих, призывал обремененных грехами к покаянию, сокрушенных сердцем к исцелению. *Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы: возьмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есм и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим.* (Мф. 11:28, 29).

Последователи кроткого Иисуса! Господь Иисус, спасший и спасающий нас безпредельной кротостью и любовью, примером Своим и нас научает кротости, чтобы мы, кротостью созиная себя и других, достигали в блаженный покой мира и радости о Духе Святе.

Дабы по примеру Спасителя нашего быть нам кроткими и смиренными сердцем всегда и ко всем, а особенно в сии священные дни, когда Спаситель наш снисшел Божественной кротостью Свою до креста, и смирил Себя до смерти рад и нас: поучимся истинной кротости, и для сего познаем свойство и действие кротости.

Кротость есть тихое, спокойное, в высшей степени незлобивое, миролюбивое расположение духа. Обладающий таковым свойством, для возможного соблюдения и в самом себе и вне себя ненарушимого мира, тихо и спокойно располагает все свои поступки и действия. Отсекая в себе всякое самолюбие, в обыкновенном порядке отношений воздает всем свое должное, высшим оказывает не лестное почтение, равным отдает даже предпочтение, с низшими поступает, как равный им. А дабы блюсти мир и с немирными и содержать себя в мирном расположении и в рассуждении различных прекословий и противностей: то часто для сего в самых существенных правах бывает уступчив, и в самых справедливых требованиях невзыскателен, и, при постоянном обладании самим собою, и тяжкие оскорблении принимает без огорчения, и явное противление без раздражения, и презрение

без смущения и личные неприятности без малодушия, но с незлобием и простотой всепрощающего сердца; принимает оскорбление от высших, как вразумление, от равных, как предостережение, от низших, как действие обыкновенной слабости человеческой, по которой люди всегда склоннее к пересудам и осуждению, нежели к беспристрастному саморассуждению. Когда же причиняется поношение, упадая на лице его, распространяет унижение на доброе имя и достоинство звания его, и обращается в соблазн и предосуждение: тогда он и частно и открыто защищает честь имени и звания своего, но защищает так, что дает говорить за себя одной чистой истине, говорить голосом сильным, беспрепятственным, но спокойным и чуждым всякого рвения и пристрастия.

Так действует кроткий в частном отношении, так и в общественном, с той только разностью, что поскольку в общественном отношении действия его должны простираться во благо многих: то при обязанности направлять силы и свои и других к распространению добра и к обузданию зла, человек кроткий уже с дальновидным благоразумием и с предусмотрительными намерениями учреждает все действия свои. Уступает сопротивлению, дабы после успешнее воздействовать ко благу и самых противников; терпит великое зло, дабы внезапным переломом не подавить вместе и добра, сносит непорядки и преступления, дабы постепенным исправлением, и своевременным – выжданым воздействием смягчить самое ожесточение, привести в чувство усиленную рассеянность и расположит самих испорченных к добровольному заглаждению своих порочных склонностей. Так кроткий все предприимлет и производит осмотрительно, спокойно, рассудительно, дабы все совершать в тишине и к общему благу.

Прежде нежели увидим силу кроткого действия в человеках и над человеками, заметим, что образ оного находится в целой природе. Немного видим и слышим там грозных, потрясающих явлений. Они есть; но бывают по особенным необычайным причинам. Всегдашнее течение в

природе совершаются безмолвно, тихо, спокойно. Безмолвно протекают над нами необъятные небесные светила. Тихо происходят в общем и повсемственном делателище естества разнообразные стихийные работы. Спокойно в сокровенной храмине своей творит и созидаeт неутомимая художница природа. Любобильно износит произведения из плодотворных недр своих, но уже в полном или предначатом образовании.

Скажем более: таково действование Самого Бога. Всесильный и Всемогущий действует пресмиленно и прекротко. Всегдашний – обыкновенный образ действования Его на непокорные твари, есть долготерпение и кротость. Сими более способами правит и приводит Он под Свое владычество разумную, но непокорную нашу природу. Посему-то Образ Ипостаси (Евр. 1:3) небесного Отца, Единородный Сын Божий, Божия сила и премудрость (1Кор. 1:24) в знамение колико всемирной искупительной жертвы, толико и бесконечной Божественной кротости преимущественно носит именование Агнца. И почудимся, как сей Божественный Агнец, прежде чуждый и неведомый строптивому миру, сделался Господом и Христом. Сделался Господом не избиением и сотрением противных, но кротостью и долготерпением. Агнчей кротостью, как представляет нам в своем тайнозрении Богослов, побеждает Он свирепых зверей, страшных драконов (Ап. 17:14), и таким образом в знамение всепобеждающей силы является уже в величественном изображении льва (Ап. 5:5). И кто не видит в агнце сем действий львиной силы и крепости?

Теперь посмотрим на действие кротости в круге более простом и к нам близком, – в обыкновенных отношениях начальников к подчиненным, домовладыки к домочадцам, и еще в простейших, – общежительных наших отношениях друг к другу.

Кротость, говорит один из изведавших внутреннюю силу кротости, есть облачение Божества, смирившегося до восприятия униженного человечества, дабы беспрепятственное приблизиться к человеку и приблизить в общение с собой человека. И так если кротость есть облачение Божества, то в кротости есть свойство и сила Божества. В

самом деле никакое свойство в человеке не пленяет и не привлекает нас столько, как кротость. Другие, даже и достоуважаемые нами качества действуют на нас некоторой силой принуждения; но кротость тихим влиянием своим непринужденно располагает к себе сердца наши. Мы уважаем проницательность, но от зорких взоров также искусно стараемся и закрыть себя. Почитаем строгость жизни, ревнующую о исполнении долга, и уступаем неотступному на нас действию ее во благо наше, но не без внутреннего принуждения. Не можем не любить благодетельность, но не без примеси тонкого своекорыстия. До благоговения уважаем великие дарования ума и сердца, а часто остаемся при одном холодномуважении. Но кротость почитаем непринужденно, любим искренно, слушаем охотно, разверзаем пред ней сердца наши с доверенностью. Сердце наше, не смотря на приобретенную скрытность и лесть, нося в себе неизгладимое чувство простоты и свободы, любит простоту и откровенность, любит без закрытия, вполне предаваться излиянию внутренних чувств. Посему когда обретает приятное, дружественное на него действие не стесняющее его свободы, не выводящее его из состояния покоя, не доводящее до горького чувствования унижения и рабства, оно повинуется со всей преданностью, тогда как напряженное, усиленное, принужденное на него действие, возбуждая в нем чувство неволи, естественно не может не быть для него тягостно. Важный и суровый вид, строгое и грозное повеление, открытое обнаружение власти, если и приемлются, то с уважением недоверчивым, с расположением боязни, с чувствованием стеснения. Отселе у слишком строгих начальников и домовладык больше, по видимому, внешнего порядка, но также принуждения и рабства; равно внутреннего непослушания, а не редко нестроения и беспорядков Истинный мир и спокойствие, – это доброе и красное, по Псалмопевцу, достояние совокупной жизни, не без труда там обитают, между тем как Ангел мира приосеняет над достоянием кротких начальников. Сердца их подчиненных оживлены радостью, уста исполнены благословений, свобода чувствований и глубокое благопокорение сливаются в

восхитительное согласие и внутренних и внешних их действий. Встречая с радостью послушную ревность, с искренним соболезнованием слабость, чистым взором любви укроющая дерзость, молчанием и тихим успокоением быстрое возбуждение страсти, смирением постыждая гордость, уважением вознося смиренную, безответную тихость, со всеми соединяясь безпритворным применением себя к свойствам каждого, кроткие силой непобедимого в терпении, всегда мирного, ничем невозмущаемого духа все объемлют, всем овладевают, на все распростирают могущественное влияние, производя в одних новую ревность, в других благопокорность, во всех искренность и преданность сердца. Нет! не бойтесь, кроткие и мирные начальники! не бойтесь своеволия от вашей кротости, или утраты важности от благоснисхождения. Сближаясь с подчиненными смиренномудрием, но далеко отстоя от их слабостей, вы никогда с ними не смешаетесь. Порок ничего столько не уважает и не страшится, как тихой, непорочной, но и неусыпно бдящей над ним власти. Часто ожесточаясь от тяжких наказаний, он растаивает от искреннего о нем сердоболия. Кто из нас не испытал сего или во влиянии на других или во влиянии от других?

Если столь могущественно влияние кротости в порядке власти и подчинения: то в простых, обыкновенных наших отношениях кротость сице могущественнее действует на сердца наши. В каждом свободном круге и отдельном обществе умный действует на мнения знаниями, знатный уважением, богатый великолепием, сильный могуществом, а кроткий и смиренный общей доверенностью на сердца. С кротким у нас мирная, назидательная беседа, искренний совет, прямая откровенность, свободное обращение, внутреннее утешение и отрада духа.

Но кого, противовещает нам опыт, кого также более и ненаказаннее притесняют дерзкие, угнетают сильные, поносят несмысленные, как не смиренных и кротких? Не редко одни обиды достаются им в наследие, и унижение становится землей их достояния.

Не смущаемся. Есть у кротких благословенная земля наследия, дарованная им Отцом небесным, куда они безопасно

удаляются от всех нападений, и где не досягают их возмутительные приражения. Эта земля есть умиротворенное, благоустроенное и в Боге утвержденное их сердце.

Христианская кротость, как сказали, есть мирное состояние духа. Она приобретается долговременным усмирением гневных, раздражительных движений духа, обыкновенно вскипающего от мнимого оскорблении нашего самолюбия, не терпящего себе противного, и есть плод трудных над сердцем побед до совершенного его покорения разуму Христову; отчего умиротворенное сердце по какому бы направлению скорбей ни было ведено, идет в духе смирения и терпения Христова. Привыкши уступать сопротивлению и, подобно воску, умягчившись от злостраданий, искушенное в горниле скорбей сердце становится наконец способным удерживать в себе одни токмо впечатления добра, а всякое приражение зла пропускает мимо забвением. Таково сердце кроткое. Это подлинный отпечаток кроткого и смиренного сердца Иисусова; *также не преречет упорным противоречием, не возопиет гневным обличением, не услышится на распутиях ни в ропотном гласе негодования, ни в шумном противоугрожения, сокрушенные трости противления не преломит, курящегося льна поношения не погасит* (Мф. 12:19, 20); но побеждает все терпением, правотой, миром, благодетельностью и благоразумием. Кто же опустошит эту мирным приосенением Св. Духа огражденную землю? Господь дарует смиренным внутреннюю, утешительную благодать, по которой они, не только с терпением переносят огорчения, с радостью пьют горесть скорбей, как сладость, но от избытка любви болезнуют паче о своих оскорбителях. Возмутят против их оболганием, злоречием одних, они возобладают доверием над другими. Пожени смиренного из одного места в другое. Господь дает ему благодать и там. Сердце, исполненное внутреннего мира, всюду принесет мир, и везде найдет мир и в палатах, и в хижине, и в граде, и в пустынях. Или лучше: мирное с собой, мирное с ненавидящими мира, – силой любви оно пленит во взаимную любовь самых врагов своих. *Отселе собственное благословенное наследие кротких есть земля*

безмятежия. Кротии, говорит Псалмопевец, наследят землю и насладятся множеством мира. (Пс. 36:11).

И сам Господь, противящийся гордым, к благоволительно призывающий на смиренных, не оставляет жезла гордых на жребий смиренных. Часто возносил их из унижения и посаждает с Царями, как Иосифа, низлагает пред ними врагов их, как Амана перед Мардохеем, дает им силу Своего могущества торжествовать над вознесенной гордыней, как Давиду над Голиафом, и, по мере смирения, дает кротким в обилии Свою благодать. За кротость Моисей соделался вождем и законодателем народа Божия, Давид от стад овец царем над всем Израилем, благословенная в женах Мария за кротость и смирение соделалась Материю Бога Слова.

Последователи кроткого Иисуса! По примеру Божественного Учителя нашего, всем нам заповедано – со всяким смиренномудрием и кротостью терпеть друг друга любовью, и тщиться блюсти единение духа в союзе мира (Еф. 4:23); заповедано облещися, яко избранным Божиим, в смирение, кротость, долготерпение и прощать друг друга, ежели кто имеет на кого поречение (Кол. 3:12, 13); повелено никого не злословить, не быть сварливыми, но тихими и оказывать кротость всем человекам (Тим. 3:2), духом же кротости исправлять и впадающих в преступления (Гал. 6:1).

В духе благодатной кротости последуем за Подвигоположником нашим на крестные Его подвиги за нас. В эти особенно дни не проречем, не возопием, и да не услышится от нас глас малодушия, жалобы, а кольми паче гнева, осуждения, вражды, противодействия, так как и Спаситель наш в подвиге страдания за нас, будучи укоряем, взаимно не укорял, страдая не угрожал, но все предавал праведному Судии (1Пет. 2:23) Богу Отцу. Если по слабости и небрежению нашему в течение поприща Св. четыредесятницы мы не приобщались страданий Господа нашего подвигами поста, молитвы, и распинания страстей наших: то хотя в эти святые дни приобщимся страданий Христовых кротостью и смирением; да с кроткими и смиренными внидем в радость воскресения Господа нашего. Аминь.

32. Понедельник страстной седмицы: первая стезя последования за Христом на страдании – целомудрие

Сие да мудрствуете в вас, еже и во Христе Иисусе. (Фил. 2:5).

Для нас, христиане, которым пред очами выну преднаписуется Христос, и притом распятый, и во всякое время первым предметом помышлений и главнейшей целью действий должно быть то, чтобы сообразоваться со Христом и уподобляться Ему участием в страданиях Его. Но в то время, когда Подвигоположник спасения нашего совершил самый подвиг спасительных страданий за нас, когда скорбел и сердцем, и обливался кровавым потом за нас, когда, обремененный внутренним крестом, изнемогал и под тяжестью внешнего, когда поруганный, оплеванный, уязвленный, на кресте как злодей между двумя разбойниками истощал самую жизнь Свою ради нас, в сие священное время печали и сетования по Бозе, чем должно быть преисполнено все существо наше, как не одним чувством страданий Господа нашего?

И таково настоящее время, сия священные дни великой седмицы страданий Господа нашего, когда Он, уготовляясь к совершению спасения нашего на кресте, день от дня приближался к подъятию всемирных страданий и крестной смерти за нас. Какими же нам теперь паче всего исполняться мыслями, какими питаться чувствованиями, как не теми, что Господь нам идет ныне на вольные страдания за нас, что Спаситель наш, как Агнец непорочный, уготовляет Себя в жертву заколения за нас, что небесный Посетитель душ наших проводит последние дни земной жизни среди нас? И как проводит? До дня последней вечери проводит дни в церкви, преподая в величественнейших изображениях последние наставления Свои; проводит ночи – в уединении на горе Элеонской. А народ, привлекаемый сладостью Божественного учения Его, весь народ с утра приходил, к Нему в церковь

послушати Его (Лук. 21:37, 38). Как же мы отклоним взор от Спасителя нашего, как оставим Его одного скорбеть и тужить, и до кровавого пота молиться за нас? Как мы не поскорбим, не поболезнем, не постраждем вкупе с Ним? Ныне паче всего да мудрствуетесь в нас, еже и во Христе Иисусе.

Остановимся нашим вниманием на том, с какими особенно расположениями мы должны сопровождать Господа на спасительные страдания Его за нас, дабы и нам приобщиться спасительных страданий Его?

С какими расположениями мы должны сопровождать Господа на спасительные страдания Его, верной наставницей в сем есть для нас св. Церковь.

Ведя нас за Подвигоположником Иисусом на страдания Его, св. Церковь в самом преддверии страданий Христовых, – в первые три дни седмицы преднаписует нам три особенные урока, в каждый день преподая особый урок и в каждом из них указя особую степень духовного шествия за Иисусом. Разделим на три дня эти великие уроки, и потщимся обратить оные в деятельный путь последования за Иисусом.

В первые день великой седмицы страстей св. Церковь преднаписует нам особенно пример целомудренного Иосифа. Изложим кратко происшествие и изъясним знаменование его.

Иосиф, любимый сын патриарха Иакова, столь же прекрасный телесным зраком лица, как и душевной добротой ума и сердца, был предметом любви и небесного Отца. Напрасно возненавиденный братьями за сны, предзнаменовавшие будущее величие его, и за двадцать златниц проданный измаильским купцам в Египет, благодатный Иосиф, вскоре в дому господина из купленного раба сделался верным домоправителем и любимым домочадцем Пентефрия. Но вместе с тем прекрасный Иосиф, сделавшись предметом необузданной страсти жены Пентефриевой, из искушения горького перешел к искущению обольстительному, всего более для чистоты его опасному. Полновластный правитель дома Пентефриева, но и вместе раб, всегда зависящий от мания госпожи дома, Иосиф, безвозвратно отторгнутый от благословенного дома отеческого, пришел в чуждой земле

языческой, видевший нецеломудрие Египтян и самого двора египетского, юный, в цветущем возрасте и красоте, Иосиф непрестанно преследуем был тайными ловлениями, и явными ласкательствами и обольщениями госпожи. Но доблестный Иосиф среди всех обуреваний мужественно защищается правыми мыслями, целомудренными расположениями, а паче всего чувством благочестия, которым напитан был в дому отеческом, и которое соблюдал как единственную драгоценность достояния отеческого. Како сотворю глагол злой сей и согрешу пред Богом (Быт. 39:9)? соответствует он на все коварные предложения обольстительницы. Како сотворю глагол злой сей? Если изменю я, говорил он, доверенности господина моего, который все в дому своем вручил охранению моему, каким взором буду смотреть на него, как снесу степенный взор его? И положим, что тайна может скрыться от проницательности человеческой, но утаится ли от всевидящего ока Божия? Нет! Како сотворю глагол злой сей и согрешу пред Богом? Так победоносно отражая нецеломудренные обольщения силой Богобоязненного целомудрия, когда наветчицей сделано открыто неистовое нападение на него, он, оставив одежду в руках ее, как птица исторгся от тенет и спасся бегством. Какое торжество Богобоязненности! Какой высокой пример целомудрия не только в сеновной церкви плотского Израиля, но и в новоблагодатной Церкви духовного Израиля! Какой достоподражательный пример в победлении лести юных похотей не только для юношей, но и для крепких мужей и маститых старцев!

Подвижника целомудрия преследует клевета, восприемлет темница и узы. Но победитель страстей и в темнице есть владыка. Невинный, целомудренный узник в темнице еще паче просветляется мудростью, укрепляется в терпении и уповании на Бога. Мудрость его просевает и в темнице; домоправитель Пентефриев после темницы содельвается пророком Фараона и властителем всего Египта, и тогда как, поет ныне в похвалу его св. Церковь, тогда как Иаков в Хананее рыдал еще о лишении Иосифа, доблий во Египте восседал уже на колеснице и на престоле, яко царь почитаем. Не поработав бо сластям

Египтянным, он был воспрославлен от Сердцеведца и увенчан венцем нетленным.

Какая же цель и намерение св. Церкви в представлении нам примера целомудрия, страданий и славы Иосифова в преддверии подвига страданий Христовых? Цель многообразная и многознаменательная. Пример Иосифа живописует нам и райское состояние невинности в любви Отца небесного, и лишение оного завистью диавольской и продание в рабство греховное, и лесть змеиную, которую и мы, как некогда наши Праородители, каждый обретаем в собственных похотях грехолюбивой плоти и которую, подобно Иосифу, должны побеждать целомудренными расположениями, а паче страхом Божиим. Вместе с тем в примере невинно проданного за двадцать златниц своими братьями Иосифа, и потом сделавшегося благодетелем рода своего, живописуется Божественный, сладчайший Иисус, первородный в братьях, проданный нашими неправдами в рабство и победивший за нас лесть мира и искушения диавола. Хотя злобой человеческой Он заключен был во гроб и низведен в узилище смерти, но внутреннею силой Божества исшел из преисподних, и воцарился над мысленным Египтом, над всем родом человеческим, истаивающим от глада духовного, дабы хлебом небесным питать всех приходящих к Нему с верой. В примере страданий и славы Иосифа ясно выразился образ страданий Христовых и славы Его: *не тако ли подобаше пострадати Христу и внути во славу Свою? (Лук. 24:26).*

И так первая стезя, которую преднаписует нам св. Церковь в последовании за Спасителем на страдания Его, есть чистота, и вместе с тем крепость и мужество в побеждении плотских страстей, воюющих на душу нашу. За Божественным Подвигоположником, ведущим нас путем очистительных скорбей в первобытное состояние правоты и блаженства, нельзя иначе следовать, как препоясав чресла наши чистотой, и стегнув распинанием плоти со страстями и похотями. Теперь-то особенно – в подвиге последования за Христом на страдания Его – надлежит нам распинать плоть со страстями и похотями! Сие да мудрствуется в нас, еже и во Христе Иисусе. Аминь.

33. Вторник – во-вторых, духовное бодрствование

Да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящии.

(Лук. 12:35).

Во второй день великой Седмицы страстей Христовых св. Церковь преднаписует к наставлению нашему особенно пример десяти дев, заимствованный из Евангельской притчи Спасителя (Мф. 25). По сказанию притчи евангельской, пять дев были мудрые, – были разумные, бодрственные, деятельные, всякому добруму искусству научены и во всяком благом и полезном, делании искусны. Другие пять дев были юродивые, были неразумные, недеятельные, беспечные, никакому полезному художеству не навыкши и ни в каком благопотребном делании не были искусны. Те и другие ожидали великого достоинством, славой и добротами Жениха, как Домовладыки и Царя, ожидали, чтобы, сретив Его с подобающей честью и торжеством, удостоиться войти с Ним в брачный чертог великолепного пира и веселия. Девы мудрые, тщательно готовясь к сретению Жениха, от трудолюбного делания благоприлично снарядили себя, на пришествие Жениха в нощи, благолепно украсили и светло возожгли светильники свои, и во всей готовности, какой требовало величие брачного торжества, ожидали пришествия Жениха. Юродивые также взяли светильники, но не украсили ни себя, ни свои светильники. Не занимаясь никаким благим деланием, они не только не подготовили на себя приличного брачному торжеству одеяния, но по своей рассеянности и невнимательности не запаслись достаточно и елеем для своих светильников. Жених замедлил прибытием. Долго и много бодрствуя и готовясь к сретению Жениха, и мудрые бодрственные девы в час глубокой нощи задремали и объяты были сном. Вдруг В полночь раздается торжественный клик: Се Жених грядет, исходите в сретение Ему! Мудрые девы, будучи благолепно украшены и имея горящие светильники, встали и были готовы сретить и принять шествовавшего в великолепии и славе Жениха. Но девы

юродивые, кроме того, что и на себе не имели приличного одеяния, пробудившись, увидели, что светильники их от недостатка елея угасают. В тревоге и беспокойстве они просят, елея у мудрых дев, говоря, что светильники наши угасают. Мудрые девы им отказывают. Подите, говорят им, подите, но теряя времени на торжище и купите. Мы теперь вас достаточно не снабдим, а самих себя легко можем лишить потребного. Подите лучше к продающим и купите. И время ли им было в столь важные, нетерпящие никакого промедления минуты снабжать их? Беспечные прежде – с заботливостью пошли промышлять елея; пошли, но в тоже время к, брачному чертогу, в преддверии которого ожидали девы, со славою и торжеством пришел Жених. Готовые благоукрашенные девы, с горящими светильниками, при торжественном гласе радования вошли с Женихом в брачный чертог, и двери затворились. Спустя несколько времени пришли с тусклыми светильниками и те беспечные девы, и начали взывать: Господи, Господи, отверзи нам. Но уже было поздно. Двери были заключены. В наказание за беспечность им сказано: ступайте, вам здесь нет места; вы благовременно не попеклись приготовиться, и я не могу принять вас. Ступайте: я не знаю вас. Вот разительный и страшный урок второго дня великой Седмицы страстей!

Не нужно много говорить, что значат девы-невесты, что значит величественный Жених, Царь и Господь, что значит в нощи приход Его на брачное торжество, и что суть светильники, необходимые для сретения Его? Девы – невесты суть наши души; величественный Жених есть Христос, бессмертный Жених, душ; нощь, в которую девы ожидают пришествия Жениха, есть ночь жизни нашей, темной и мрачной в течении её; приход Жениха в, ночи есть неизвестность пришествия Христова и кончины нашей; светильники, с которыми девы ожидают Жениха, суть наши естественные силы и благодатные дарования, долженствующие светить в нас от благого употребления; елей – суть правые и благие дела, в которых должны являть свет и сияние свое дарованные нам естественные и благодатные силы. Мудрые девы суть души деятельные на всякое время к сретению Жениха, к смертному

часу и будущему блаженству правою и благою деятельностью себя уготовляющие; девы юродивые суть души беспечные, лестью житейскою увлекающиеся, о украшении себя благими делами не заботящиеся, и о уготовлении к смертному часу небрегущие. И вот приходит Жених в полуночи, постигает кончина людей, и с готовностью ожидающие смертного часа переходят в блаженную жизнь, а умирающие беспечно, нераскаянно, исключаются от чертога славы и блаженства. Поучительнейшая притча! Она изображает нам всех людей, всю жизнь нашу, наши дела, и воздаяние за дела, и особенно требует от нас духовной бодрственности. Бдите, заключает Спаситель сию притчу в Евангелии, бдите яко не весте дне, ни часа, в он же Сын человеческий приидет. (Мф. 25:13).

С каким же намерением во второй день Седмицы страстей предлагается нам во второй урок и наставление притча о десяти девах, притча, требующая от нас особенно бодрственности?

И когда нужнее труд, как не при великости дела? Когда необходимое бодрствование, благопотребнее трезвение, как не при трудности подвига и опасности искушений? Но время страстей Христовых, время, когда Господь наш Своим трудом, Своим терпением, крестною смертью соделывал спасение наше, и для каждого из нас должно быть временем особенного делания спасения, временем особенного подвига сообразования с Подвигоположником нашим, тем более, что и для нас это важное по отношению к спасению нашему время есть время искушения, в которое паче всего свирепствует против нас дух тьмы, и, как рыкающий лев, ищет восхитить нас грехом, отторгнуть от Христа беззаконием и соделать добычею своею чрез порабощение господствующим в нас похотям. Посему в сие особенно время надлежит нам трудолюбно делать вверенный нам талант наших дель и обязанностей, надлежит трезвиться по повелению Господа, Который, Сам в сие время подвизаясь за нас до кровавого пота в молитве, и нам заповедал не спать, но бодрствовать и молиться, дабы не впасть во искушение (Лук. 22:40). Дух тьмы в темную годину его, в мрачное время тяжкого духовного испытания, самых учеников

Христовых замышлял сеять как пшеницу сотрясаемую в решете и кознями своими достиг того, что один ученик сделался предателем, а другого и притом первейшего доведши до того, что он трижды отрекся от Христа, мог бы довести вовсе и до отпадения от Христа, если бы Сам Христос не молился, дабы не оскудела вера его. (Лук. 22:31,32). Как же мы без трезвения, без бодрствования, без трудолюбного делания можем избегнуть ловления его?

И так другая стезя, которую преднаписует нам Церковь в последовании за Христом на подвиг страданий Его, есть трезвение, бодрствование, трудолюбное делание с подвзывающимся до смерти Подвигоположником нашим. Потомуто св. Церковь, в сие священное время побуждая нас к духовному бодрствованию, к молитвенному трезвению, к трудолюбному деланию спасения, песнью, особенно в настоящие дни поемой, сколько трогательною, столько же и поучительной песнью оглашает слух наш: «Се Жених грядет в полуночи и блажен раб, его же обрящет бдяща, недостоин же паки, его же обрящет унывающа, т. е. обрящет праздна, рассеяна, бесчинствующа, спяща; и применяя полунощный, неизвестный, нечаянный приход Жениха – Господа к нам, обращает песнь в собственное наше заботливое чувство, по которому уже каждый возбуждает душу свою к бодрственности, блюди убо душе моя; возбуждает, чтобы греховным сном не отяготилась она, да не сном отяготишися, чтобы не предана была духовной смерти, да не смерти предана будешь, и чтобы не затворилось для нее царство небесное, и царствия вне затворишися. Равно и другою, единственно в сей день поемой песнью возбуждает в нас помышление о внезапности последнего конца через представление о страшном определении посечения смоковницы. Господин винограда уже хотел посещи смоковницу за бесплодие, но был умолен вертоградарем – оставить еще на лето для испытания, чтобы, если и после сего не принесет плода, невозвратно посещи ее. Этой песнью о посечении смоковницы равно возбуждает нас св. Церковь к духовному бодрствованию и деятельности, дабы не быть внезапно посеченными во грехах смертью и не лишиться

чертога Христова. Час, душе, конца помысливши и посечения смоковницы убоявшися, данный тебе талант трудолюбию делай, окаянная, бодрствующи и зовущи: да не пребудем вне чертога Христова.

Будем в сие священное время с мудрыми девами бодрствовать, будем молиться, трудиться. Да будут чресла наши, все силы духа и тела препоясаны бодрственностью, и светильнику светильники добрых мыслей, расположений, действий горящи, и мы подобно, будем человекам чающим Господа своего, когда возвратится, от брака, да пришедшу и оттолкнувшу требованием отчета, отверзем Ему послушанием души, готовностью сердца наши (Лук. 12:35,36). Аминь.

34. Среда – в-третих, глубокое чувство греховности

*Паче блудницы Блаже, беззаконновав, слез тучи никакоже
Тебе принесох. Но молчанием моляся припадаю Ти, любовью
облобызая пречистые Твои нозе: яко да оставление мне, яко
Владыка, подаси долгов, зовущу Ти, Спасе, от скверных дел
моих избави мя. (Конд. в Среду стр. Седмицы).*

В третий урок при сопровождении Господа нашего на искупительные страдания Его преднаписуется нам Церковью пример жены блудницы, омывшей слезами своими нозе Господа, и отершей власами главы своей.

Ни время, ни цель нашего краткого, более смиренномудрого, нежели любомудрого собеседования не позволяют нам входить в исследование, кто эта жена блудница?

Святая Церковь в трогательных умиленных песнях своих представляет эту жену грешницу, с одинаковыми чертами изображает ее с женою, о которой повествует Евангелист Лука в 7-й главе Евангелия своего ст. 37–50. И та описывается, как и эта представляется великою грешницею; и здесь, как там, действие происходит в дому Симона; и эта, как и та, ставши позади при ногах Иисусовых и утопая в слезах, омывала слезами ноги Иисусовы, отирала оные власами своими, целовала и помазывала драгоценным миром; и эта, как та милосердо Господом принятая, благосердно одобрена и благоволительно сподоблена отпущения грехов, и тогда как фарисей тайно соблазнялся и негодовал на допущение Иисусом к Себе великой грешницы, Господь в действии орошения ее слезами своими ног Его, в отертии их власами и помазании миром открыто показал глубину раскаяния ее и полноту любви, сделавшие ее достойной благосердного приятия и прощения.

Что же эту жену, великую грешницу, привело ко Иисусу, и повергло к ногам Его с потоками слез, с горьким терзанием сердца, и вместе с крепкою верою, с несомненною надеждою, с пламенною любовью, засвидетельствованными излиянием со слезами многоценного мира на ноги Иисусовы? Церковь в

песнях своих объясняет, что блудница в Сыне Девы познала Бога, – Спасителя мира, Который облекся в человечество, и вместе в бесконечное милосердие, дабы взыскать заблудших, обрести грешных, спасти погибающих.

Откуда же великая грешница познала в Сыне Девы Богочеловека, пришедшего взыскать и спасти погибшего? Кто ищет, тот находит. Больной находит врача, бедный благотворителя, неведущий обретает наставника, и истинно кающийся грешник находит душевного врача. Так и грешная, чувствовавшая всю тяжесть множества грехов своих, нашла врача, нашла Спасителя. Каким же путем нашла Еgo? Тем именно путем, каким больные находят врача, бедные благодетеля, неведущие наставника. Свет даст видеть и находить себя тьме, благодетельность нужде, целебность болезненности, источник жажде. И свет Иисус, Целитель Христос давал Себя видеть и осязать во спасение. Жене грешнице не могли быть неизвестны многие, получившие от Христа отпущение грехов и исправившиеся, также как многие больные исцеленные. Знала она, что многие из долговременно и неисцельно больных единством словом Христовым сделались здравыми; равно знала, что многие из тяжких, обремененных всеми беззакониями грешников, получив прощение от Христа, обратились к покаянию и путем правды уже текли к царству небесному. На этой стезе путеводителями ей были мытари, грешники, с которыми Иисус ел и пил, которым явил себе благость милосердия Божия, не отвергающего самых тяжких грешников, явил в Себе кротким гласом небесного друга, утешителя, явил ведением тайн сердечных ведущего человеческого естества немощь сердцеведца, откровением страшной участи нераскаянным грешникам, явил в Себе всеведца. Так – множество мытарей и грешников, призванных и обращенных Иисусом на путь спасения, были для имевших очи видеть и уши слышать тайными и явными проповедниками, кто был Иисус: были проповедниками, что Иисус есть Учитель благости Божией, Пророк милосердия небесного, что это посланник от Бога, пришедший призвать грешников на покаяние, что это Врач душ и телес. Эта-то проповедь

исцеленных, исправленных, обращенных на путь покаяния и спасения достигла и до жены-грешницы. Как бы то ни было, только жена грешная, жена, по песенному выражению Церкви, злосмрадная и оскверненная обрела Господа, взыскала Спасителя, пришла к Нему с болезненным покаянием, приступила с горчайшими потоками слез и с крепкою верою, с пламенною любовью из глубины всего существа вопияла к Нему: «Ты воздвигнувый из гроба четверодневного Лазаря, воскреси меня умершую из глубины греховной, приеми мя окаянную, не презри ради деяний отчаянную, спаси, душеспасче, погибающую».

Нет нужды говорить, что эта блаженная жена, омывшая слезами своими нозе Иисусовы, отершая оные власами своими, с упоманием лобызившая, с любовью помазавшая многоценным миром, отпущена от Врача душ с миром, отпущена омытою покаянием, оправданною верою, утешенною разрешением, укрепленною благодатью, во еже не к тому человеческим похотям, но воли Божией прочее жить время.

Что же за причина, что св. Церковь в самом преддверии страстей Христовых, в третий напутственный урок представляет нам блудницу, оскверненную всякими греховными нечистотами, пришедшую к Спасителю с горькими слезами, с болезненным сокрушением, с горячим, пламенным покаянием? Причина очевидна: Церковь Божия хочет, чтобы и мы сопровождали Спасителя нашего на крестный подвиг Его также с горькими слезами, с болезненным сокрушением, с пламенным покаянием во грехах наших, сопровождали как великие грешники, тяжкие преступники, безответные беззаконники, сопровождали Спасителя нашего, Который идет страдать за наши неправды, идет на мучения, биения, поругания за наши беззакония, идет быть распятым, пригвожденным ко кресту, желчию и оцтом напоенным, копьем в ребра прободенным за наши нечистоты, за наше плотоугодие и сладострастие, за нашу жестокость и памятозлобие, за наше объядение, пьянство, плотские утеш и увеселения. Потому-то св. Церковь, представляя пред очи наши лежащую у ног Иисусовых грешницу и в горьких слезах, в болезни сердца просящую себе помилования, преднаписует в

примере ее каждому из нас глубокое чувство тяжкой своей греховности, сердечное болезнование, с каковым мы теперь все должны повергнуться и лежать у ног Иисусовых.

Кто из нас похвалится чисто иметь не только сердце, но и тело? Все мы пред Богом, Создателем и Спасителем нашим, преступники закона Его, презрители св. воли Его, достойные всего гнева Его; все мы и пред близкими нашими несправедливы обидами, притеснениями, жестокостями, а паче соблазнами и примером законопреступных дел, которыми многие из нас близких своих соблазняли, развращали, привлекали ко греху; тем более все нечисты, гнусны, порочны в самих себе, так порочны, что истинно нет греха и беззакония, нет непотребства и мерзости, которых бы каждый из нас не совершил, если не самым делом, то нечистым намерением, непотребным вожделением, безмездной похотью, законопреступным покушением и самохотным, неистовым стремлением. И так, будучи все мы великие грешники, непотребные пред Богом, неправедные пред близкими, нечистые в собственных глазах своих, с какими расположениями должны провождать Спасителя нашего на страдания за нас? О! не с иными расположениями, как с расположениями грешников, горько плачущих, болезненно припадающих и в сердечном сокрушении отпущения себе просящих! Каждый и из нас, по примеру жены грешницы, должен теперь припасть к стопам Спасителя, шествующего на страдания за грехи наши, припасть с сокрушенными помышлениями ума, с болезненными чувствованиями сердца, с пламенными расположениями любви, и всею силою, всею крепостью молить страждущего Спасителя, чтобы Он, каждого из нас недостойных объяв искупительными страданиями Своими, приосенив растленных спасительными язвами Своими, воскропив на безжизненных с животворящего креста Своего капли бесценной крови и воды во измовение грехов и прегрешений наших, чтобы каждого из нас помянул Своим милосердием и на кресте, в беспредельных страданиях Своих, помянул и в живоприемном гробе. Своем нас мертвых прегрешениями и погребших страстями Божественный Образ в

Себе, помянул и в преисподних ада, как победитель смерти, дабы изведши нас низвергшихся во дно адово противоестественными нашими преступлениями, помянул нас и тогда, когда как Божественный Жених душ изыдет из гроба, яко из чертога, живоносною радостью воскресения блистаяся, осиял бы нас потемненных страстями, как солнце присносущным светом правды Своей, согрел нас хладных теплотой Божественной жизни Своей, рек и нам, влающимся суетами и мятущимся лестью житейскою, и нам пригвожденным к земле и похотениям плоти, рек бы и нам в духе и силе слово жизни, радости, спасения, рек, и вселил бы в нас живое и действенное расположение и помышлять, и желать и действовать то единственно, чтобы шествовать за Ним путем креста Его, путем правды и спасения в рай.

Возопием же к Нему из глубины всего существа нашего покаянным гласом блудницы, воззовем крепким, молитвенным гласом разбойника: помяни нас грешных, Господи, и на кресте Твоем, и во царствии Твоем. Аминь.

35. Великий четверток. Слово 1. На умовение ног

Желанием возжелех сию пасху ясти с вами, прежде даже не прииму мук.

(Лук. 22:15).

И всегда, когда мы ни совершаем в Божественной Литургии жертву хвалы и благодарения, приобщаясь тела и крови Христовой, и всегда воспоминаем жертву безпределной любви к нам Единородного Сына Божия, принесшего всего Себя за нас в жертву Богу Отцу. Но когда совершаем тайную вечерю в тот день, который служит для нас незабвенным памятником самого установления тайной вечери: тогда при благоговейном воспоминании о совершении ее Самим Божественным Установителем, и сами с особенной торжественностью совершаем великую тайну благочестия. Но по обыкновенному действию на нас священного времени, мы, в живом чувстве веры и любви, как бы обретаемся в самой Сионской горнице, как бы соприсутствуем той Божественной вечери, которую Сам Спаситель наш, оканчивая последние часы земной жизни Своей, совершает и с особенным расположением, и с особенными действиями безпределной любви Своей.

В честь великого, приснопамятного дня установления Святой вечери и для живейшего напечатления в умах и сердцах наших священнейших действий установления великой тайны благочестия, последуя Евангельскому повествованию, предложим в самых главных обстоятельствах о том, как происходила последняя вечеря у Господа с учениками.

Часть 1. О приготовлении тайной вечери, и умовении ног

Намереваясь совершить последнюю вечерю, как особенную, Господь особенное дает распоряжение и о приготовлении её. Для приготовления вечери, как повествует Евангелист Лука ([Лук. 22:8](#)), Сам непосредственно посыпает двух первейших учеников Петра и Иоанна, крепкого верою Петра, и пламенного в любви Иоанна, дабы они, по точной мысли и намерению Его, приготовили и место для совершения, и все нужное для предложения вечери. Агнец, вземлющий грехи всего мира и вечным предопределением благости закланый прежде сложения мира, долженствовал быть совершительно принесен на крестном жертвеннике самым существом и истиной в то именно время, когда у Иудеев закалаем был прообразовательный пасхальный агнец, дабы знамение встретилось с знаменуемым, образ с образуемым, тень пришла в существо, и на место гаданий воссияла истина. Посему и надлежало совершить Господу бескровную жертву Свою одним днем прежде вечери иудейской пасхи, дабы предание Его на страдание, самые искупительные страдания, распятие на Голгофе и крестная смерть совершились в то время, когда пасхальный прообразовательный Агнец, предварительно закланый и испеченный огнем, снедаем был Иудеями. Так и было. Когда Господь введен был в претор для решительного осуждения и предан Пилату для принятия: тогда начальники иудейские, книжники и фарисеи, утром произнесши решительное определение о предании Иисуса крестной смерти, сами не вошли в претор, в судебное место римского правителя, да не осквернятся, как сказано Евангелистом Иоанном, но да едят пасху ([Ин. 18:28](#)). Посему Господь и совершил вечерю Свою на кануне иудейской пасхи, за день до оной. А как и само по себе настояло время совершения пасхи: то и ученики, как повествуют св. Евангелисты Матфей ([Мф. 26:17](#)) и Марк ([Мк. 14:12](#)), предварительно спрашивали Господа, где Он велит им приготовить для Него пасху. Господь, нарочито посыпая Петра и

Иоанна, сказать им: ступайте в город, и коль скоро войдет в него, тотчас встретитесь с человеком, несущим в кувшине воду. Ступайте, говорил Господь, уже предваривший хозяина дома о приготовлении горницы, ступайте за тем человеком в дом, в который он войдет. В доме скажите хозяину: так говорит тебе Учитель, где та горница, в котором Он будет совершать с учениками Своими пасху? Хозяин дома покажет вам большую убранную горницу, там приготовьте; – ученики пошли, сделали как повелел им Учитель, нашли дом и подготовили пасху.

Замечательно, что Господь, посылая учеников по указанным признакам найти дом, не именует им хозяина дома, а означает дом по встрече человека: может быть это сделал для того, чтобы Иуда, услышав о назначении места для вечери, не сказал о том фарисеем, которые уже составили решительный совет на Иисуса, и враждебным образом подсматривали за всеми действиями Его, почему и могли помешать мирному совершению вечери Божественной любви.

Кто же был этот счастливый домовладыка, удостоившийся по расположению Самого Господа уготовить Ему в дому своем для вечери горницу, которая в след за тем была первою горницею общего собрания учеников Христовых, и первою христианскою церковью, где ученики Христовы все имели радость увидеть воскресшего Господа и по вознесении Его там же в посте и молитве, ожидая обещанного Утешителя, сподобились воспринять Духа Святого Утешителя? Предание говорит нам, что это был Заведей, отец Иакова и Иоанна, человек достаточный, близкий к Господу и по внешнему родству имея в родстве Саломию, дщерь Иосифа праведного от первого супружества, а еще более близкий по благодатному родству, по вере и любви к Господу Иисусу, как Сыну Божию; по этому благодатному родству два сына Заведеевы, Иаков и Иоанн, были из числа первейших учеников, а Иоанн еще любимым учеником.

Нет нужды говорить, что последняя вечеря была совершаема Господом с учениками по обряду иудейской пасхи. Был ли на ней снедаем пасхальный агнец, из евангельского повествования не видно. Кончив эту вечерю, предопределенный

от века Ходатай нового завета установил новый завет Своей кровью, имевшую излияться на крестном жертвеннике, и предстоящим принесением Самого Себя во всемирную жертву учреждал новую бескровную жертву плоти и крови Своей под видом хлеба и вина для всегдашнего приношения за грехи мира, и спасительного питания верующих, с чем вместе долженствовали прекратиться все кровавые прообразовательные жертвы. Потому и пасхальный, прообразовательный агнец после того был уже тень без существа, знак без знаменования, образ без силы и действия. На место его поступал самый Первообраз, самая существенная истина.

И так ученики приготовили вечерю. И вот таинственный чертог украшен, священная горница для тайной вечери убрана, все нужное к предложению на вечери готово. Пришел вечер; наступил час вечери; это был вечер четвертка предварявший вечер пятка, канун, пасхи иудейской. Божественный Гост и Домовладыка прибыл с святым Своим обществом на прощальную вечерю. Когда по обычаю иудейскому возлег, на вечери с учениками; то прежде всего излиянием наполнявших Его Божественных чувствований сделал, так сказать, предисловие к таинственному учреждению: желанием возжелех, говорил Он возлегши на вечери, желанием возжелех сию пасху ясти с вами прежде даже не приimu мук. Господ выразил ученикам исполнявшее его чувство, что Он необыкновенным образом желал вкушать с ними эту вечерю и теперь с необыкновенным участием разделяет оную; вместе с тем открыл и глубину исполнявшего Его чувства, открыл, что эта вечера ест для Него с ними прощальная; после этой вечери Он пойдет на вольное страдание и смерть. После смерти, через которую предложит тело и кров Свою в благодатную снедь и питие, и после славного воскресения, которым войдет в славу Отца Своего и совершил устроение благодатного царства Своего на земли, Он уже не будет с ними так жить, как теперь живет. И по воскресении Он будет еще с ними есть и пить, но только для удостоверения их, что Он восстал и будет в неисповедимой славе Отца с тем же, но уже беспредельно

прославленным телом Своим. Глаголю вам, яко отселе не имам ясти от нея, дондеже скончаются в царствии Божия. Глаголю бо вам, яко не имам пити от плода лозного дондеже царствие Божие приидет (16. 18).

Поняли ли это ученики, нельзя утверждительно сказать о всех. Продолжение вечери показало, что не поняли. Потому что между учениками возник спор о том, кто из них должен почитаться большим. *Бысть же и прям в них, кии мнится их быти большии* (ст. 24). Можно подивиться: время ли, место ли было ученикам заводить спор о первенстве? Но что делать? И в учениках при их простоте господствовала мысль, что Учитель их пришел во Иерусалим приять царство, по понятию Иудеев, земное, состоящее в господстве над всеми народами земли, во Иерусалиме, как средоточии вселенные и столице мира. При такой мысли удивительно ли, что зашел между учениками и спор о первенстве, поводом к которому в это время могло послужитьискание первовозлежания на столь важной и величественной вечери при занятии ими мест приготовленных для возлежания (Мф. 20:21). Верноискание одними первовозлежания подле и вблизи к Учителю подало другим сделать замечание о том, и таким образом между учениками мог зайти спор, кто из них имеет право на первенство и старшинство. Этот то спор, воспоследовавший в начале вечери, открыл Божественному Учителю случай преподать им самый поразительный пример смирения и кротости посредством умовения ног Им.

При возникшем разногласии у учеников, Господь вдруг восстает со Своего места, снимает с Себя верхнюю одежду, берет полотенце, препоясывается им, потом вливает воду во умывальницу, и начинает умывать ноги ученикам, и отирать полотенцем, которым был препоясан. С кого начал Господь умовение ног, из евангельского повествования не видно. Только Петр в благоговейном страхе взирал на рабское служение Господа и Божественного Учителя Своим рабам ученикам. Когда Господь подошел к нему и хотел умывать ноги у него: то он в безпредельном чувстве благоговения ответствовал: Господи! возможно ли, чтобы Ты умывал ноги у меня, Твоего раба и

слуги? Господь первое обнаружение несогласия Петром хотел устраниТЬ легко тем, что он теперь не знает цели этого действия, а после узнает. Но когда Петр с видом решительным сказал: нет, Господи! этого никогда не будет: невозможно, чтобы Ты умывал ноги у меня, Твоего раба и слуги; то Господь твердым голосом сказал Петру, что, если Я не умою у тебя ног, ты не будешь иметь части со Мною. Петр, услышав это слово, с столь же пламенным чувством рабского повиновения служению Господа, с каким благоговением и отрицался от оного, сказал: Господи! умой у меня не только ноги, но и руки и главу. Пример благоговейного, но бесполезного отрицания Петра от принятия умовения послужил для прочих побуждением к беспрекословному повиновению рабскому служению Господа и Учителя своего. Он дал им почувствовать всю важность необходимости такого служения Господа для всех и каждого из последователей Его. Действительно, когда Господь сказал Петру: что если он не примет от Него служения, не будет иметь и части с Ним: то доказал, что рабское смиренное служение, показанное Им в омовении ног их, вообще относится к делу служения Его спасению человеческому, по которому Он пришел не для того, чтобы Ему служили, но пришел (Мк. 10:45) Сам служить и положить живот Свой для спасения человеческого; следовательно, кто не будет участником спасительного служения Его, тот не будет оправдан от грехов, избавлен от осуждения и не получит спасения и жизни вечной.

Когда Господ умыл ноги ученикам: то опять надел одежду Свою и, возлегши на Свое место, с таким же Божественным величием, с каким уничижением совершал умовение ног и с такою же властью Божественного Наставника изъяснил им намерение, с каким умывал ноги их. Вот вы называете Меня Господом и Учителем своим, говорил Господ, и справедливо. Но если я Господ ваш, Учитель ваш, умыл у вас ноги, умыл у всех вас: то научитесь из моего примера, что и вы с таким же самоуничижением должны друг другу служить, также кротко и смиленно друг с другом поступать, с таким же самоотвержением друг другу помогать. И если я Господ, Сын и непосредственный посланик Отца Небесного, так служу вам: то вы, Мои

посланники, Мои служители, также должны посвятить себя на служение ближним своим, братии своей, близким и дальним.

Часть 2. О тайной вечери

После такого Божественного примера кротости и наставления о кротости, представленных Господом, последовала самая вечеря, вечера Божественной любви и сердечного наслаждения. Ученики, тронутые беспредельною кротостью Господа, и вразумленные наставлением Божественного своего Учителя, погруженные в себя, в тишине и безмолвии начали вкушать предложенную вечерю. Но мирную тишину учеников и сладостную, упоительную беседу Учителя скоро сменили скорбь и смущение. Вот ученики вкушали с необыкновенною сладостью вечерю, а Божественный Учитель, беседуя с ними, говорил о небесной награде, ожидающей их, как последователей Его, в Царстве Славы, где они вместо кратковременного возлежания будут восседать на 12-ти престолах и судить двунадесяти коленом Израилевым (Лук. 22:28–30), приготовлял также учеников, а в особенности Петра к тому, чтобы не оскудела вера его в приближающемся тяжком искушении и падении (Лук. 22:31–37); как вдруг посреди беседы с смущенным видом объявляете им ужасную тайну, которая потрясла все чувства их, тайну, что един из двенадцати, которые теперь едят с Ним на трапезе, предаст Его. Ученики, пораженные скорбью в смятенном, безотчетном чувстве один после другого стали говорить: не я ли, Господи, не я ли (Мф. 26:21,22). Сердцеведение Господа не позволяло им сомневаться в истине сказанного. Но и беспредельная их преданность к Нему не позволяла им молчать о чистоте своих расположений. По этой внутренней беспредельной преданности, каждый из них, когда спрашивал: не я ли, Господи, не я ли предам Тебя? тоже самое выражал: Господи! Надобно быть невообразимому несчастию, надобно случиться непомерному злополучию, чтобы дойти нам до такого ужасного состояния, дабы кто-либо из нас предал Тебя, Тебя – нашу жизнь, нашу радость. На ряду с прочими учениками не устыдился сказать и Иуда: не я ли, Господи? Господь как бы подтвердил вопрос его, отвечая ему: сам ты говоришь сие. Но Иуда, уже не ученик, а

наветник, не друг, а раб и льстец, Иуда, омраченный сребролюбием, Иуда, злоумышленный участник Богоубийственного совета врагов Иисусовых, уже не разумел и не хотел разуметь глагола сего. В эти горестные минуты любимый ученик Иисусов лежал у груди Иисуса. Петр дал Иоанну знак спросить: кто этот несчастный, о ком говорит Господь? Тот, сказал Господь Иоанну, кому Я, обмакнув, подам кусок, и обмакнув кусок подал Иуде, примолвив: что ты решился делать, делай скорее. По хлебе том, повествует Евангелист Иоанн (13, 27), вошел в Иуду сатана, т.е. что Иуда, еще и прежде отдавший сердце свое наваждению дьявольскому, отселе с таким ожесточением предался злодейскому намерению предательства, что по отвержении последнего гласа своего Спасителя сделался совершенным орудием духа тьмы, а Господь словами: еже творишь, твори скоро, дал Иуде разуметь, что Он теперь вполне дает ему волю действовать по начинаниям сердца своего. Из учеников, которые все были в глубокой скорби и недоумении, никто не понял, к чему это Господь сказал, и ни один из них не узнал, кто этот тайный предатель Еgo, кроме Иоанна.

Но Господь в истинное успокоение смущенных и в благодатное укрепление встревоженных Своих учеников предлагает им Божественное утешение на таинственной трапезе веры и любви. В то время, когда уже вечеря приближалась к концу, Господь берет хлеб, без сомнения особенный и особенно приготовленный, возвел очи горе, воздал над хлебом молитвенную хвалу Богу Отцу, благословил хлеб, преломил, и с чувством безпределной любви раздавая оный ученикам, произнес Божественным голосом, который впечатлевал колико благоговение, толико же и сладость сердечного умиления, произнес следующие таинственные слова: *примите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы даемо: сие творите в Мое воспоминание* (Лук. 22:19). Ученики, которые не довольно понимали имевшую немедленно последовать смерть Учителя и Господа своего, хотя не могли тогда понять всей глубины Божественных слов и завещания Господа: но приняли это таинственное завещание и

необычайное раздаяние тела под видом хлеба с благоговением, и потому вкушали разделенное им с чувством небесной сладости, как Божественный дар, чего до селе Божественный Учитель их так необычайным образом не делал и при вкушении трапезы никогда толико таинственных слов не произносил. Когда поданный и разделенный дар съеден и ядение кончилось, Господь подобным образом взял чашу, воздав молитвенную хвалу Богу Отцу, благословил ее и произнес сии Божественные слова: *пийте от нея вси, сия чаша новый завет Моею кровью, яже за вы проливается* (Лук. 22:26), Приимите ее, говорит Господь гласом Божественной сладости и любви, примите и разделите, пейте один после другого.

Неизъяснима сила и сладость этих слов Спасителя нашего, бесконечна живопитательность установленного Им таинства плоти и крови. Этим таинством все мы, со времени благодатного рождения в таинственной купели питаемся, им в христианской жизни укрепляемся; им надеемся и по смерти временной ожить этим бренным телом нашим и наслаждаться блаженною жизнью в вечности.

Довольно; кончим наше обозрение обстоятельств тайной Христовой вечери с учениками. Чем же кончим и заключим? Заключим кратким применением этого повествования о совершении Спасителем тайной вечери, – как и мы должны приступать к этой Божественной вечери и совершал онуя, дабы она истинно служила нам в оставление грехов и в жизнь вечную. Видим, что тайная вечеря приготовлена была по повелению Господа Петром и Иоанном; приготовлена в горнице, в горнице постланной; предназначата примером смирения Христова и омовением ног учеников в знамение благодатного омовения их чистотой Духа Его. И мы должны приступать ко вкушению Божественной вечери с возможным приготовлением, должны приступать с верою Петровою, с любовью Иоанновной, да искушаем себе: и тако от хлеба да ядим и от чаши да пием; должны приближаться к таинственной трапезе с возвышением горе ума и сердца и в благоукрашении нашей телесной горницы трезвением, умирением, собранностью всех внешних чувств; должны приступать в смирении, умилении и сокрушении сердца,

приступать в чистоте от всякие скверны плоти и духа, дабы святое принимать в возможной чистоте и святости; дабы и нам по приобщении тела и крови Христовой и по выходе с вечери тотчас, подобно Иуде, не предать Христа, тотчас не оставить Его, подобно разбежавшимся ученикам, нашею верою и любовью, не оставить Его одного на пути страданий Его и, удалившись от Него преступным возвращением на прежние наши греховные привычки, слабости и пороки, не поругаться Ему, не заушить, не оплевать Его, с Иудеями, не отдать Его на пропятие, с Пилатом, и не довести до смерти в самом существе духовной жизни нашей. Аминь.

36. Слово 2. На приобщение тела и крови Христовой

Сия чаша новый завет Мою кровию, яже за вы проливается
(Лук. 22:20).

Когда мы приобщаемся тела и крови Христовой, то всегда воспоминаем жертву беспределной любви к нам Сына Божия, принесшего Себя на крестном жертвеннике за грехи наши. Но когда приобщаемся тайной вечери в этот день, который служит для нас священным памятником самого установления оной: тогда по необыкновенному действию на нас сего священного времени, мы, в живом чувстве веры и любви, как бы соприсутствуем в самой Сионской горнице на Божественной вечери, которую Спаситель, оканчивая последнее время земной жизни Своей, совершает с особенным Божественным и желанием и действиями. На вечери Он возлежит посреди учеников, как исполненный любовью Отец посреди чад, возлежа поучает их и словом, а паче примером глубочайшего смирения, каковое показал в умовении ног их; наконец с неизглаголанною любовью разделяет, с ними вечерю.

По умовении ног, когда Спаситель опять возлег на вечери: тогда выразил наполнявшее Его Божественное чувство, с каким совершал Он сию вечерю: желанием возжелех, говорит Он ученикам с пламенным чувством, желанием возжелех сию пасху ясти с вами, прежде даже не прииму мук (Лук. 22:15), и с неизглаголанною любовью разделяя с ними таинственную вечерю, приемлет сперва хлеб, потом вино, и особенным Божественным действием благословляя оные, под видом благословенного хлеба предлагает ученикам в таинственную снедь – тело Свое, которое немедленно имел вознести на крест, и под видом благословенного вина – кровь Свою, которую в крестных страданиях имел излить в очищение грехов всего мира.

Итак, это была и прощальная, и заветная вечеря. Была прощальная вечеря Учителя с возлюбленными учениками, Божественного Утешителя и Друга с избранными

последователями и друзьями, была прощальная вечеря, но не скорби и печали, а Божественного утешения и любви. Но это особенно была вечеря заветная, в которой Спаситель, в отмену ветхого завета и прообразовательных кровавых жертв (Исх. 24:8), завещал новый завет, где таинственно под видами хлеба и вина предложил пречистое тело Свое и пресвятую кровь в искупительную жертву Богу Отцу о очищении грехов мира и спасительную снедь верным до скончания века.

Христиане, общники трапезы Господней! Сын Божий, возлюбивший нас до смерти, не мог больше принести жертвы за нас, как положив душу свою за нас (Ин. 15:13); не мог и драгоценнее оставить залога, который бы полнее свидетельствовал о безпределной любви Еgo к Нам, как залог священной трапезы, в которой Самого Себя предложил нам в таинственное брашно и питие.

Дабы с священным желанием приобщаться нам трапезы Господней, приобщаться устами и сердцем во спасение наше, употребим несколько минут на размышление о том, с каким расположением должны мы приступать к таинственной трапезе тела и крови Христовой, дабы приобщение оной было для нас во спасение?

Чтобы достойно причащаться трапезы Господней, мы должны приступать к вкушению источника бессмертного, по гласу Церкви, с верой и любовью, с благоговением и чистотой. Сия чаша новый завет в Моей крови, завещает нам Спаситель, яже за вы проливается.

Новым заветом, который объемлет все новозаветное строительство спасения, здесь Спаситель преимущественно именует таинство тела и крови Своей, и чашею, употребленною Им по приспособлению к синайскому завету, при котором Моисей, окропив народ жертвенную кровью, сказал: се кровь завета, его же завеща Господь к вам (Исх. 24:8), означает вообще заветную чашу тела и крови Своей. Итак, таинство евхаристии преимущественно составляет новый завет, составляет, как совокупность как сокращение и особенный залог всего того, что Божественный Искупитель сделал для нас, что, оставляя нам, как драгоценное наследие, запечатлел Свою

кровью, и смертью Свою завещал нам хранить оставленный от Него залог до скончания века.

Во исполнение чего всякий раз, когда мы ядим таинственный хлеб сей и пием таинственную чашу сию, смерть Господню возвещаем, дондеже приидет. (1Кор. 11:26).

Что же завещал нам Господь в завете чаши Своей, которая есть Завет крови Его? завещал великую волю Троичного совета, завещал тайну Божественного схождения Своего на землю, что Он Единородный Сын Божий, Господь сый всех, оставив престол славы, снисшел к нам долу, как человек, открыл нам волю Отца Своего, пострадал до смерти крестной и в крестных страданиях излил Божественную кровь Свою за нас. Помыслим же: для чего было Творцу принимать на Себя естество человека, Безпределному низводить Себя в пределы времени, Высочайшему унижаться до зрака раба, Господу славы бедствовать и страдать, Сыну Отца небесного быть в состоянии проклятия и отвержения? Для чего было Богу предавать Себя па всесветное позорище распятия, умирать среди злодеев на кресте, бездыханному быть заключену во гроб? Для кого Он творил и творит эти чудеса благости, долготерпения, милосердия и любви? Здесь то, христиане, с безпределным благоговением мы должны зреть тайну завета крови Христовой и таинственную силу страданий Его. Все это вочеловечившийся Сын Божий, Бог и Господь наш, сотворил и творит ради нас и для нас. Мы согрешили, беззаконновали, неправдовали и исправдаем пред Богом, а Он, Праведный и Святой, подъял на Себя неправды наши, вознес в теле Своем на древо грехи наши, пролиял Божественную кровь Свою в очищение наше, и истощил самую жизнь Свою, дабы избавить нас от смерти, греха и проклятия.

Итак, чаша нового завета в крови Искупителя нашего, которая за нас пролита и непрестанно проливается, совмещает для нас все, что сделал для нас Богочеловек, Сын Божий, Искупитель и Спаситель наш.

Как же мы должны приступать к таинственной чаше завета нашего с Богом, к чаше нашего искупления и спасения? Должны приступать с живою верою, и в живой вере, устами

исповедовать и сердцем усвоять все те благодатные обетования, в участие которых

мы входим заветом крови Сына Божия. Мы должны от всего сердца веровать и от полноты чувства исповедовать, что мы величайшие грешники во всем существе нашем, в теле и душе, во всех помышлениях и делах, что мы, как безответные, ежеминутно повинны осуждению смерти, и сами по себе недостойны никаких от Бога благ, что Сын Божий, пришедши спасти лежащий во зле мир, Свою смертью спас и нас от осуждения и гнева Божия, и Своими заслугами оправдав нас пред Богом, примирил и соединил нас с

Ним. А чтобы мы не умирали грехом, но жили Умершему за нас и соделивались достойными наследия уготованных благ, то Он оставил нам залог бессмертия, тело и кровь

Свою, на таинственном жертвеннике священнодействуемом и выну в спасительное снедение нам предлагаемые. И вот мы устами и сердцем ядя тело Его и пия Божественную кровь Его, свидетельствуем, что мы хотим жить жизнью Искупителя нашего, что для того питаемся пречистым телом Его, дабы потреблять в себе греховное тление, для того пием кровь Его, дабы, очищаясь сею жертвой, стяжать в себе начатки Духа Св. во обручение жизни вечной.

И так с живым чувством своей греховности, с живым исповеданием искупительной смерти и ходатайственных заслуг Спасителя нашего, должны мы приступить к трапезе Господней, дабы соделаться общниками спасительных плодов смерти и заслуг Его. С верой да приступаем.

Приступая с живой верой, должны приступать и с пламенной любовью. Можно ли и приступать без любви к приобщению того, что есть дело высочайшей любви? Что низвело Сына Божия с высоты престола Отца Его долу, что заставило в зраке раба служить нам, трудиться для нас, страдать за нас, наконец пролить кровь Свою, истощить на кресте и выну истощать за нас самую жизнь Свою? Низвела любовь к нам любовь к Своему образу, страстями в нас истлевшему, дабы паки восстановить оный в первую доброту. Как же он восстановляет в нас образ Свой, свет истины Своей в

уме нашем, жизнь правды Своей в сердце нашем? Восстановляет не прещениями, не проклятиями, не казнями, но тихостью и кротостью; восстановляет мирным словом премудрости и разума, восстановляет совершеннейшим исполнением воли Отца Своего за нас, Который был послушлив для нас до смерти крестной. А дабы мы еще живее, постояннее чувствовали любовь Его к нам: то предложил нам Самого Себя, Свое тело, восприятое Им в вочеловечении, Свою кровь, излитую Им в страданиях за нас, предложил, да ядим и пием на трапезе Его, яко чада Его, яко ближние и присные Его, дабы, питаясь жизнью Его во времени, наслаждаться блаженством жизни Его в вечности. С каким же чувством приступим к источнику благости и любви, как не с чувством безпредельной благодарности и любви? А хотя ипостасная любовь Отчая предлагает Себя всем, всюду, всегда-так благоволительно и любвеобильно, что предлагает Себя под самыми простыми, смиренными видами хлеба и вина. Но да никто же, о верные, Владычния вечери тайно не научен, предостерегает нас Церковь и вразумляет, никто же отнюдь, яко Иуда льстивно не приступит к трапезе. Взиная на видимое, будем паче взирать на невидимое, сокрытое под священными видами и созерцаемое взором веры. Кто же это под священными видами хлеба и вина? Это Единородный Сын Божий, приискренне приобщившийся плоти и крови; это Господь всех, умалившийся до зрака раба; это Творец всяческих, низведший Себя в образ твари; это Бог крепкий, Царь славы, восприявший немоющи человеческого естества и в подобии плоти греха бесславный и беззрачный являющийся. Кратко: это сияние славы Отца, сладость Ангелов, красный добротой паче всех человек, но любовью таинственно претворив Себя в духовное питание благодатной жизни нашей, брашно и питие, да приискренне приобщит к Себе бренность нашу, на кресте не имеет ни вида, ниже доброты, а внутрь весь совершенство, весь доброта, весь утешение, весь сладость. И так, со страхом и трепетом должны мы приступать к благоутробному Господу, с таким смирением дарующему нам Себя в предлежащих тайнах, дабы возвысить нас смирением Своим, обогатить нищетой Своей, прославить

уничижением Своим. В смиренных и с сыновним страхом трепещущих словес Его Господь вселяется обилием благодати Своей, миром и радостью о Дусе Святе.

С благоговением приступая к кроткому и смиренному Господу, попечемся и о том, чтобы приступать к источнику чистоты в чистоте духа и тела. Кроткий и смиренный Господь наш есть вкупе и Святейший Святых, на славу святости Которого и самые Агелы, не смея взирать, от веселенья совершенств Его закрывают лица свои. Но Тот, Которого сияния славы не вмещают небо и земля, как тихий свет, под завесой плоти явившись для спасения нашего на земли, и под священными видами хлеба и вина предлагает нам Себя в таинственную снедь для того, чтобы, не омрачая нашей темноты, осветить нас, не потребляя нас, за нечистоту, потребить в нас нечистоту, не сокрушая нашей немощи, укрепить нас силою Свою во спасение наше. И колико благоволительно и премудро предлагает нам Себя под таинственными видами, чтобы мы бренные, приемля Его в себя устами и сердцем, по чувству самого вещественного сопребывания Его с нами и в нас, постепенно становились внимательнее к себе, старались ходить достойно небесного звания своего, тщились возвышаться над скоропреходящими благами, искоренять в себе греховные привычки, укреплять благие расположения, произращать плоды благодеяния! Когда в таинственной трапезе мы ядим тело Христово и пием кровь Его; то, по слову Его, Он в нас пребывает, и мы в Нем (Ин. 6:56). Посему приемля такого Обитателя, Который для того входит в нас, чтобы, исполнив ум наш истинной, сердце правотой, волю силой к исполнению воли Его, устроить нас в живой храм духа Своего, ужели не позаботимся о том, чтобы не препятствовать Ему совершать в нас дело спасения нашего? А это требует с нашей стороны того, чтобы мы, омыв покаянием сердца наши, паки их не оскверняли; сознав в себе порочные склонности, осудив беззаконные дела, к ним не обращались; познав греховные недуги и болезни, всего более воздержанием их врачевали, а при чувствовании духовной немощи своей к Нему же, – Источнику духовных дарований и сил с непрестанной

молитвой обращались. Если мы не можем к Источнику чистоты приступать в потребной чистоте: будем всемерно заботиться о том, чтобы, по принятии дара святости и чистоты, блюсти себя в чистоте. Это существенная цель таинственного общения нашего с Господом, чтобы, прилепляясь Господеви, быть един дух с Господом (1Кор. 6:17); чтобы те же впечатлевались в нас чувствования и расположения, тот же образ действования, какие и в Христе Иисусе. А чувствования и расположения во Христе Иисусе суть дух премудрости и разума, дух правды и святости, дело Его для совершения нас в правде и святости есть долготерпение, благость, милосердие, любовь.

И так, чтобы достойно приступать нам к общению с Господом, в Божественных тайнах Его: то святые чувствования и расположения веры, любви, благоговения и чистоты должны исполнять нас; они же, как токи живой воды, должны истекать из ума и сердца нашего чрез достойное приятие Господа.

Господи, Иисусе Христе, правда, избавление и освящение наше! В день установления Тобою Божественной вечери Твоей, приобщаясь с верой, любовью и благоговением таинства Твоего, той же верой и любовью молим Тебя, прииде ныне благодатью Твою к нам, и, как на тайной вечери возлег Ты посреди учеников Твоих, так возлязи в сердцах наших; и, как Божественный Наставник, возжги в уме нашем слово веры Твоей; как Божественный Делатель, воспламени в сердцах наших любовь к заповедям Твоим; как Господь крепкий, дай силу Твою немощи нашей, дабы хотя издалеча могли мы следовать за Тобой путем креста Твоего. Тогда Твое желание о нас, и наша радость о Тебе исполнятся. Аминь.

37. Великий пяток. Слово 1. О виновниках страданий и смерти Христовой

*Они же излиха вопияху, да пропят будет
(Мф. 27:23).*

Кто же так неистово, так злобно вопиет против Тебя, Божественная Невинность, бесконечная Благость, вечная Правда и Святость? Кто так жадно, так ненасытно алчет смерти Твоей, и смерти крестной, поносной, Жизнь и Радость всех тварей?

Так вопияли против Тебя в злобе своей Иудеи, возлюбленный некогда народ Твой, но и всегдаший противник Духу Твоему (Деян. 7, 57), Иудеи, чрез вероломного ученика Твоего Тебя купивши, под предводительством его со оружием и дрекольями взявши, на беззаконном соборище своем на поносную казнь осудивши и наконец с наглыми воплями крестной смерти Твоей у Пилата требовавши: *они же излиха вопияху, да пропят будет.*

Сребролюбие Иуды послужило к успешному началу, а человекоугодие Пилатово к конечному исполнению неистовых устремлений их против Тебя, и Ты бесценный, в Коем все сокровища премудрости и разума сокровенны, (Кол. 2:3), за цену раба продан; Ты, Святой Божий, как богохульник, избит, поруган, осужден, Ты, ненавидящий беззакония, как злодей, пригвожден ко кресту, и вменен с беззаконными.

Небо зрело на земли ужаснейшее злодеяние человеческое, – Богоубийство, и обложилось тьмой; земля тяготела под бременем злобы человеческой и от несносной тяжести потряслась в своих основаниях: камни ощущали жестокосердие человеческое и распались.

Но для чего, Ты, оклеветанная Невинность, возненавиденная Истина, умерщвленная Святость, чрез столько веков представляешься еще и чувственно, и мысленно пред взоры наши в том же печальном состоянии, до какого довела Тебя злоба Иудеев? Не даешь ли Ты нам чувствовать, что все мы, не только по общей греховности естества нашего, вместе с

главными виновниками виноваты в Твоих страданиях и смерти; но даже и ныне все и каждый в особенности, сам собою, собственными своими действиями, как неверный ученик, предаем Тебя врагам Твоим, как неблагодарный, недостойный народ Твой, осуждаем Тебя и, подобно Пилату, отдаем на пропятие?

Страшно, ужасно быть в числе Богоборцев и Богоубийц. Почему стоит всего нашего внимания рассмотреть при сем обличительном для неправд человеческих образе страждущего Иисуса: не бываем ли и мы ныне виной страданий и смерти Господа Иисуса, а следовательно и мы не в числе ли действительных врагов Его?

Не будем удивляться тому, что и ныне можно быть виной смертельных страданий Бесстрастного и в вечной славе бессмертно царствующего Иисуса. Доколе Он не покорит под ноги Свои врагов Своих, дотоле в небесной истине Своей, которой борется с нашим противлением, и в верных Своих, которыми свидетельствует о истине Своей, будет и гоним, как некогда Сам с небеси воззвал к Савлу: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Деян. 9:4); будет и распинаем так как, по слову Апостола, действительно есть второе распинающие Сына Божия и попирающие. (Евр. 6:10, 29). Посему если и мы также поступаем с истиной Христовой и с верными свидетелями истины Христовой, как поступали с Самим Христом главные виновники страданий и смерти Его: то и мы также бываем виною страданий и смерти Христовой.

Кто же главные виновники страданий и смерти Христовой, и как они поступили со Христом? Трое главных виновников страданий и смерти Христовой: Иуда, Иудеи и Пилат; посему и троекратно особенно видим действие страстей в действии Богоубийства. В Иуде действовало корыстолюбие, в Иудеях зависть и злоба, в Пилате слабодушие и человекоугодие. Рассмотрим сии Богоубийственные действия и по оным исследуем и собственные действия наши: не предаем ли, не осуждаем ли, не распинаем ли и мы Иисуса?

Часть 1.

*Что ми хощите дати, и аз вам предам Его
(Мф. 26:15).*

Приходит сребролюбивый ученик к архиереям, предлагает им услуги свои в споспешествовании злому намерению их о погублении Иисуса, условливается с ними о плате за свое предательство, получает тридцать сребреников, ищет удобного случая предать (ст. 16) и предает Иудеям льстивым лобзанием Учителя и Господа своего.

О! Избави нас, Господи, Иудина окаянства. И кто бы из нас не ужаснулся открыто за мзду продать Христа, неоцененное сокровище неба и земли? Но вникнем глубже в действия свои и посмотрим: сие корыстолюбивое условие: что ми хощите дати и аз вам предам Его, не служит ли для многих из нас правилом самых по видимому добрых побуждений и действий, а вместе и неисчерпаемым источником предательств Христа и истины Христовой.

Действительно растленная природа наша так заражена своекорыстием и самоискательством, что мы часто делаем и доброе для Бога, для людей, для себя по корыстолюбивому договору о мзде и плате. Намереваемся приняться за пост, за молитву, за дела благочестия, хотим оказать требующему подаяние, слабому защите бедствующему помочь, решаемся совершить в сокровенности от взоров человеческих тайные дела самоотвержения, во всех сих случаях лукавое своекорыстие наше, еще до начатия дела, ведет уже свои переговоры, что ми хощите дати, и вступает в ряду то с Богом о душевных и телесных благах, то с людьми, в чаянии себе похвал и славы, то с внутренним чувством самоуслаждения, требуя от него самохваления и самооправдания.

Корысть и самоискательство, примешиваясь ко всем нашим мыслям и расположениям, и во взаимных отношениях заставляет нас видеть и искать самих себя, и мы часто для того хвалим других, чтобы самим быть хвалимым; если кому даем, то чтобы самим лише восприять; если кому служим, то чтобы

вящше нам служили. Таким образом и в самых лучших действиях своих мы не что иное, как корыстолюбцы и наемники, которые, вместо того, чтобы во всем искать единственно воли и славы Божией, пользы и спасения ближайших наших, славу друг от друга приемлем (Иоан. 5, 44), а славы, яже от единого Бога, не ищем, и ищем все токмо своих си (Фил. 2, 21), а не яже Христа Иисуса. А при таковых расположениях далеко ли мы отстоим от Иудина предательства? Лишь только чаемая корысть изменит нашим ожиданиям: то и мы, подобно Иуде, который под предлогом попечения о нищих, обнаружил ропот в рассуждении излиянного Марией на главу и ноги Иисусовы драгоценного мира, как напрасной потери, и мы при неудачах под разными предлогами ропщем на Бога, ближних наших и собственную участь.

Нечего нам и спрашивать, кто из нас особенно предаст Христа: еда аз, еда аз? Дабы видеть, как мы все самым делом изменяем Христу и каждый за свою корысть предаст Его: то приведем на память те случаи, когда льстивые соблазны и искушения, поставляя дух наш, блудущий в себе истину и правду Христову, в противоборство плоти и страстям, открывали нам нарочитые опыты защищать Христа, сражаться за Христа: и таким образом свидетельствовать верность свою Христу. Что же? Когда похоть плоти льстивыми своими искушениями расставляла сети для невинности и чистоты нашей, отражали ли ее мужественным, богообязненным гласом Иосифа: како сотворю глагол злой сей, и согрешу пред Богом (Быт. 39, 9)? Когда похоть очес блеском золата и серебра затмевала свет истины и правоты в совести нашей, ответствовали ль мы не словами только, но действительным бескорыстием на обольстительные обещания мира: аще ми даст Валак полну храмину золата и серебра, не могу преступити слова Господа Бога, еже, сотворити то мало или велико в разуме моем (Числ. 22:18)? Когда гордость житейская высотою земного величия и славы обольщала нас изменить смирению и кротости Христовой, то, презирайя призраки, изволяли ли мы, подобно Моисею, паче страдать с людьми Божиими, нежели иметь временную греха сладость. (Евр. 11:24,

25). Ах! вспомним: мы не только при нападении сильных искушении не противились страстям нашим, но часто даже сами произвольно изыскивали и изыскиваем средства к постыдному удовлетворению оным: многократно жертвовали сладострастию своей невинностью, корыстолюбию правотой долга и совести, честолюбию славой Божией, благосостоянием близких наших и самыми священнейшими узами родства и дружбы. Посему при каждом беззаконном деле, содеваемом нами с попранием совести, долга, истины Христовой, текли и течем с Иудой к иудейскому беззаконному сонмищу мира, договариваемся с ним о цене, что ли хощите дати, и, удовлетворяя неистовству страстей наших, продаем Бесценного на суетной цене капли меда, – горсти блестящего праха, пустого призрака славы, и обременяем себя тяжким грехом предательства Христа и правды Христовой.

Часть 2

После Иуды, послужившего ужасным орудием злобы диавольской в предании Иисуса Иудеям, Иудеи, частью простой народ, действовавший по невежеству и наущению, а более книжники и Фарисеи, действовавшие по злоумышлению против Иисуса, – князи и старейшины иудейские были главные виновники и осуждения и всех страданий и самой смерти Господа Иисуса. Безумно завидуя Божественному величию Иисуса, по которому Он учил и творил все со властью, пред которой исчезала вся суетная важность книжников и Фарисеев, ненавидя святого учения Его, несовместного с плотскими понятиями их, злобствуя на Него за обличение лицемерия, – ложной праведности и сокровенных пороков их, Иудеи, – книжники и фарисеи во всю жизнь Иисуса и в словах и в делах преследовали Иисуса. Но не могши ни в чем уловить Божественного Праведника, наконец составляют единодушный совет непременно, как бы то ни было, погубить Его: *совещаша, да Иисуса лестию имут и убиют* (Мф. 26:34). И посредством вероломного ученика во время ночи тайно с оружием и дрекольями взяли Иисуса на беззаконное судище свое, чрез нарочных лжесвидетелей оклеветали в небывалых преступлениях, как за действительные осудили, и в след за тем как уже уличенного преступника, покрыв всякого рода поруганиями и бесчестием, представляют Пилату; и то клеветой, то угрозами, то явным насилием принудив Пилата привести в действие определение свое, распинают Божественную Невинность, Правду и Святость, – Иисуса.

Вот что делает раздраженное самолюбие. Из огорчения перерождается в негодование и зависть, из зависти во вражду, из вражды в злобу, а злоба, сие адское порождение, дотоле не успокоится, доколе не убьет и не погубит, или по крайне мере насильственно не удалит от взоров своих ненавидимый предмет, кто бы он ни был, хотя бы это был Праведник, хотя Святый Божий и истинный друг самых злобствующих. Они же возглашаху глаголюще: распни, распни Его.

Избави нас, Господи, от окаянства и злобы Иудеев, какую они показали против Тебя.

Но, христиане, испытаем самих себя, не гнездится ли в ком из нас злоба, сие адское исчадие, не вовлекает ли и нас в преступления, подобные преступлениям Иудеев? Внемлем: есть у каждого из нас своя особенная болезнь самолюбия, своя любимая страсть, составляющая главного движителя наших действий. Мы бываем спокойны, доколе никто ничем противным не коснулся нашего самолюбия. Но только коснись кто открытым раздражением больного в нас места любимой страсти нашей: тогда геенна открывается в сердце нашем, скорбь, досада, негодование, гнев, попеременно заступая место, возжигают мрачный огонь во всем существе нашем. И если к несчастию оскорблении будут усилены новыми оскорблениеми, но не будут обузданы внутренней силой страха Божия и перейдут в ожесточение и злобу: тогда не редко доходит человек до того ужасного состояния, в котором находились Каин братоубийца и Иудеи Богоубийцы, и которое делает орудием злобы диавола и врагов истины.

Теперь пусть каждый из нас беспристрастно исследует самого себя по своему состоянию и званию, по своим делам и отношениям к ближним своим, не питает ли он против кого несправедливого гнева и ненависти; не преследует ли кого злобою единственно по действию раздраженного самолюбия, и таким образом в лице брата, ближнего своего, несправедливо им ненавидимого, и нередко до смертельной скорби доводимого, не ненавидит ли, не гонит ли, не готовит ли на смерть Иисуса? Вот ты начальник, и если различными способами гнетешь своего подчиненного, – оскорбляешь его частно, унижаешь открыто, преследуешь словом и делом, и единственно потому, что он имел несчастие раздражить твое самолюбие: то ты находишься в сонме Иудеев, и сидишь на седалище губителей. А ты подчиненный, и ежели обносишь своего начальника клеветой, злословием, бесчестием, и собственно потому, что он по долгу своему коснулся слабой стороны твоей, восстал на закоренелую привычку твою и требует от тебя строгого исполнения того, что прежде ты не

считал даже и своей обязанностью: то ты примешаешься к совету Иудеев и дерзновенно подаешь голос на осуждение Иисуса. А тебя мучат великие дарования и добрые качества клеврета и сообщника дел и жизни твоей, неоднократно предвосхищавшего у тебя честь и преимущество; и сели ты, вместо того, чтоб ревновать ему в добре, снедаясь завистью, злобно перетолковываешь полезные намерения, пересуждаешь добрые поступки его, и при всяком случае неблагоприятными отзывами стараешься привести его в подозрение у высших, в неуважение у низших, в презрение у равных: то ты точно, подущая и других на брата твоего, что вам мнится, и сам подая решительный голос: повинен есть смерти, в лице брата твоего осуждаешь на смерть Иисуса – Праведника. Так! если мы, по слову Ап. Иакова, убиваем и завидуем, сваряемся и боремся (Иак. 4:2), если зависть горьку имеем и рвение в сердцах наших (– 3, 14), и токмо по ярости самолюбия нашего гневаемся и ненавидим братию нашу: то да не хвалимся и не лжем на истину; мы во тьме находимся и во тьме ходим, и не знаем, куда идем и что делаем (1Ин. 2:11); мы не от кроткого стада Христова, но от Богоубийственного сонмища иудейского. И думаешь ли, что Иудеи грешнейше паче нас? Нет! если не покаемся от злоб наших: то также, как и они, погибнем.

Часть 3.

Третий виновник страданий и смерти Господа Иисуса, менее, по-видимому, прочих виновный, есть Пилат. По суду Самого Спасителя, Пилат менее виновен, нежели Иуда: *сего ради предавый Мя тебе, говорить ему Спаситель, болий грех имать (Ин. 19:11)*. Менее виновен Пилат и по сравнению с Иудеями. Хотя он Иудеям окончательно предал Иисуса на распятие; он же, как главный начальник и судия, по власти своей мог и не допустить сего; но уступивши насильственным требованиям буйной, разъярённой толпы, поступил так по неволе, по крайности, и не прежде, как по употреблении возможных по видимому способов к освобождению Иисуса.

В самом деле, при взгляде на действие Пилата в отношении к Иисусу, нельзя не видеть, что он старался, по-видимому, держать сторону Иисуса против Иудеев; во-первых, зная, что Иудеи из зависти предали ему Иисуса: *яко зависти ради предаша Его (Мф. 27:18)*, он вовсе отклоняет от себя дело об Иисусе: *поимите Его вы (Ин. 18:31)*, говорит Иудеям, и по закону вашему судите Ему. Потом, когда Иудеи настоятельно обвиняли Иисуса, – что Он злодей, и должен умереть (30), Пилат самолично с надлежащей обстоятельностью входит в положение Иисуса, допрашивает Его Самого о возносимом на Него Иудеями обвинении в присвоении царства и, по учинении личного допроса Иисусу в преторе, вышедши сказал Иудеям: *аз ни единыя вины обретаю в Нем (ст. 38)*; даже с негодованием упрекал их в напрасном обвинении Иисуса: *приведосте ми человека сего, яко развращающа люди: и се аз пред вами истязав, ни единыя же обретаю в человеке сем вины, яже на Не ведите (Лук. 23:14, 15)*; оправдывал притом невинность Иисусову и поступком Ирода, который также ничего не нашел в Иисусе достойного смерти. Когда же сии свидетельства его о невинности Иисуса пред Иудеями остались безуспешны: то, для избавления Иисуса, он прибегает уже к самым крайним средствам. Во-первых, ставит Его рядом с Вараввою разбойником в том намерении, чтобы сами Иудеи

почувствовали свою несправедливость и постыдились просить свободы разбойнику, а невинного Иисуса требовать на распятие. Когда и сие не помогло: то нарочно велит воинам бить Иисуса, возложить терновый венец на главу Его, облещи в багряницу, и избитого, обезображеного, в виде достойном жалости и соболезнования представляет пред взоры жестокосердых врагов, жертву злобы их, говоря: се человек, дабы таким достоплачевным зреющим показать и несообразность взносимых ими обвинений на Иисуса во властолюбии, и смягчить жестокость их. Но когда, вместо чаемого смягчения, начало возрастать смятение, поднялись крики и вопли: *возьми, распни, распни Его* (Лук. 23:18. 21), и из шумной толпы народа стали и ему самому угрожать опасностью: аще сего пустиши, неси друг кесарев: тогда уже наконец берет воду, умывает пред народом руки свои и, торжественным засвидетельствованием о невинности своей в крови Праведника: *неповинен есм от крове Праведного сего: вы узрите* (Мф. 27:24), сложивши с себя виновность на народ, который и снял на себя и на потомство свое ужасную вину сию: кровь Его на нас и на чадах наших (ст. 25), предает Иудеям Иисуса на распятие. Столько-то употреблял Пилат старания о защщении неповинного, Праведного Иисуса!

Ах! не так ли и все мы подвизаемся в защщении неповинно гонимой и страждущей истины Божией? Если так: то все мы похожи на Пилата и всех нас ожидает участь, подобная Пилатовой. Нет! Сколько сделано Пилатом мнимых защщений в пользу Иисуса, столько же учинено открытых несправедливостей против истины и против неповинного – Страдальца Иисуса.

Знал Пилат, что Иудеи по зависти предали ему Иисуса, вполне был уверен в невинности Иисусовой из личных Ему допросов, из поступка с Ним Иродова, из важного предостережения женой, которая нарочно посыпала к нему, чтобы он решительно ничего не делал этому Праведнику: ничто же тебе, и Праведнику тому, потому, что она во сне много пострадала за Него: *много пострадах днесь во сне Его ради* (ст. 19); после сего даже сам страшился осудить в Иисусе или

Сына Божия, или какого великого Праведника, егда убо слыша Пилат сие слово (Ин. 19:7,8), т. е. обвинение Иудеями Иисуса в том, что Он называет себя Сыном Божиим (12), паче убояся, а посему и мыслил отпустить Его; и однако ж, не смотря на все сие, садится на судейское место, чтобы судить Иисуса; употребляет он и власть свою к защщению Иисуса. Но как? Ставит неповинного на ряду с разбойником. Употребляет и меру для возбуждения жалости к Иисусу. Но какую? Предает Праведника неистовству воинов, и дозволяет им так жестоко бить Его, что сей усердный защитник более ругался над неповинным Страдальцем, нежели старался о освобождении Его. Наконец, в знак неповинности своей в осуждении Неповинного, умывает руки свои пред народом. Но разве судии, помощи которого оставлен есть нищий и заступлению убогий, надлежало допускать очевидную несправедливость? Надлежало ли в своем собственность деле поступать, как бы вовсе в постороннем, и под благовидным предлогом невинности своей предавать истину неправде? Такими и подобными предлогами нам можно бы было оправдать себя и во всех неправдах. Где же будет святая ревность по истине, где любовь к человечеству? На него восстало все сонмище иудейское. Но если бы он и действительно не мог устоять один в защщении Неповинного против неистовой толпы, то мог бы с судилища правосудия возвзвать о помоши к друзьям и ревнителям истины, ибо не все пристали к совету и делу Иудеев; а если бы и не нашлось ни одного поборника по истине, надлежало бы пострадать за истину, или умереть вместе с истиной, а не выдавать истины. Но Пилат ничего такого не сделал. А почему? Потому что хотел хотение сотворить народу (Мк. 15:15); хотел лучше быть другом кесаревым, нежели другом Божиим: аще сего пустиши, неси друг кесарев (Ин. 10:12). За сие то слабый, человекоугодливый судия неправедно осужденным от Него Божественным Судиею, в виновности Богоубийства и поставлен рядом подле Иуды: сего ради предавый *Мя тебе болий грех имать*. О! избави нас, неповинно осужденный за нас, Господи, от Пилатова неправосудия, и от измены истине Твоей по примеру человекоугодия и раболепства его! Пусть здесь уже

сами себя судят начальники и князи, князи, по Пророку, общницы татем, любящии дары, гонящи воздаяние, сирым несудящии, и суду вдовиц невнимашущи (Исаии 1, 23). Пусть судят себя судии, пишущии лукавство, уклоняющии суд убогих, восхищающии суд нищих людей, коим вдовицы в расхищение и сироты в разграбление (10, 2).

Применим поступки Пилатовы к самим себе, и посмотрим, лучше ли мы поступаем Пилата при решительных случаях в защщении истины. Можно о многих из нас сказать, что мы любим истину, утешаемся истиной, желаем ее видеть в себе, желаем сообщить другим; в отзывах наших хвалим истину, и подвзывающих о истине. И вот доходит дело нам защищать истину пред людьми в неправедно гонимых, притесняемых, лишенных собственности, чести; или истину веры нашей против открытых презрителей веры. Что же? Мы с ревностью и сильными доказательствами защищаем веру нашу при состязаниях с разномыслящими; даем, по должности нашей, самые лучшие ответы, употребляем самые усердные просьбы в пользу невинных; подъемлем даже различные труды, беспокойства, огорчения, неудовольствия в ходатайстве о них. Но вот защщение истины становится затруднительным; дело доходит до угроз, до опасностей, до немилостей, до различных пожертвований имуществом, честью, до различных страданий и гонений за истину: тогда то и мы, подобно Пилату, ложным самооправданием и самоизвинением умываем руки пред народом, открыто говорим, что мы правы, что мы со своей стороны все сделали для защщения истины, и оставляем истину во власти гонителей ее; оставляем одного Иисуса терпеть страдания, идти на Голгофу, нести крест, оставляем Его и разбегаемся. А если и идем издалеча за страждущим Иисусом видети кончину: то, при первом судебном спросе, что и мы были с Иисусом Назарянином, что и мы из числа учеников Его, тотчас отрицаемся от Иисуса, говорим, что мы и не знаем, и не понимаем того, о чем нам говорят, что мы не знаем того человека, даже клянемся и божимся, что не знаем сего человека. И что ж это за любовь к Иисусу, – во время благоприятное веровать в Него, а во время напасти отпадать;

во дни славы Его, во дни спокойной и безбедной жизни нашей почитать Его Господом и Учителем нашим, а при гонениях ради Его и правды Его – оставлять Его и отмечаться от Него?

Не так поступали верные Христовы; они лучше хотели лишиться всех благ и самой жизни, нежели изменить истине Божией и Правде Христовой. Соглашали Пророка Михея вместе с лжепророками из человекаугодия прорицать в пользу царя Ахава: *се ныне вси Пророцы усты едиными глаголют добрая о царе, буди убо и ты в словесех твоих по словесем единого от сих и глаголи добрая.* Но Михей ответствовал: *жив Господь, яко яже речет Господь ко мне, сия возглаголю,* хотя знал, что за сие опять посадят его в темницу и будут кормить хлебом печальным и водою печальной (3Цар. 22:13. 14, 27). Спрашивает Навуходоносор в ярости и гневе Ананию, Азарию и Мисаила: аще во истину Седрах, Мисах и Авденаго, богом моим не служите, и телу златому, еже поставих, не покланяйтесь? И истинные Богочтецы небоязненно ответствуют: ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим, и телу златому, еже поставил еси, не кланяемся (Дан. 3:14. 18. 21), хотя знали, что за пренебрежение повеления царского уже огненная пещь готова для сожжения их. Запрещаюсь архиереи иудейские Апостолам проповедовать и учить о имени Христовом, и Апостолы ответствуют: аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите. Вот как говорят и действуют истинные ревнители и защитники истины Божией. Им угрожают за истину немилостью, гневом, казнью, – они ответствуют: истина Божия для нас столько же выше всего и драгоценнее, сколько выше и досточтимее всего Бог.

После сего ужели будем думать, что для нас достаточно исповедать открыто Христа и истину Его здесь посреди церкви и посреди братии наших; а в прочих случаях довольно не быть явными противниками истины? Что же будет с нами, если и нам прилучится среди страхов и опасностей свидетельствовать о Христе и истине Его, как свидетельствовали о Нем святые мученики и исповедники?

О! будем молить Божественного Страдальца, чтобы Он пощадил нашу слабость, избавил нас от тяжких искушений,

дабы к стыду и осуждению нашему не открылась нагота нашей неверности к Нему, и не оказалось, что мы только человекоугодники, а не рабы Христовы, исполняющие волю Божию от души, в простоте сердца, как пред Богом Сердцеведцем, и дабы за отречение от Него пред человеками, Он Сам не отрекся от нас пред Небесным Отцом и пред Ангелами Своими, когда приидет во славе Своей и Отчей и Святых Ангел.

Но мы повинны и всем Богоубийственным действиям, в пролитии крови Праведного сего. Посему все и каждый будем умолять Его с горькими слезами покаяния, да избавит нас и от сребролюбия Иудина, и злобы Иудейской и человекоугодливости Пилатовой: Он и предлежит ныне нам для очищения нашего. Только мы сами не поглумимся, непрестанно на тоже обращаться, да некогда вместе с Богоубийцами в туже притчу противления и погибели впадем, дабы, тогда как явится знамение Сына человеческого, уже уничиженного и обесславленного, но грядущего на облацах со славой и силой и узрит Его всяко око, и иже Его прободоша (Апок. 1:7), и нам не возвыдьтесь вместе со всеми коленами земными, если не очистимся от греха Богоубийственного.

А дабы очиститься от великого греха Богоубийства: то, всемерно распиная в себе страсти, будем в каждом постыдном требовании нашего корыстолюбия, сластолюбия и славолюбия слышать оный страшный предательский договор: что ми хощите дати, и аз вам предам Его, и, приводя сим в трепет самые страсти наши, будем смирять в себе всякое корыстолюбие и самоискательство примером нищеты и самоуничижения Христова, Который, богат сый, нас ради обнища, и в образе Божии сый, Себе умалил, зрак раба приим, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестной (Фил. 2:6–8). А в каждом гневном, мстительном и враждебном устремлении против ближнего нашего будем слышать оное ужасное иудейское исступление злобы: возьми, возьми, распни Его, и, обуздывая сим, горькое рвение сердца нашего, будем смягчать оное примером смирения и незлобия Христова, Который, терпя от грешников все возможные прекословия,

укоряем против неукояше, стражда не прещате: предаяше же судящему праведно (1Петр. 2:2. 3). Когда же необходимость потребует от нас стать за истину до крови, и человеческий страх, или человекоугодие будут преклонять нас к двоедушию против истины: то вспомним о Пилате, который из угождения народу отпустил Варавву, а Иисуса предал на распятие, вспомним по словам Псалмопевца, что Бог рассыплет кости человекоугодников (Пс. 52), и, как ученики истины, одушевимся в верности к истине, примером Спасителя нашего, воплощенной Истины, Который на то и родился, как Сам о Себе говорит, на то и пришел в мир, да свидетельствует истину (Ин. 18:37).

Христе, Спасителю наш, долготерпеливе приемый льстивое предание, неправедное осуждение, и поносное распятие и смерть! Даждь нам истинным исправлением очистить уста наши от льсти, руки от лихоимства, сердце от неправды, совесть от лукавства и двоедушия. Пусть мы повинны грехами нашими в пролитии бесценной Крови Твоей, Божественный Праведник. Но ради бесконечных заслуг Твоих, слезами сердечного покаяния, очисти нас от великого греха Богоубийства; и, как чающих единственно от Тебе спасения, сопричисли к лицу верных Твоих, очищенных бесценной Твоей кровью. Аминь.

38. Слово 2. О Божественном долготерпении Иисуса на кресте

*Аще Сын еси Божий, сниди со Креста.
(Мф. 27:40)*

Так ругались над Иисусом, распятым между двумя разбойниками и пригвожденным на кресте: ругался народ, во множестве пришедший за Иисусом от места судилища до места распятия; ругались первосвященники и книжники, также пришедшие за Иисусом на лобное место.

Чему же еще ругаются над Иисусом, отовсюду поруганным и уничиженным, – над Иисусом, кажется, всеми оставленным, оставленным не только учениками, от Него бежавшими, но, что всего паче, оставленным и от Отца Своего? Только и славы, только и утешения было у Иисуса между человеками на земли, что Он послан Отцом, творит волю Отца, любит Отца и любим от Отца; что Отец Его с Ним и неразлучен от Него (Ин. 16:32); удостоверял даже, что Отец Его в Нем и Он в Отце, и что Он едино есть со Отцом (17, 21). А теперь крепким воплем жалобы, еще в первый раз из уст Иисуса слышимой, теперь сам Иисус вопиет ко Отцу на кресте: Боже мой, Боже мой, вскую еси Мя оставил (Мф. 27:46). Чему же еще ругаются над Иисусом враги Иисусовы?

Ругаются тому, что собственно крестною смертью намеревались в Иисусе унижить и поругать; что по внешнему образу, казалось им, они уже и сделали, но верно еще не были уверены, сделали ль то самою вещю? Ругаются над распятым Иисусом тому, что в Распятом было выше разума их, сильнее могущества их, что было недоступно власти их, ругаются над Иисусом тайному, недоведомому, непостижимому, что во время жизни Его они ясно в Нем видели и не хотели разуметь; теперь не видят, но желали бы видеть, и хотят разуметь, словом: ругаются враги Иисусовы во Иисусе над достоинством Сына Божия, чего Он о Себе никогда не отрицал, и хотят, чтобы Распятый, как Сын Божий, с креста показал силу Божества

Своего и крепость могущественной власти Своей: аще Сын еси Божий, сниди со креста.

Кто же подъемлет на Иисуса ругательный вопль? Кто еще не насытил злобы своей над Иисусом, всеми, и внешними и внутренними обремененным страданиями, над Иисусом, не имеющим ни вида, ниже доброты, между землею и небом, висящим на древе проклятия, и Самим небесным Отцом оставленным? Ругаются над Иисусом народ и книжники, простые и разумные.

Часть 1. На Голгофе руганием зовут Иисуса сойти со креста

а) ПРОСТОЙ НАРОД ПО НЕВЕЖЕСТВУ.

Мимо ходящии же хуляху Его, повествует Св. Евангелист Матфей, покивающе главами своими, и глаголюще: разоряй церковь и трети деньми созидаай, спасися Сам: аще Сын еси Божий, сниди со креста. Так ругается над Иисусом простой народ. Конечно это толпа неблагодарных, из которых все недавно видели, а иные и на самих себе испытали Божественные благодеяния Иисусовы: толпа легкомысленных, которые недавно при входе Иисуса в Иерусалим, с победными знамениями сретая Его, яко Царя Израилева, восклицали: Осанна сыну Давидову (Мф. 21:9): благословен грядый Царь во имя Господне (Лук. 19:28); и еще прежде многократно искали силою восхитить и сделать Его Царем Своим (Ин. 6:15). А теперь неистово вопиют: Христос Царь Израилев да снидет ныне со креста, да видим и веру имем Ему (Мк. 15:32). Впрочем это толпа невежествующих, толпа, – орудие умышленных действователей, тех, которые незадолго пред сим на судищи архиереевом лжесвидетельствовали против Иисуса: мы слыхахом Его глаголюща, яко Аз разорю церковь сию рукотворенную, и трети деньми ину нерукотворенну созижду (Мк. 14:58). Как при осуждении на распятие злонамеренные наустили народ просить крестной смерти Иисусу (Мй. 27:21), так и здесь легкомысленные во след за подустителями начали издеваться над Распятым и неистовыми движениями: покивающе главами, и буйными восклицаниями: уа, – как описывает простонародный крик Евангелист Марк: Уа, разоряй церковь и трети деньми созидаай (Мк. 15:29). Но как народ делал сие более, но неведению, нежели по злобе, то более жалок и менее виновен; и Божественный Страдалец Сам на кресте молил небесного Отца Своего о прощении тех, которые сами не ведали, что делали. Отче! отпусти им: не ведят бо, что творят (Лук. 23:34).

б) ЗАКОННИКИ С УМЫСЛОМ ДЛЯ ПОСМЕЯНИЯ

Но вот слышатся смысленные ругатели. Такожде и архиерее, ругающиеся с книжники и старцы и фарисеи, глаголаю: иныя спасе, Себе ли не может спасти? Аще Царь Израилев есть; да снидет ныне со креста, и веруем в Него. Упова на Бога: да избавит ныне Его, аще хощет Ему. Рече бо, яко Божий есмь Сын. (Мф. 27:41–43). Здесь видно ругательство обдуманное. Эти ругатели точно видели опыты в жизни Иисусовой, что Он, спасал других, видели в Нем истинные знамения Мессии, Царя Израилева, видели безпределную преданность Его Богу, видели даже и особенное благоволение к Нему Божие, свидетельствованное делами и гласом свыше. Потому и поносят Иисуса самыми досточтимыми действиями Его, и к поношениям прилагают еще кощунство, потому что поносят пророчественными словами Псалмопевца: Упова на Бога, да избавит ныне Его, аще хощет Ему (Пс. 21:9). Но в то же время, как выражают чувство злобной радости, они объемлются и мучительным чувством тайной боязни и трепета, чтобы сей Распятый, пригвожденный ими ко кресту, не подвигся Своей силой, не воззрел на них очами Своими, чтобы не подвигнул рук и ног Своих и не сошел к ним со креста. Эти поносители тайно боялись силы Распятого; а потому после того, как солнце померкло, земля потряслась и камение распались, и они без сомнения, как и все пришедшие на позор сей, биющие перси своя (Лук. 23:48) возвращались с позорища. Они боялись силы Распятого Иисуса, даже и мертвого во гробе, когда просили Пилата и всячески старались печатями и стражею утвердить гроб (Мф. 27:63,66), особенно потому, что боялись силы Распятого, которую однако ж к несчастию своему самыми своими печатями и стражею только более дознали и засвидетельствовали.

Так первосвященники и книжники злословиями своими звали Иисуса со креста: аще Сын еси Божий, снidi со Креста, а сами трепетали, чтобы в самом деле, к ужасу, их не сошел Иисус со креста. Но, осудившие на крестную смерть Иисуса! вы, конечно, не хотите, чтобы Он сошел со креста! Не страшитесь же и не искушайте Иисуса: Иисус по долготерпению не сойдет теперь, к ужасу, вашему со креста.

Но в шумных кликах толпы слышится на Голгофе еще чей-то голос, дикий и ужасный, голос, злобно выражавший решительное желание, чтобы сошел Иисус со креста.

в) ДИАВОЛ В ЗЛОБЕ ДЛЯ ИСКУШЕНИЯ

Где же такой голос слышится? Слышится в том же шуме ругающейся толпы, и именно слышится в сих словах: аще Сын еси Божии, сниди со креста; слышится голос злорадный, зложелательный, голос, раздражающий, чтобы Иисус действительно подвигся Божественною Свою силою, как Богочеловек, как сын Вышнего, и сошел открыто со креста. Что действительно такой голос слышится, мы явственно отличим и обличим его.

Вспомним о искушении, бывшем после четырехдневного поста, выдержанного Иисусом в пустыне. Когда постився дний четырехдевят, и нощий четырехдевят, на последок Он взалкал: кто тогда приступил и говорил Ему: аще Сын еси Божий, рцы, да камение сие хлебы будут (Мф. 4:3)? Кто потом, поставив Его на крыле церковном, также говорил Ему: аще Сын еси Божии, верзися низу (6)? Говорил тогда искуситель, диавол, говорил великому Подвижнику, безгрешно совершившему необыкновенный подвиг воздержания до последнего предела возможности; а когда Он изнемог по человеческому естеству, то искуситель вызывал Его к нетерпеливому обнаружению Божественной силы Его, для собственного вспомоществования Своего. Не ясно ли, что и на Голгофе тот же искуситель, тот же лютый змей, диавол, только устами орудий своих говорит: аще Сын еси Божий, сниди со креста.

Что же он такое говорит? И к чему Распятого на кресте своими адскими, раздражительными подстреканиями вызывает? Вызывает к ужасному делу. Вызывает всемирного Страдальца, по человеческому естеству, за весь греховный мир, всем пламенем непреложного правосудия Божия всесожигаемого, вызывает ругательством явить всемощную силу к избавлению потопляемого в бездне мучений Своего человечества.

Чего же искуситель желал от Христа, когда адским воплем вызывал: аще Сын еси Божий, сниди со креста? Желал

ужасного! Это была решительная минута, когда область темная (Лук. 22:53) долженствовала быть в конец разрушена в самой преисподней снисшествием Сына Божия во ад и освобождением узников от вечных оков. И так среди крестных страданий Богочеловека, среди крайнего унижения, покрывавшего Божественное достоинство лица Его, диавол мнил еще нечто успеть (Ин. 16:30) злочитренностью искушений своих, а потому посредством орудий своих всею едкостью ругательств раздражал, уязвлял, поражал Божественного Страдальца: *аще Сын еси Божий, сниди со креста.*

Ужели действительно желал искуситель, чтобы Христос сошел со креста? А если бы и сошел, то ужели бы сошел на радость ему? Если бы разгневанный Иисус сошел со креста, тогда расточились бы от лица Его враги Его, исчезли бы, яко дым, истаяли бы, яко воск от лица огня. Но что же было бы тогда? О! тогда было бы торжество диаволу! Сын Божий, сошедши с креста Своим Богочеловечеством, спас бы только свое личное человечество, спас бы только человека-Иисуса, а все прочее – свое бедное, падшее, под державою греха стенящее и под владычеством смерти держимое человечество оставил в грехе, в осуждении, в смерти, в вечной погибели.

Что же было бы тогда с нами грешниками, падшими и непрестанно падающими, тлеющими и умирающими человеками?

Ах нет! Спасителю наш, Господи, Иисусе Сыне Божий! Не сходи со креста! Мы веруем в Тебя от всего сердца нашего; веруем, что Ты Сын Бога живого, пришедший в мир грешный спасти, и спасти именно крестом, крестными страданиями, крестною смертью, потом погребением и тридневным воскресением. И так пребуди Божественным долготерпением Твоим недвижим, непоколебим, непреложен на кресте; пребуди в бесконечных очистительных страданиях Твоих за нас, грешных рабов Твоих, за Твое падшее, растленное, но на Тебя уповающее и от Тебя чающее спасения создание Твое.

Часть 2. Божественность долготерпения Иисусова на кресте

Но, слава Тебе, Божественному Другу и верному до смерти Посетителю и Спасителю душ наших Ты Божественным долготерпением Твоим на кресте безмолвию, а по воскресении Сам явственным удостовериением возлаголал к неизглаголанному утешению нашему: яко тако писано ест, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути от мертвых в третий день (Лук. 24:46).

И так, прочь лукавый сатана с твоими соблазнительными искушениями! Прочь, дух омраченный! Ты вознепещевал беззаконие, что Сын Вышнего будет подобен тебе. Ты не мыслишь Божие, и даже человеческое, но мыслишь диавольское (Мф. 16:23). Забудет ли Бог благость Свою? Оставит ли Всеблагий милосердие Свое? Изменит ли Неизменный долготерпение свое, и оставит ли поползшееся лютым наветом твоим человеческое естество в грехе и погибели? Прочь дух отверженный! Сын Божий не снидет со креста. Не для себя Сын Божий снисходил на землю; не для Себя страданиями восходил на крест, не Свое содельвал спасение на кресте, но сходил на землю, и на крест нашего ради спасения, и нашего ради спасения подобало Ему умереть на кресте, потом сняту быть со креста; за сим в третий день Божественною силою Свою воскреснуть и по четыредесяти дней победоносного воскресения и светоносного пребывания Своего на земли, взыти со славою на небо во славу Свою. (Лук. 24:26, 46).

Да рассыплются козни демонские крестною силою! Не снидет Сын Божий со креста. Не яко человек Бог колеблется, ниже яко сын человеческий изменяется: *той глаголаше, не сотворит ли? речет не пребудет ли* (Числ. 23:19)? А Он рек из книги судеб предвечного совета Отца Своего: яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути от мертвых в третий день.

Велия Твоя милость и долготерпение на нас, Сыне Отца небесного, Господи Иисусе Христе! Ты сошел на землю ради нас, истощил Себя ради нас, смирил Себя до смерти, смерти же крестной ради нас, всего Себя на крестном жертвеннике принес Богу Отцу во всесожжение за нас, дабы быть Агнцем, выну закалаемым за нас; быть очистительною жертвою, выну приносимою за грехи наши, быть во гробе для оживления нашего, нисходит в преисподнюю для изведения нас от плена адова, выну быть нашим воскресением от растления, непрестанно умерщвляющего нас; быть выну нашим миром для примирения нас с Богом, выну быть нашим Ходатаем для приближения нас к престолу благодати; словом: Ты и вчера и днесь и до скончания века на кресте, за нас, чтобы спасать крестом лежащий во зле, мир и всех нас. (Ин. 5:19).

Вот почему ныне толико прелюбезен, толико превожден крест Христов, что Он есть непобедимое оружие мира, что на Нем бесконечным долготерпением Сына Божия побеждена сила вражья, и мы приведены в свободу славы чад Божиих.

Часть 3. Спасительность терпеливого несения креста

Посему крест, как древо всемирной жизни против древа всеродной смерти, как жезл крепости против врагов, как оружие очищения против грехов, как путь спасения, возводящий к небеси, оставлен всем нам от Христа в непременное наследие, дабы и мы к неистощимой полноте долготерпения Сына Божия, явленного на кресте во спасение наше, прилагали посильное терпение от собственной нашей немощи и лишения, и терпением стяжевали души наши во спасение.

Напечатлеем в наших умах и сердцах и во всем существе нашем слово крепкой, пламенной, неотпадающей любви ко кресту, чтобы разуметь силу креста, необходимость нести крест, и в силе Христовой всемерно побеждать врага нашего крестом, чтобы и нам, при встречающихся противностях, при потерях и лишениях, при скорбях и страданиях, при обольщении и искушениях, великих и малых, внутренних и внешних, от своих и от чуждых, чтобы и нам не сходить терпением со креста. Доколе мы терпением при кресте и у креста, дотоле мы сильны против страстей, крепки против искушений, непоколебимы против соблазнов. Когда сластолюбие манит нас пресыщением, сладострастие воспламеняет похотью, ярость и гнев устремляет к мщению, самолюбие напыщает гордостью, любостяжание влечет к хищению и злоприобретению: вспомним тогда о кресте, и с Сыном Божиим пребудем терпением на кресте, и прелесть исчезнет, наваждение бесовское рассыплется. Что во славу Христа стерпим, что перенесем, в чем себе откажем, чего себя лишим, то и благо для нас; тогда мы недалеки от Христа, тогда при кресте и у креста Его; тогда искуситель борет, смущает, волнует, но не прикасается нас; и когда мы остаемся при кресте, когда не исполняем плотского хотения своего, отказываем в удовлетворении греховной воли своей: тогда диавол бежит от нас, и Христос приближается к нам. Так сила и крепость наша, защищение и спасение, мир, и безопасность, жизнь и блаженство в кресте, в кресте, мужественном несении

противностей, в твердом терпении злоключений, в неослабном отвержении льсти похотей и страстей. Будем же помнить, чтобы ни в тяжких искушениях, ни в обольстительных наветах и подстреканиях не сходить терпением со креста.

Когда силою Христовою будем укрепляться в терпении против искушений, и раболепством страстям, покорством похотям не будем сходить со креста: тогда мы, как сынове Вышнего, победим врага, воскреснем от греха, будем преходить путем жизни непреткновенно среди сетей мира и греха, и наконец в след за Божественным Подвигоположником креста войдем во славу Его путем креста. Аминь.

39. Слово 3. О снятии со креста и погребении тела Иисусова

И уже позде бывшу, (понеже бе пяток, еже есть к субботе) прииде Иосиф, иже от Аримафея, благообразен советник, иже и той бе чая царствия Божия: дерзнув вниде к Пилату, и проси тела Иисусова.

(Мк. 15:42,43).

Вечер великого пятка представляет нам умилительные для христианского чувства подвиги Иосифа и Никодима, прежде потаенных учеников Иисусовых, а в это время, когда всеми оставлен был умиравший и в мучительных страданиях умерший на кресте Иисус, они, одушевленные любовью к Божественному Страдальцу, открыто явили себя достойными учениками и преданнейшими чтителями Еgo.

В священном чине Церкви воспоминая о искупительной смерти и погребений Спасителя нашего, мы ныне, как будто на самой Голгофе, среди сердечной скорби вкупе с Иосифом и Никодимом совершаем снятие со креста и погребение тела Иисусова; с тем вместе прославляем и христианские подвиги этих святых, праведных мужей, совершивших приснопамятное дело благочестия для всей христианской Церкви.

Как, после жестокого сражения и кровопролитной победы над лютым врагом, и самым царем и его верными соучастниками все мужественно сражавшиеся изыскиваются для достойной награды, а в особенности увенчиваются честью те из подвижников, которые на поприще кровавых подвигов царя явили преимущественную доблесть, и особенно послужили к величию торжества. Так и после великого сражения Царя славы, Христа с исконным врагом за спасение всего мира, особенно почтены славой те, которые среди самого смертельного поражения всеми оставленного Царя, явились подле Царя, собрали, сокрушенные крепкими ударами, доспехи Его, восприяли в свои объятия кровавой борьбой утомленного, и мирно упокоили преклоненного смертным сном бессмертного Царя.

И таковыми подвижниками во время искупительных страданий Спасителя мира явили себя благообразный Иосиф и Никодим.

Почтим приснопамятных и присноблаженных кратким изложением христианского доблестного их подвига, которого никогда по достоянию восхвалить невозможно.

По истине крестные страдания и смерть Спасителя суть не что иное, как великое сражение с исконным врагом Бога и человека. В этом сражении единородный Сын Божий, Богочеловек, по вечному определению Бога Отца исшедшем на всемирное поприще искупления грехов всего человечества, обремененный всеродным крестом человеческих преступлений, испил горчайшую чашу правосудия Божия, истощил на себе, все адские стрелы злобы преисподней, и подвизался на всеродном кресте до пролития крови и поносной смерти крестной.

По советам Божественной благости, долготерпения и любви предав Себя торжеству злобы человеческой и ярости князя тьмы, положил душу Свою за спасение мира, дабы паки восприять ее для оживления умерших во грехах, и уснул сном смертным на кресте, яко лев. В минуту могущественной – животворящей смерти Его, когда завеса церковная раздралась на двое от вышнего края до нижнего, солнце померкло, земля потряслась, камение распались, многие умершие восстали из гробов, и враги Его, видимые и невидимые расточились. Он один подвизался на поприще очищения грехов, один пил чашу гнева Божия, один и на Голгофе остался, как победитель греха, смерти и ада. Так, – Он победит неблагодарность и злобу долготерпением благости и любви; но в этой Божественной победе истощенный до обнажения, оставленный Небесным Отцом, поруганный человеками, напоенный желчию всякой горечи; остался на поле брани распятым между злодеями яко злодей, вися между землею и небом, как предмет небесного и земного проклятия. Враги со злобою и ожесточением вознесли на крест Иисуса, с поруганием звали сойти со креста Иисуса. Он не подвигся с креста долготерпением. Кто же снимет со креста Иисуса? Ужели Иисус руками врагов, бесчестно вознесенный на

крест, руками же врагов презренно должен быть и свержен с древа крестного? Нет!

Кто же поруганного, пригвожденного ко кресту Иисуса благоговейно снимет с поносного креста. Двенадцать Его учеников, близкие Его, искренние Его, всюду за Ним следовавшие, непрестанно Его окружавшие, впрочем, люди слабые, бессильные, при первом взятии Его, в страхе от человеческой власти, подобно овцам, разбежались. Когда вели Его на пропятие, многие благочестивые, сострадательные жены с горькими слезами и плачем сопровождали Его: но все участие их одними слезами и кончилось. Теперь при самом кресте Распятого стоят только пронзенная оружием скорби Матерь Его с одной, любимый ученик с другой стороны, пригвожденные одна с Сыном, другой с возлюбленным Учителем ко кресту горестью; слышат из уст Его последнюю волю Его о них, принимают последнее дыхание Его. И оставленный Богом и человеками Иисус умер на кресте в тяжких мучениях.

Кто же среди всеобщего оставления вспомнит висящего на кресте между двумя разбойниками Иисуса? Кто руками преданности и прикосновением любви снимет Его с поносного креста?

Вот уже настал вечер, вечер пятка пред субботою, пред днем пасхи. Дабы не остались тела распятых на кресте в самую субботу, в первый день пасхи, дабы не осквернить тем великого дня пасхи, Иудеи просили Пилата ускорить смерть распятых, — перебить у них голени и снять со креста. Пришли воины и у первого перебили голени и у другого распятого со Иисусом. Но подойдя к Иисусу, и увидев, что Он умер, не перебили у Него голеней, а один из воинов пронзил Его копием в бок; и вдруг потекла кровь и вода. После того двоих умерших злодеев начинают уже бесчестно совлекать со крестов. Не та ли же участь угрожает и Иисусу?

Не страшимся. Иисус, и на кресте умерший, не без друзей. Открытые друзья Его, — ученики в страхе разбежались от Него. Но вот в важные, решительные минуты являются неустрашимо для действия прежде тайные ученики, — это Иосиф и Никодим, они вступаются за умершего Иисуса. И уже позде бывшу, —

прииде Иосиф, иже от Аримафея, благообразен советник, — дерзнув вниде к Пилату, и проси телесе Иисусова. Так — в это время, когда и Иисусу наравне с двумя распятыми разбойниками угрожало бесчестное снятие со креста, приходит Иосиф Аримафейский, благообразный, знаменитый между Иудеями советник, тайный ученик Иисусов и просит Пилата, чтобы позволил снять тело Иисусово.

Каков был Иосиф Аримафейский, повествования Евангелистов дают нам ясное о нем понятие: Евангелист Матфей называет его человеком богатым (26, 27), Лука мужем благим и праведным (23, 50), Марк, благообразным, — знаменитым, почтенным советником великого синедриона, верховного совета иудейского; все называют его тайным учеником Иисусовым, который чаял царствия Божия т.е. взирал на Иисуса, как на Посланника небесного, как на Мессию, Которым должно открыться Царствие Божие, но из страха Иудеев скрывал свою преданность к Иисусу. Этот то человек, знаменитый по своему состоянию и званию, почтенный по его благоразумию, а еще более по его честности и добродетелям, и без сомнения уважаемый самим Пилатом, этот доселе потаенный ученик Иисусов из страха Иудеев, Иосиф Аримафейский является открытым другом и защитником умершего Иисуса, является вместе с Никодимом; а Никодим был из числа князей, начальников иудейского синедриона, верховного судилища, и также был потаенный ученик Иисусов. В один, раз он приходил ночью ко Иисусу, имел с Ним важную беседу о духовном возрождении, и о перемене веры в обетованного на веру в пришедшего Мессию (Ин. 3). Послушавши однажды Иисуса, без сомнения навсегда предался Божественному учению Его и вере в Него; не показывал себя явным последователем Иисуса из страха фарисеев, дабы не быть отлученным от сонмища (12, 42), но и не был равнодушен, когда видел открытую неправду и неправедное гонение на Праведника (7, 50. 51). Эти двое потаенные ученики и сокровенные последователи Иисусовы, один знаменитый советник, другой из числа начальников синагоги, не приставали к Богопротивному иудейскому совету осуждения и

Богоубийственному делу распятия Иисуса, но и не предпринимали никаких мер против сонмища иудейского. В злобе и неистовстве начальники Иудейские действовали судебным порядком против Иисуса. Посему не было возможности устоять против неистовства раздраженной власти. Однако ж они все наблюдали, все видели, о всем, что ни происходило по несправедливому определению архиереев, но человекоугодливому суду Пилата, осведомлялись, и наконец узнали, что Святой неповинный крестоносец, вознесенный на крест между злодеями, умер; но в ту минуту, как Он с необыкновенно сильным, подобно грому, все поколебавшим гласом испустил последнее дыхание Свое, солнце померкло, земля потряслась, множество восстало мертвых из гробов (27, 51). Все это они видели; пронзенные горестью, но вполне чувствуя всю важность происходившего, они в эти нетерпевшие медленности минуты отвергают страх, забывают неприличие, не знают опасности, и вступаются за оставленного всеми Иисуса. Без сомнения по взаимному согласию с Никодимом Иосиф идет к Пилату, идет, одушевившись бодростью, Дерзнув, как сказано у Евангелиста, вниде к Пилату.

Чего же было страшиться? Как было и не страшиться Иосифу ходатайствовать за Иисуса в таком плачевном состоянии? Если он боялся быть открытым учеником Иисуса, Иисуса великого Пророка, Учителя Израилева, небесного Посланника и общего благодетеля бедствующих: то, как не бояться открыто показать себя учеником и последователем Иисуса, всенародным судом от иудейских начальников на позорную смерть осужденного, как богохульника и возмутителя общественного покоя? Если и прежде, когда Иисус был в любви и уважении у народа, было запрещено Иудеями отнюдь не признавать Его за Христа, под страхом отлучения от синагоги: то чего было ожидать от них за приверженность ко Иисусу теперь, когда они осудили Его, как церковного и гражданского преступника? И при получении дозволения от Пилата снять тело Иисусово, что могло обещать это, хотя само по себе благотворное действие, при тогдашнем состоянии мрака и ужаса, кроме обнаружения бесполезного сострадания? Но

никакие страхи и опасения не поколебали Иосифа в благом дерзновении испросить у Пилата тело Иисусово.

И подлинно Иосиф с полным дерзновением просил у Пилата тела Иисусова, и много имел непререкаемых причин к убеждению Пилата. Позволь, просил он благодерзновенно Пилата, позволь мне, почтенный правитель, снят с креста тело Иисусово. Тебе самому известно, что Его предали тебе на осуждение из зависти (Мф. 27:18); ты сам открыто говорил на судилище против обвинителей, что не находишь в Нем никакой вины (Ин. 18:38. 19:6); известно и то, что в самое судилище присыпала к тебе жена твоя сказать, чтобы ты ничего не делал этому праведнику, из-за неповинных страданий Которого она целую ночь мучима была ужасными сновидениями (Мф. 27:19). А хотя ты и уступил буйному волнению ожесточенных врагов Его; но ты пред самым осуждением, всенародно признав невинным Его, умыл руки свои во свидетельство неповинности твоей в крови праведника, и слышал, как весь народ в один голос снимал на себя всю ответственность: кровь Его на нас и на чадах наших (24:23). После таких важных причин Иосиф со всею силою мог переменить голос судебного убеждения на голос трогательного прошения, и, по песенному гласу Церкви, представ пред Пилата, он так жалостно, так плачевно просил у Пилата Живота всех: «*даждь ми сего Странного, Который не имеет где главы подклонить; даждь ми сего Странного, Его же ученик лукавый на смерть предаде; даждь ми сего Странного, Его же матери зрящи на кресте висяща рыдающи вопиет и матерски восклицает: Увы мне, чадо мое! Увы мне, свете мои и утроба моя возлюбленная!*».

Пилат, который не был личным врагом Иисуса и чувствовал всю невинность Иисусову, теперь как бы в заглаждение своей несправедливости с Ним, спешил исполнить прошение Иосифа; спросив с удивлением, ужели уже Он умер, – и узнав от сотника, что умер, он благоволительно изъявил Иосифу согласие на снятие со креста тела Иисусова.

Когда Иосиф получил позволение снять тело Иисусово со креста: то вместе с Никодимом, другом и споспешником своим, который, в уверенности о успехе ходатайства Иосифова,

ожидал его на Голгофе, принесши с собою множество мира и ароматов для помазания тела Иисусова, преисполненные чувствованиями любви и сердечного болезнования приступили к священному делу снятия со креста бездыханного, но живоносного, нетленного тела Иисусова. Приставив ко кресту лестницу, прежде всего снимают терновый венец с Божественной, пронзенной и окровавленной главы, потом исторгают гвозди из пречистых рук, исторгают гвозди из пречистых ног; за тем пребожественное тело облагают чистою, тонкою плащаницею и обвитое плащаницею, орошенною ароматами, вземлют благоговейно на руки, с любовью и болезнью сердца приемлют в объятия свои. Не нужно говорить, с какою священною благопспешностью, с каким внутренним утешением эти благочестивые мужи совершили пребожественное снятие со креста тела Иисусова! Но нельзя умолчать о том, какие сладостные песни изливались из их сокрушенных сердец, из их Богомудрых устен! Но исторжении гвоздей из пречистых рук и ног, когда они обвили чистою плащаницею и умастили благовонными мирами пречистое тело Иисусово: тогда предались всем скорбным чувствованиям священного сетования, какое любовь и благоговение ко Иисусу могли внушать им. Увы мне, сладчайший Иисусе, влагает св. Церковь в уста Иосифу благосердый, сердобольный плачь, каковой он вместе с Никодимом восприял над одеющимся светом, яко ризою, по снятии со креста пречистого тела Его; увы мне, сладчайший Иисусе: коль скоро солнце увидело Тебя на кресте висящим, обложилось мраком, земля страхом колебалась, церковная завеса раздралась. Вижу, ясно вижу, что Ты для меня добровольно подъемлешь смерть. Как я погребу Тебя, Боже мой? Какою плащаницею обвию? Какими руками прикоснуся к нетленному Твоему телу? Какие песни воспою в честь кончины Твоей, Божественный Благодетель? Величая Твои страдания, песнословя погребение, могу только славить Тебя Тобою Самим.

Когда Благообразный с Никодимом в сладостном умилении сердец занимались Божественным делом снятия со креста тела Иисусова, вземля подлинно райский плод с древа крестного,

как с древа жизни, и приемля обвитого плащаницею в объятия свои, как Царя с престола, как победителя с торжественной колесницы: тогда, открыв свободный доступ приблизиться к Иисусу приближенным Иисуса, стоявшим при кресте Его, пронзенной оружием скорби Матери Его, сестре Матери Его, Марии Клеоповой, Марии Магдалине, еще другой Марии и возлюбленному ученику, открыли и сердца их к свободному излиянию болезненных рыданий. Стесняемые страхом врагов Иисусовых в самой горести своей, они теперь вполне предались скорбным чувствованиям сердца, и потоками горячих слез, среди пламенных объятий тела Иисусова, как многоценным миром орошали и умащали оное. Голгофа, страшное место казни, где обыкновенно раздавались проклятия умиравших в тяжких муках преступников, Голгофа сделалась теперь священным местом Боголепного плача и оглашалась чистейшими гласами сетующих о Иисусе друзей Иисусовых, с которыми совокупно пели надгробную песнь Живодавцу и Ангелы.

По обвитии тела Иисусова чистою, благовониями намащеною плащаницею, Иосиф и Никодим в сопровождении рыдающих соучастниц погребения, с боголепным плачем и священным сетованием перенесли пречистое тело на раменах своих, как на престоле херувимском, в находившийся близь Голгофы сад, принадлежавший Иосифу. Там у Иосифа был высечен для себя в каменной горе новый гроб, в котором никто до того времени не был положен (Лук. 23:53). Гроб был на подобие погребальной храмины; имел вход и двери, которыми можно была входить. В этом-то покоище, как в царском чертоге, благовеино положили тело Иисусово. Положив во гробе, обложили Его принесенными Никодимом во множестве драгоценными ароматами. Ароматы, составленные из лучших частей смирны и алоя в количестве ста фунтов при их множестве, крепости и доброте, производили сильное благоухание и далеко распространяли оное. Ими покрыто и обложено было все тело Иисусово в знамение безпределной любви и благовения к Иисусу, как к источнику жизни,

источавшему благоухание спасения, дабы проникнутое вонями тело Иисусово пребывало непричастно вони тления.

Так Живот всех, руками беззаконных вознесенный на крест и умерщвленный для спасения всех, праведными и непорочными руками Иосифа и Никодима со креста снят, слезами священной скорби орошен и облитый в множестве благовонными мирами и ароматами, во гробе для всеобщей жизни и бессмертия с верою и любовью положен.

Какое блаженство быть учеником и последователем висящего на кресте, всеми оставленного Иисуса, благоветъ пред Ним в самом глубоком уничижении Его, употреблять и силу и богатство и труд в защиту Его при общем поношении Его! И таковой достославный подвиг показали в снятии со креста и погребении тела Иисусова подлинно благообразный Иосиф и приснопамятный Никодим!

Ублажая присноблаженных Иосифа и Никодима, будем по возможности и сами подражать им в святом дерзновении представительствовать за униженного Христа в лице меньшей братии Его, представительствовать за несчастных, осужденных, лишенных помощи, озлобленных, гонимых. Будем подражать приснопамятным в снятии со креста тела Иисусова посещением в духе христианского сострадания темниц и заключенных в темницах, посещением жилищ бедности, болезни, безродства, вообще домов плача и печали, также как виталищ раздора, вражды, смятений, и, по мере возможности и сил наших, являть отраду бедствующим, утешение страждущим, приносить мир и успокоение не имеющим мира и покоя. Таковыми действиями защищения невинности против угнетения, вспомоществования бедности, миротворения раздоров и несогласия, всего лучше мы можем подражать приснопамятным, и подобно им обвивать чистою плащаницею и облагать мирами тело Иисусово.

Будем в духе священной скорби и печали посещать и места погребения умерших, гробы усопших отцов, братии и близких наших чтобы там сетовать о грехах наших. И где вы лучше можем утишат наши страсти, воспоминать свою бренность, и скоротечность жизни, учиться незлобию, терпению, отрешению от житейского, учиться жит для Бога и спасения души, чтобы и

умереть во Христе, как не у гроба Иисусова, как не при могилах умерших братий и близких, подобострастным нам человеков?

При внутреннем плаче о себе и грехах своих, при сердечном участии в печали и сетовании скорбящих и плачущих, и мы с праведным Иосифом и Никодимом и с святыми мироносицами сподобимся услышат сладостный глас воскресшего из мертвых Господа: радуйтесь. Аминь.

40. Слово 4. О виновности нашей (и ныне) в страданиях Христовых

Сей грехи наши носит, и о нас болезнует (Ис. 53:4).

Когда ни представляется святой Церковью это, сколько величественное, столько же печальное зрелище страданий Богочеловека, всегда представляется пред взоры наши с такой поразительной силой, что потрясает всю внутренность, нашу неизъяснимым чувством священной скорби и болезнования.

От чего же священная скорбь объемлет сердца наши при взоре и на один образ страданий Богочеловека? Конечно и от скорбного помышления о буйстве и жестокосердии человеческом, что Свидетель Небесной истины, Который на то родился, и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине (Ин. 18:38), обвинен в мире, как обольститель и лжец (7:12); что Божественный Праведник, Который греха не сотворил, и во устах Которого не было льсти (1Пет. 2:22), как беззаконник, неправедно осужден; что Благодетель человечества, Который ходил, благодетельствуя и исцеляя насилованных от диавола (Деян. 10:38), умерщвлен как злодей, (Ин. 18:30); что Святый Божий, агнец кроткий, Который и тогда, когда веден был на заклание, быль как овча против стригущего его безгласен, бесчеловечно распят и ко кресту пригвожден. Подлинно при помышлении о невинных страданиях Богочеловека, и о великой злобе человеческой не можно не исполниться слез и сетования. Но сии помышления не объемлют всей глубины печали, которая пригвождает нас скорбью к зрелищу страданий Богочеловека.

Что же так крепко, так могущественно связует нас священной печалью со страданиями Богочеловека? Связует внутренний – сокровенный союз безпределной Его к нам любви, тот Божественный союз, что Он, истощив Себе ради нас, грехи наши носит и о нас болезнует, что мы вменихом Его быти в труде, и в язве от Бога и озлоблении, что Он язвен бысть за грехи наши и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира

нашего на нем (Ис. 53:45). Вот истинная причина сердечной скорби нашей при взоре на страдания Богочеловека! Он страждёт за нас, страждёт за наши неправды, за наши грехи. Можно ли нам не страдать, не скорбеть с страждущим за нас Богочеловеком? Сей грехи наши носит и о нас болезнует.

Но ужели Божественный Страдалец и доселе грехи наши носит и о нас болезнует? Ужели и после победы над грехом и смертью распинается, и по восприятии власти над небом и землей страждёт, и по восшествии на небо в мертвцах вменяется, и после торжественного воцарения над горой Сионом безчестуется? Но прикоснется ли какое неистовое устремление до Неприкосновенного и существом и славой и могуществом?

Что же значит сие величественное и вкупе печальное зрелище страданий Богочеловека? Ужели святая Церковь для одного токмо воспоминания представляет нам сии погребальные знамения здимого в мертвцах и повитого плащикницей Иисуса? Нет! Она истинно сетует и скорбит о Иисусе, истинно состраждёт, сраспинается со Иисусом, и это для того, дабы и мы сетовали и скорбели, и мы сострадали и сраспинались Иисусу.

Убо и ныне носит грехи наши, и ныне несет за нас крест, подъемлет о нас подвиги, труды, болезни, сладчайший Спасителе наш!

Подумаем о сем пред страждущим и вкупе преславно владычествующим Иисусом, и поскорбим, посетуем, горько посетуем о том, что мы и ныне виной болезненного несения грехов наших Спасителем нашим.

Дело спасения нашего Сыном Божиим вне нас совершено. Но оно в силе и действии должно открыться в нас силой Духа Христова. Спаситель наш хотя с Божественной силой возшел на небо, возшел, как Господ неба и земли, как Победитель греха и смерти, как Искупитель всех человеков, но вкупе возшел к Отцу Своему и как Ходатай наш, как Очиститель грехов наших, как Глава наша. У этой Божественной Главы мы, искупленные Им люди, как худые и болезненные, рассеянные и расточенные члены, восприятые Им в благодатное наследие, остаемся на

земли, которых Он поручился Отцу Своему с высоты небес силой Духа Святого Своего отовсюду благовествованием в Церковь Свою собирать, словом истины просвещать, из чад греха и осуждения в чад веры и послушания обращать, очистительным путем креста по следам Своим от земли на небо возводить, и на престоле славы Своей с Собою посадить.

Помыслим же, сколько у Спасителя нашего с нами труда, с нами призванными в веру, и неверными, приводимыми в послушание, и непослушными, исполняемыми благодатью, и безблагодатными, и от безблагодатности и к самому Божественному Благодетелю душ наших неблагодарными? Божественный Посетитель душ наших непрестанно зовет нас к Себе гласом истины, и мы не слушаем; влечет нас благодатью Своей, и мы противимся; преследует нас любовью Своей, и мы отвергаем любовь Его для любви мира. Посреди сего непрестанного призыва и непослушания, влечения и противления, преследования любовью и отвержения Божественной любви любовью мира, не носит ли Спаситель грехов наших? Не болезнует ли о нас, когда мы непрестанно даем ему труды, язвы, озлобления?

По истине Спаситель и ныне носит грехи наши, носит как Ходатай наш, как Очиститель грехов наших, как Глава наша. Носит Спаситель грехи наши, как Ходатай наш. Ходатая имамы к Отцу Иисуса Христа Праведника (1Ин. 2:1).

В чем состоит дело Ходатая? Ходатай есть посредник между двумя разъединенными сторонами, между высшей, которая, быв раздражена от низшей, служебной, кроме отъятия от виновных благ, требует себе в удовлетворение суда и казни их; и между низшей, виновной, от виновности своей бедствующей, и по самому бедственному состоянию требующей милости и прощения. Ходатай, будучи доступен и к величию стороны оскорбленной, но также близок состраданием и соучасием и к бедственной участи стороны виновной, приемлет на себя сердобольный труд, умолять разгневанную правду о растворении суда милостью к достойным казни, но в чувстве виновности единственно от милосердия чающим помилования себе.

Как же ходатай виновных предстает перед лицом ими оскорбленное? Предстоя в лицо виновных, поставляет себя во всех отношениях в состояние их. Те виновны, он усвояет себе вину их; те преступны, он вземлет на себя преступление их; с благодерзновением умоляет за виновных, когда обретает что к защите их; повергается вкупе с ними в милосердие оскорбленной правды, когда ничего не находит к оправданию их. Так обыкновенно ходатайствуют люди перед человеками за людей.

Также и Богочеловек ходатайствует о нас перед Богом Отцом! И Он также является за нас лицу Божию в лице нашем, также поставляет Себя в состояние наше. Или паче: кто мог быть таким Искупителем нашим на земли, как Иисус? Кто может быть таким и Ходатаем о нас на небеси, как Ходатай Бога и человеков Иисус? Искушенный по всяческим по подобию разве греха, и ведущий всю немощь человеческого естества, Он Един ведает, как и искушаемым помощи. Предстоя о нас Богу Отцу с бесконечными Своими заслугами, и Своим всемогуществом врачуя наше немощное, полнотой благодати Своей восполняя оскудевающее, Он ведает нашу немощь преображать в крепость заслуг Своих, нашу скудость препоясывать силою добродетелей Своих. Ходатая имамы к Отцу Иисуса Христа праведника.

Нося грехи наши, как Ходатай наш, Спаситель носит оные, как Очиститель грехов наших и всего мира. И той есть очищение о грехах наших, не наших же точию, но и всего мира (1Ин. 2:12).

Силен, доступен к престолу благодати Ходатай наш. Ибо и Сам на престоле славы восседает одесную Бога Отца, и ходатайствует о нас. Но не легко и ходатайствовать за человеков перед правосудием Божиим даже Богу. Бог есть свет и тьмы в нем нет ни единой (1Ин. 1:5). Очи Его тьмами тем светлейший солнца суть. Он ненавидит беззакония, не приселится к Нему лукавый, ниже пребудут беззаконницы перед очами Его (Пс. 5:4. 5). Таков же и Сам Ходатай наш. Хотя Он до беспредельности любить грешников, которых снисшел с высоты престола Отца Своего взыскать и спасти, и за которых, как за друзей и душу Свою положил: но любит грешников кающихся и исправляющихся. Каковы же те, за которых Он ходатайствует, и

которых оправдывает Своим ходатайством? Не нужно говорить, что это все без исключения грешники. Но какие грешники? Такие грешники, которые ни помыслить, ни пожелать сами по себе неспособны что-либо доброе кроме злого, которые так удобопополновенны и преклонны на зло, так способны раздражат и раздражаться, что Божественным Ходатаем, ведущим немощь нашего естества, велено нам друг другу прощать во взаимных огорчениях до семьдесят крат седмицею.

Если же Ходатай наш нам – нетерпеливым, гневливым, раздражительным – повелел терпеть, сносит, прощать ближним нашим до семьдесят крат седмицею: то мы не можем и представит себе меры долготы, глубины, высоты и широты долготерпения Его к нам. Одна для сего безпределная мера, – неизмеримое богатство благости и милосердия Его к нам грешным.

И так хотя Иисус на небесном жертвеннике пред Отцом Своим очищает грехи наши не таким уже жертвоприношением, какое совершил за нас на земли, – не линянием вновь потоков пречистой крове Своей, как лил ее на кресте из пронзенных рук и ног и прободанного ребра; прославленное Божественной славой человечество уже непричастно более никакого страдания. Но действительно, непреложно, очищает грехи наши тем же Божественным жертвоприношением, поскольку, единожды принесши Себя в жертву, всегда подъемлет на Себе грехи наши (Еф. 9:2), единожды с кровью Своей вшедши во святая, выну является о нас лицу Божию (ст. 24): единожды приобретши нам вечное искупление (– 12), выну Духом Святым очищает совесть нашу от мертвых дел, дабы мы непорочно служили Богу живому и истинному (ст. 14).

Почему туже всегда принося жертву для уничтожения грехов наших, не болезнует ли и Божественный Споручник Иисус (7, 22), как Ходатай наш, о нас, ниспадающих из благодати Его неправдами? Не болезнует ли в Божественной ревности, как Очиститель грехов наших, о возвращении нашем к прежним нечистотам? Не болезнует ли в преисполненном Божественной любовью сердце, как Глава наша, в членах Своих

и рождающийся и умирающий, и растущий и молящийся и возмогающий в силе и оскудевающий, и славимый и безчествуемый, и царствующий в неисповедимом блаженстве и бедствующий во всеродных озлоблениях; не болезнует ли о членах Своих, многоразличными заблуждениями и падениями от состава тела Его отторгающихся? Он также болезнует в пронзенном любовью сердце о наших беззакониях и грехах, как и радуется с Отцом и Духом Своим и со святыми Ангелами Своими и о едином обращающемся грешнике (Лук. 15:10).

И как болезнует, как терпит от нас и о нас. Божественный Иисус, как Глава наша и в славе Своей на небеси: то вот какие поразительнейшие изображения сего находим в писании. Иоанн Богослов в откровении своем видит Иисуса и на небеси среди самого Престола Божества агнцем, и агнцем заколенным. И видех, говорит, и се посреди престола и четырех животных и посреди старец агнец стоящ, яко заколен (Апок. 5:6). В Деяниях Апостольских Господь Иисус с высоты небес дышащему прещением и убийством на учеников Его Савлу произносит жалобу на его самого в том, что гонит Его: Савле, Савле! что мя гониши. Пораженный небесным гласом Савл в трепете спрашивает: кто еси Господи? Господь отвечает: Аз есм Иисус, Его же ты гониши (Деян. 26:14,15). Опять Сам же Господь, как повествует бытописание христианской Церкви, жалуется, что Арий раздрал ризу Его. Если присовокупим к сему, что не только в мире, но и среди верующих во Христа есть много противников Христу, так как много было антихристов и во времена Апостолов (Ин. 2:18); что между самыми просвещенными и вкушившими дара небесного и причастниками Духа Святого есть отпадшие, второе, как говорит Апостол, распинающие Сына Божия себе, и обличающие (Евр. 6:6), что и самое теперь сидение Богочеловека одесную Бога Отца есть не что иное, как ходатайственное строение спасения верных и покорения врагов Своих (1Кор. 15:25), и следовательно непрестанное дело (Ин. 5:17), непрестанный подвиг для Подвигоположника (Евр. 10:13); то, что скажем? Не в труде ли, поношении и унижении Господь наш за нас на самом престоле всемирного ходатайства Своего (Мф. 25:35, 36)?

И так, Спасителю наш, кроткий Божественный Агнче, вземлющий грехи всего мира, Ты и на небеси одесную величества Отца, долготерпя о наших согрешениях, подъемлешь труды, несешь унижение за нас! Безмолвно ныне глаголющий нам, Он речет некогда о сем во услышание всей вселенной, когда приидет во всей славе Своей и Отца Своего. А разве теперь Он не во всей, не в полной славе? В полной по отношению к миру горнему, но действительно не в полной славе по отношению к миру дольнему.

Почему же Иисус не в полной славе по отношению к миру дольнему? Потому, что терпит, защищает, ограждает лежащий во зле мир, потому что ищет, зовет, обращает от тьмы в свет неверных людей; потому что хранит, милует, спасает от неприязненности миродержца искупленных и усвоенных Им благодатных чад. Если бы Он облекся во все сияние славы: тогда бы ниспровергся от лица Его исполненный беззакония мир, тогда бы исчезли ходящие во тьме ума, помраченные смыслом, отчужденные от жизни Божией языки; тогда бы погибли во грехах и беззакониях беспечно и нераскаянно живущие христиане. Мир, люди, христиане! Чувствуем ли мы, что Христос, Сын Божий, Сияние славы Отчей, для того не облекается во все величие сияния Своего, для того сокращает права Божественной власти Своей, для того и в самой славе отрекается от славы, дабы не убить нас явлением величия Своего?

Понимаем ли же, как терпит, как болезнует о нас и от нас Иисус? Терпит от наших неправд и противления, болезнует о нашей нераскаянности и неключимости. Не говоря о том, сколько Он терпит и вообще в теле Своем, – в Церкви Своей, где всякие расколы, раздоры, разделения суть раздирания пречистой ризы – плоти Его, есть, по ясному слову Апостола, и ныне из просветившихся и причастников Духа Святого, есть снова распинающие Сына Божия (Евр. 6:6). Посему, не говоря о неведущих истинного Бога и Христа Его, Спасителя мира, как некогда от возлюбленного Израиля, так и ныне от возлюбленных христиан – Иисус терпит те же страдания, только в другом виде. Где нет, кому неизвестно, что и ныне корыстолюбие продает

невинность, зависть и злоба преследуют добродетель, человекоугодливость изменяет истине, буйство и суемудрие ругаются над Божественным и священным? Убо и между христианами есть своего рода ученики предатели, есть Иудеи ругатели, есть Пилаты распинатели. Тайное хищение и явное грабительство и ныне совлекают одеяние со Иисуса: лесть и лицемерие, коварство и ласкательство и ныне, преклоняясь на колено, ругаются Иисусу. Суемудрие и лжемудрование, изощряя язык против веры и Церкви, и ныне бьют по главе тростью Иисуса; гордость и надмение и ныне возлагают венец от терния на главу Иисуса; сладострастие и плотоугодие, нечистота и сластолюбие и ныне плюют в лицо и пакости деют Иисусу; суетные забавы и увеселения, нетрезвость и невоздержание и ныне напаяют желчию и оцтом Иисуса; нераскаянность и закоснение и ныне ведут на пропятие Иисуса; нарушение клятв и присяги, пренебрежение верности и священных обетов и ныне предают на мучение и пропятие и пригвождают ко кресту Иисуса. И что о явных преступлениях? Часто самое целование Иисуса есть предательство Иисуса, и дружеское лобзание есть пронзение пречистого ребра Его и уязвление сердца Его. О! Да не возлаголят уста наша собственных неправд наших коими мы многоразлично терзаем исполненное нежности сердце Иисусово. Сами исповедаем на себя беззакония наша, дабы они не явились пред всем миром и мы не осудились некогда с миром.

И так, Божественный Искупителю, Ты, возносяся на небо во славе к Отцу Твоему, верно взял с Собой и крест Твой. Так, – Ты взял крест хотя не страдания, но долготерпения, взял как знамение победы любви, дабы являть в вецах грядущих презельное богатство благодати Твоей (Еф. 1:7), и Божественной Твоей благостью торжествовать над злобой человеческой. Но вкупе Ты взял крест Твой и для того, чтобы некогда сею мерой бесконечной любви Твоей к нам измерять всю нашу неблагодарность и взвесить тяжесть против Тебя содеянных, но покаянием неизглаженных, беззаконий наших.

Доколе же, Божественный Страдалец, Ты будешь терпеть? Дотоле, доколе не прииду во славе Моей сотворить суд и

правду посреди земли, вещает Он в слове Своем. Что же тогда будет? Ах! христиане, тогда Он покажет все бесконечное величие Свое, величие Бога, Царя, Судии и сотворит месть врагам Своим. Тогда сей кроткий и смиренный Иисус – теперь на земли безчестуемый, а на небеси ходатайствующий, здесь оскорбляемый, там прощающий, здесь ненавидимый, там любящий, тогда восстают яко шумен и силен от вина, восстанет и рассыплются враги Его, побегут в бездну от лица Его ненавидящие Его, как дым исчезнут, как воск растают.

Но для чего нам испытывать страшные судьбы и как бы желать конца времени, кротости и долготерпения Божия, тогда как мы всего более имеем нужду в долготерпении Божием? Продолжи, Премилосердый, продолжи то, что всего необходимое для нас, продолжи для грешников время кротости и долготерпения Твоего, спасительное время долготерпения, в которое Ты повелел нам прощать друг другу до семидесяти крат седмицею, Сам все готовый простить покаянию. Укосни еще приходить состязатися о словеси с рабы Твоими, доколе благость и милосердие Твое не умягчат, не сокрушат сердец наших, и доколе слезами покаяния мы не обмоем нашей против Тебя неблагодарности. И слава долготерпению Божественного Ходатая нашего! Не смотря на собственное Его грозное возвещение – прийти скоро воздать комуждо по делом Его (– 22:12), человеколюбивый Господь все еще медлит. Да не мнят, однако ж неправедные, беспечно продолжающие неправдововать, да не мнят нечистые, неудержимо продолжающие сквернить себя (ст. 11), да не мнят, яко коснит Господь исполнением обетования. Он не коснит, но долготерпит на нас, не хотя да кто погибнет, но да вей в покаяние приидут (2Петр. 3:9). Не вознерадим же о богатстве благости, кротости и долготерпения Ходатая нашего, зовущего нас к покаянию. Ожесточением и нераскаянным сердцем мы собираем себе гнев в день гнева и откровения праведного Суда Божия (Рим. 2:45). Может быть правосудие, взирая па паше бесплодие, давно вопиет к ходатайствующей о пас Благости: посеку их, векую упражняют и землю; отнележе прихожу ища плода от них, и не обретаю, и Благость умоляет: потерпи, дондеже окопаю окрест их (Лук.

15:7, 8); потерпи, доколе еще употреблю все возможные средства и пути к обращению их. Когда и после всего того останутся бесплодны: тогда, как иссохшие ветви, сами себя приготовят к посечению.

Умилимся толиким милосердием и долготерпением Господа; предадимся со всею покорностью Божественной благопопечительности Его, в деле спасения нашего. По да боимся, да трепещем и внезапного посечения. Для сего будем жить, как чада, как верные, чтобы не оскорблять, а утешать Спасителя нашего. Он восприял и долготерпением носит грехи паши, мы с радостью воспримем Его правду и освящение и в терпении будем носить крест Его. Он страдал за нас. Теперь наша чреда страдать с Ним за Него и для Него. Только страдание может ввести в истинную жизнь и славу воскресения.

Долготерпеливе и многомилостиве Господи, нося тяжкое бремя грехов всего мира! Научи и укрепи нас нести иго благое и легкое Твое. Болезнававший за нас и болезнующий о нас! Даруй нам познать сладость страданий Твоих и с любовью страдать за Тебя, да страдая с Тобою, будем и радоваться живоносною радостью воскресения Твоего. Аминь.

41. Слово 5. О чем мы должны плакать при взоре на страждущего Иисуса?

Дщери иерусалимски, не плачитеся о Мне, обаче себе плачите и чад ваших.

(Лук. 23:28).

Так некогда Бож. Страдалец, поруганный и оплеванный, изъязвленный и измученный, обремененный и внешней, а паче того внутренней тяжестью всеродного креста, и ведомый на позорные страдания креста, – Страдалец, – предмет скорби и ужаса не только для земли, но и для неба, так говорил, обратившись к следовавшим за Ним плакавшим и рыдавшим женам: дщери иерусалимски, не плачитеся о Мне, обаче себе плачите и чад ваших .

Что Ты вещаешь Бож. Страдалец? О ком же и плакать, как не о Тебе, краснейший паче всех сынов человеческих? Как не о Тебе, свет мира, жизнь тварей, сладость церковная, наслаждение Ангелов? О ком же и плакать, как не о Тебе, высочайший предмет благоволения Неб. Отца, радость и веселье Св. Духа, теперь и обезображеный, и преогорченный до смерти, и соделавшийся в руках беззаконных, ископавших руце и нозе Твои, поношением человеков, и уничижением народа, и служащий чудом для всех видящих Тебя? Ежели померкшее солнце, потрясшаяся земля, распадшиеся камни живо изображали нестерпимую о Тебе горесть всей неодушевленной твари: то ужели разумные твари, Твоими страданиями спасаемые, должны оставаться равнодушными при горестном виде оных?

И много ли, утеша Израилева, плачущих о Тебе? Не говоря о благословенной Твоей Матери, пораженной скорбью, как оружием, о женах, служивших Тебе в земной жизни Твоей, как Учителю и Господу своему, положим многие из жен иерусалимских, пронзаемые и естественным сердоболием, а паче глубоким чувством Твоей праведности и благодетельности, плакали и рыдали о Тебе: но что значило сие число плачущих против многочисленного сонма беззаконных, в неистовом

торжестве сопровождавших Тебя? Что значило против скопища буйной толпы, или дышавших против Тебя возбужденной злобой, или привлеченных праздным желанием видеть печаль, но величественное зрелище страданий Твоих? И, тогда как одни ругаются, или истощают над Тобою злобу свою, Ты молчишь; а когда другие плачут и рыдают о Тебе, Ты воспрещаешь им плакать о Себе.

Что же? И мы, сопровождавшие Бож. Страдальца, в печальном шествии и теперь окружающие Его еще в печальнейшим подвиге голгофского, крестного страдания, в каких находимся, и в каких должны находиться расположениях? Знаем, что нет между нами врагов Иисусовых. Желательно, чтобы не было и пришедших для праздного созерцания. Много ли между нами, хотя не открыто, то сокровенно, внутренно плачущих о Иисусе? Не прилично нам, ученики Господа Иисуса, неприлично уступить в чувствительности и болезновании о Нем женам иерусалимским.

Но вот! не плакать нам о Сладчайшем невозможno; а плакать, по-видимому, не должно. Сыны и дщери Церкви Моей, скажет и нам жалобнопретительным голосом Бож. Страдалец, не о Мне плачьте, плачьте о себе и детях ваших.

Божественная радость наша! Ежели в Твоих страданиях наше исцеление, в Твоем кресте похвала, в Твоей смерти живот: то в слезах о Тебе и для Тебя заключается единственный источник радостей. Не плакать о Тебе, значит преступно отвергаться святой радости, не хотеть спасительного утешения, уклоняться от блаженного наслаждения. Как же не плакат о Тебе? Не о мне, о себе плачьте, повторяет нам глас Бож. Страдальца!

Скорбящие христиане! не воспрещает нам Божественный Страдалец плакат и рыдать. Только на другой предмет обращает наши рыдания. Вонмем со умилением умилильному гласу, и, при подножии креста Спасителя, поучимся, о чем мы должны плакат при взоре на Божественные страдания Искупителя нашего?

Часть 1. При взоре на страждущего искупителя – мы должны плакать о грехах явных и тайных

Дщери иерусалимски, – себе плачете и чад ваших. Было о чем плакать дщерям иерусалимским, не исключительно одним плакавшим, но вообще всем жителям Иерусалима, и мужам и женам, и отцам и матерям, и сынам и дщерям. Иисус Христос обращается к одним плакавшим потому, что они одни способны были слышать кроткий, вразумительный глас милосердия, в последний раз простиравшегося к нераскаянным. Когда Сам Спаситель плакал о Иерусалиме: то было о чем плакать Иерусалиму. Не только не уразумевший кроткого, спасающего посещения, но неблагодарно, бесчеловечно убивший Самого Божественного Посетителя, и оттоле непрестанно прилагавший зло к злу и беззаконие к беззаконию, наконец град, прежде обитель и покоище правды, исполнив меру неправд своих и праведного гнева Божия, нещадно предан был всей жестокости врагов, которые обложили его окопами, окружили, стеснили отовсюду, разорили до основания, побили детей его посреди его и не оставили в нем камня на камне ([Лук. 19:41–44](#)). И так было о чем плакать целому Иерусалиму.

Христиане! когда, мысленно взирая теперь на Голгофу, видим там посреди двоих разбойников распятого Сына Божия, при тяжких крестных страданиях еще отовсюду оглашаемого ругательными воплями, еще прободаемого в пречистые ребра, еще напояемого оцтом и желчию, и таким образом безотрадно висящего среди неба и земли, и умирающего среди зельных мучений за нечестия неблагодарной земли: то есть о чем плакать каждому из нас.

Не Иудино должны мы проклинать вероломство, не фарисейскую окаевать злобу, не распинателей поносить жестокосердие! Все это мы должны обратить против самих себя, против собственного вероломства и неправд. За что столь тяжко, столь ужасно страждёт сей Праведник и самыми лжесвидетелями не обвиненный, и судом Пилата оправданный, и по ужасному признанию предателя невинный, Праведник,

Который не сотворил никакого греха, и во устах Которого не было лжи (1Пет. 2:22)? Ах христиане, наше против Бога вероломство Его предало, наше дерзновенное восхищение славы Божией Его связало, наша злоба и ярость избила, срамословие оплевало, суетная пышность обнажила, гордость тернами увенчала, сладострастие ко кресту пригвоздило, пресыщение и пьянство желчию и оцтом напоило, наше разноверие и расколы пречистые ребра пронзили, наши внутренние мерзости, и внешнее нестерпимое лицемерие радостотворное лицо затмили и светлейшие солнца очи закрыли, а в совокупности наши неправды и нечистоты, отяготев на пречистом верху, пребожественную главу долу преклонили. *Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша* (Ис. 53:5). Пусть хотя один не из сего токмо собрания, но из всего рода человеческого изыдет на среду и скажет: я не продавал сего Страдальца моим корыстолюбием, не изменял Ему клятвопреступлением, не был Его жестокосердием, не ругался Ему злословием, не осуждал Его на крест несправедливостью, не прободал Его злобой и завистью, пусть скажет пред целым светом, пред своею совестью, пред Сим страждущим Всеведцем, и ему не нужно будет плакать. А мы, сознающие себя преступными и след. виновниками невинных страданий, мы, при виде оных, должны горько, болезненно о себе и своих беззакониях плакать; плакать тем более, когда каждый, обратившись к особенным своим слабостям, и к особенным Божественным посещениям, прилежнее рассмотрим, сколько было нам ясных, ощутительных Божественных призываний и как бы невольных влечений к перемене греховной жизни, к исправлению укоренившихся навыков, к начатию нового благодатного жительства?

Что значит сие, толико кратно представляемое нам Церковью поразительное зрелище, как не самое трогательное воззвание к болезнованию о грехах наших? А сколько раз всеблагая рука Божия посещала нас и милостью, благоустроив пути жизни нашей благопоспешая начинаниям, ограждая миром наше состояние? Сколько испытывала и судом, посылая сперва легкие встречи неудач, за тем более грозные вестники,

различные потери и лишения, далее ощутительнейшие явления гнева Своего, – тяжкие болезни и злоключения, и все это премудро приспособляя к нашим греховным недугам и болезням души нашей? Ты предан пороку невоздержания, гнева, гордости. Вспомни, сколько ты слышал трогательнейших советов и увещаний, сколько тяготился внутренно своим положением; сколько раз проклинал свою слабость, сколько терпел от того чувствительнейших унижений, стыда и поношения, поставлявших тебя ниже не только твоего состояния, но низлагавших до состояния бессловесных? Пусть каждый из нас зло, разнообразными нечистыми потоками непрестанно льющееся из сердец наших.

Как же утвердиться нам в печали о Господе и открыть в себе живой источник слез очистительных? У заключенного в мрачном узилище, обремененного тяжкими оковами узника много ли веселий и радостей, много ли торжеств и ликований? Таковым узилищем и домом плача соделаем мы для себя сердце наше, дабы там втайне и неприметным для других образом непрестанно могли плакать о грехах наших, плакать и среди внешнего веселия и преизливающихся радостей. Там и должно употреблять противоядие, где особенно действуют гибель и яд. Сердце наше есть то исходище, откуда текут потоки нечистых мыслей и желаний, и проторгаясь в действия производят толикое наводнение пороков и беззаконий, наполняющих землю и живущих на ней. От сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, татьбы, лихоимства, обиды, лукавства, лесть, хула, гордыня, безумство, и все непотребство. (Мар. 7:21, 22). И если взойдем самоуглублением в сие гнездилище зла и с светильником строгого испытания осмотрим мрачные углубления оного: то и мы, как плакал некогда Иеремия над опустошенным Иерусалимом и о беззакониях людей своих, будем плакать о беззакониях сердца нашего. Сядем же на реках вавилонских и посмотрим на стремнину зла, разливающегося из брегов сердца нашего. Нам будет о чём плакать и рыдать. Оставим дни детства, когда почти по необходимости естественному направлению действуют силы наши и способности. Посмотрим

на течение жизни под управлением самовластия нашего: какое превратное течение! Еще в отрочестве возмущается в нас чистая вода и естественных и благодатных дарований напитанностью нечистых навыков и влиянием вредных примеров. Наступает юность, расширяется течение, и вот воздвигаются волны юных похотей, несут нас по стремнинам и пропастям; входим в лета мужества, и тут то терпим кораблекрушения то от гнева и зависти, то от корыстолюбия и гордости, то от житейских попечений и безрассудной привязанности к тлению; а сокрушенные, расслабленные, изможденные от страстей, вступаем и в лета старости, не как в пристанище тихое и спокойное, но как в благо мутное и тинистое. О море житейское, воздвигаемое бурями страстей и похотей! Кто исчислит все сокрушения, претерпеваемые нами во время бурного плавания по волнам твоим! Если мы юны, кружимся в вихре похотей, в суете козней и льщении; если богаты и славны: то приливы и отливы корыстолюбивых и честолюбивых замыслов мутят ум и сердце наше; если убоги, в гонении, в рабстве: то кипение ропота, хулы, нетерпения непрестанно мутят и погружают долу дух наш. О, кто даст главе нашей воду и очесам нашим источник слез (Иер. 9:1), дабы во всей живости воображая тайно и явно учиненные нами преступления пред Богом и людьми, горько плакать о растлении сердца нашего.

Часть 2. Внутренним противоворством страстям должны очищать грехи наши

Но можно чувствовать зло, плакать о зле, и не исправлять зла и не исправляться от зла, как мы обыкновенно и делаем. Считаем себя грешниками, вздыхаем о том и остаемся по-прежнему неисправленными грешниками. Нет! Одни самопризнательные слова, одни безжизненные вздохи не остановят потока греховного. При непрестанном глубоком чувстве греховности нашей, мы должны внутренние слезы сокрушения сделать огненными струями, которые бы иссушали самый источник зла, сердце наше обратить в плавильню, где бы переплавлялись все наши мысли и желания, где бы ни одно побуждение не минуло спасительного освещения, ни одно намерение не приходило в действие, не прошед огня очистительного.

Выйдем из непрестанного рассеяния по внешним предметам, заключимся крепким, неисходным пребыванием в сердце нашем; будем жить сокровенной жизнью в самих себе и трудолюбию очищать внутреннее наше. С светильником сознания будем в особенных случаях рассматривать всякое движение сердца и ума нашего без пристрастия. Родилось нечистое побуждение, восстали законопреступные помыслы, возопием на них грозным голосом самоукорения, обличим, явим их непотребство, будем преследовать светом истины, доколе не рассеются. Пробудилась любимая страсть, метет, повелительно требует обыкновенного себе удовлетворения, соберем против ее все силы. Кроме гнусности требований противопоставим ей проникающее бездны око Всевидца, страх суда и геенны, будем отражать всеми оружиями правды. Увлекла страсть, преодолела, и среди падения будем сознавать гнусность падения, безобразие страстей, преступность наслаждения и, по оплакании падения, соберем все силы встать и исправиться. Так будем поступать в борьбе с укоренившимися привычками при тысячекратных падениях. Сколько бы, по-видимому, ни владычествовали над нами греховные склонности, с какою бы

силой ни увлекали нас, никогда не престанем в духе противиться им, обнажать их гнусность и питать к ним отвращение. Ни на минуту не позволим себе оставаться в беспечности и в законопреступном мире с собой, но каждое намерение потщимся предварять размышлением, при каждом действии ограждать себя предосторожностью, всюду следовать за собою неослабным вниманием и, при каждом возвращении в себя, встречать себя строгим испытанием.

Но где нам взять такой силы для самоиспытания? И возможна ли непрерывная брань с самими собой? Не превратится ли и без того горестная жизнь наша в темницу и мрак?

Где нам взять силы для непрестанного самоиспытания! От чего же мы сильны для зла, а слабы для добра? От чего слишком прозорливы и успешны в суетах, а недальновидны и безуспешны в очищении совести пред Богом и людьми? От того, что в первом случае действуем со всей неослабностью и усилием, в последнем не хотим, и не позволяем себе быть заботливыми. Подвигнем и естественную и благодатную ревность против рассеянности и беспечности нашей, и мы увидим, как начнет таять сердце наше. Сам Дух, споспешествующий духу нашему, совоздыхающий и соболезнующий нам в немощах наших, будет содействовать нам. И сообразно ли нам спрашивать о возможности для нас непрерывной брани с самими собой, когда слово Божие ни о чем столь часто не говорит там, как о необходимости нудить себя ради царствия Божия; ни к чему столь сильно не побуждает, как к непрерывному бодрствованию над собою и противоборству духовным врагам нашим; когда и Подвигоположник спасения нашего ясно возвестил нам, что Он пришел воврещи меч и огнь в растленную природу нашу, дабы разорить и пожечь ее до основания, и на развалинах ее воздвигнуть нового человека, созданного по Богу в правде; а посему повелел возненавидеть все для любви Божией и нести ежедневно крест свой? Что была жизнь Самого Спасителя нашего, как не цепь непрерывных скорбей, с продолжением времени великого служения Его непрестанно возраставших и

увеличивавшихся? Пребывая с Божественной кротостью среди нечистых, буйных, неправедных людей, Он непрестанно терпел невежество и предрассудки народа, маловерие и простоту Своих учеников, лицемерие и злоумышления фарисеев и книжников. Сколько же Оной Божественной Душой перенесено оскорблений, сколько пролито молитв за сопротивление, сколько до конечного креста принято внутренних крестов и мучений? Сия же да мудрствует и в нас, еже и во Христе Иисусе. Те же мысли, те же чувствования должны одушевлять и нас, какими преисполнен был Господь наш. Как рождение, заимствующее корень, соки и силу от лозы, мы должны быть насаждены, жить и действовать в Христе. Вступив на путь очищения, должны устраниться от общей жизни, в безмолвии скорбеть о неправдах наших; неутомимо сражаться с собственным невежеством, с предрассудками нас обуревающими, с страстями долговременной привычкой воспитанными; нещадно разорять ветхое здание наше, потрясти основания, и слезами покаяния смыть нечистоты с места их. От внутреннего сотрясения не может не возмутиться растленная природа наша. Восстанут наши привычки, возмутятся укоренившиеся пристрастия, когда твердое станем полагать обуздание и на слух, и на зрение, и на язык, и на все чувства наши. Но когда после многотрудных подвигов возвысятся наши мысли, очистятся желания, ублагоустроятся стремления, и умягченное сердце само собой начнет источать воду умиления: о! тогда исцеляющий сокрушенные сердцем и утешающий вся плачутся Господь даст плачущим Сиона славу; вместо пепела помазание веселия; украшение славы вместо духа уныния (Ис. 61:1,2,3). Тогда проторжется вода с пустыни, безводная будет во озера, и на жаждущей земли источник водный будет (35, 6. 7) и вместо драчия взыдет кипарис, и вместо крапивы взыдет мирсина (53, 13). Так! когда возвратит нас Господь из плена греховного и прольет токи благодатных утешений в сокрушенные сердца наши: тогда исполнятся радости уста наша и язык наш веселия; тогда все переменится в нас и вокруг нас: благоустроится жизнь наша, исправятся дела рук наших, скорби будут для нас очищением, злоключения свидетельством любви

к нам Божией; утехи жизни нашей будут святы, радости непорочны, слова и поступки благодатью запечатлены. Жизнь с Богом, мир сердца, чистая совесть просветят лицо наше; свет и радость разольются на все вокруг нас. Сеющие слезами радостью пожнут. (Пс. 125:5). Если и после сего будем еще вздыхать и сетовать: то будем уже сетовать о продолжении странствования нашего, вздыхать от желания разрешиться, быть со Христом и явиться лицу Божию.

Приблизимся к страждущему Спасителю нашему слезами и скорбью, и Он приблизится к нам утешением, воскреснет в нас благодатью, и таинственно речет нам в духе нашем: радуйтесь. АМИНЬ.

42. Слово 6. Как мы можем участвовать в страданиях Христовых?

Аще в сурое – зелене – древе сия творят, в сусе что будет (Лук. 23:31)?

Слыша Божественного Крестоносца, вещающего тако о Самом Себе, видя Его изнемогающего под тяжестью крестного древа, зря пригвожденным и висящим на крестном древе, видим, какое это зеленое дерево.

Это то красное в видение и доброе в снедь дерево жизни (Быт. 2:9), которое насаждено посреди рая, составляет красоту и жизнь рая и долженствовало преисполнить первозданного блаженной жизнью рая. Это то сладкоплодовитое дерево, которое, и по вкушении нами угодного очима видети, но смертоносного во вкушении дерева познания добра и зла, услаждает для нас в пустыне жизни горькие воды (Исх. 15:25) проклятия. Это та лоза (Ин. 15:1) благоплодная, та добрая маслина (Рим. 11:24), от причастия корене и масти которой произрос Богоносный сад Патриархов, Пророков, Апостолов, добропобедных Мучеников, Девственников и вся полнота благоплодия Церкви. Это то дерево животное, которое ныне стоит посреди Церкви Божия, равно как посреди Иерусалима небесного, на кийждо месяц принося плод свой, коего самое лиście и здесь и там суть во исцеление языков (Апок. 22:2), и от плодов Его не только здесь долу питаются души чистые, но и там горе насыщаются сонмы духов праведных и лики блаженных Ангелов. По истине это зеленое дерево!

Что же такое творят, или что сотворено с этим зеленым деревом?

Се оно обнажено красоты своей: обиты ветви Его, оттрясено лиście Его благоцветное, рассыпан плод Его многий. Се посечено, низложено оно; точию отрасль корения Его в земле оставлена.

Какая рука, какая секира возмогла низложить это великое, крепкое, всю вселенную при- осеняющее и питающее дерево? Кто кроме Всемогущего мог сотворить сие. Он крепко возгласил

с небеси: посецьте древо сие. Сам подъял высокую мышцу Свою, и тяжкой секирой суда Своего поразил древо сие.

За что же, Ты, Домовладыка и Божественный Вертоградарь, за что премудрый, небесный Делатель грозно вознес крепкую руку Твою и гневно поразил возлюбленную лозу винограда Твоего?

О милосерд Ты еси, Отче небесный, к нам, – недостойному насаждению рук Твоих! Ради нашего неплодия, ради нашей сухости, ради нашего тления тако сотворил Ты сие. Мы обольстились ложной красотой запрещенного древа, за то обнажил Ты красоты Своей сие присноцветущее Древо. Мы дерзновенно простерли руку для взятия и вкушения от запрещенного древа; за то простер Ты в суде крепкую руку Твою на сие благоплодное древо. Мы вкусили, и, от смертоносного вкушения, как отторгшееся от своей лозы рождие, уяли и иссохли; и Ты Домовладыка, премудрый Вертоградарь, для оживотворения нашего усекнул сие Древо животное, дабы мы – древа осенения, бесплодные, многажды умершие, искорененные, чрез таинственное привитие к сей живоносной Лозе соделавшись причастниками корени и сока Оной, произнекли из тления, процвели и опять исполнились жизни.

Милосерд и благ Ты еси, Господи! обаче и страшные судьбы Твои возлаголем Тебе! Если Ты для очищения нашей виновности осудил и наказал не только невинного и праведного, но Твоего Единородного, возлюбленного: то, что будет с нами – чадами гнева, с нами – сосудами погибели, если не спасет нас бесконечное милосердие Твое? Аще в сурове древе сия творят, в сусе что будет?

Дабы нам избежать лютых, праведно ожидающих нас за грехи наши, то при подножии креста Страждущего за нас Спасителя, внимая гласу Его, которым Он в лице плакавших о Нем жен вещает и нам, чтобы мы о себе плакали, а не о Нем (Лук. 23:28), помыслим: как мы, последуя за Христом крестным путем, должны участвовать в спасительных страданиях Его?

Часть 1. Должны участвовать в страданиях Христовых

а) БЛАГОДУШНЫМ ТЕРПЕНИЕМ ВНЕШНИХ СКОРБЕЙ.

Таков закон вечной Правды, что по оному непреложно определено благим и праведным благо и блаженство, злым и грешным зло и страдание. *Слава и честь и мир всякому делающему благое, скорбь и теснота на всяку душу человека, творящего злое (Римл. 2:9,10).*

Не смотря на частные случаи благоденствия злых и злоключения добрых, часто в причинах своих ясные, а чаще скрывающиеся во глубине судеб Божиих, общий закон правды непреложно таков: *несть радоватися нечестивым (Ис. 48:22);* терпеть, скорбеть, страдать, вот собственная участь грешников. Так и должно быть. Сообразование с законами Божественной премудрости, правды, святости, есть свет, благо, веселье, жизнь; уклонение от законов Божественной премудрости, правды, святости есть тьма, разрушение, пагуба, смерть.

Но кто из нас праведен пред Богом? кто похвалится чисто имети сердце? или кто дерзнет рещи о себе чиста быти от грехов (Прит. 20:9)? Не по прирожденному только растлению никто из нас не чист пред Богом, аще и един день житие его на земли (Иов. 14:4,5), но по собственным греховным и преступным действиям. И если рассмотрим жизнь нашу, исследуем поступки свои, взвесим расположения, испытаем глубокое по греховным тайнам сердце наше, вникнем в самую, часто лукавую совесть нашу, тогда истинно найдем, что в нас нет целости, найдем, что мы во всех отношениях преступны пред Богом, неправы пред близкими, виновны в самих себе, и если бы Бог Своей правдой воздавал как за неправды наши: то мы или бы истреблены были действием правосудия, или стонали под ударами праведного наказания. Но Господь не по беззакониям нашим творит; в мале касается нас наказанием, а впрочем долго терпит, не хотя да кто погибнет, но да все в покаяние приидем.

По сему различные неблагоприятные случаи и злоключения: болезни, потери, лишения, гонения, уничижения мы должны принимать и нести благодушно, утешая себя той мыслью, что они в путях Божественного Провидения не иное что суть, как спасительные средства для пробуждения нас от греховного усыпления, и для введения в самих себя, дабы мы отрясли мрак заблуждения от ума, суету обольщения от сердца нашего, и очистили совесть нашу для чувства правоты и страха Божия, для истинного различения добра и зла в себе и других.

Поелику же различные скорби в спасающей руке Провидения, будучи не столько наказанием для нас слабых, сколько вразумлением в наших неверностях, и возбуждением от самозабвения, составляют крест, возлагаемый на нас рукой благости для очищения душевных недугов наших: то мы должны нести оный смиренно, безропотно, как нашу часть, наш жребий и достояние. Не будем же возлагать и этот крест на Спасителя нашего, не позволим себе думать, что когда Божественный Хотадай наш пострадал и умер за грехи наши, и как Победитель греха и смерти, – воскрес в вечную жизнь и славу: то и мы уже освобождены от греха и от страданий; и можем жить в земных утешениях и прохладе. Если так, то значит, что *и плоть и кровь Царствие Божие наследити могут* (1Кор. 15:50), что в него войдет всяко скверно, и творяй мерзость и лжу (Апок. 21:27). Не вознесем хулу на Бога; избытка благости Божией не обратим в повторство плотской беспечности нашей; Бог милосерд, но не любит беззакония; Он милует, но в суде; прощает, но с правдою; щедрит, но не расточает; дает туне, но числом, весом и мерою.

Часть 2.

б) СООБРАЗОВАНИЕМ ВО ВНУТРЕННИХ ОЧИСТИТЕЛЬНЫХ СКОРБЯХ.

Мы исцелены во Христе, как во Главе нашей, от грехов, избавлены от смерти и предуготовлены к славе и блаженству, но под тем условием, чтобы страдания, смерть и воскресение Христово и в нас совершились, что бы мы, насажденные во Христе подобием смерти Его (Рим. 6, 5), стражда со Христом, со Христом и прославилась, и таким образом правда Божия, во всей строгости исполнившаяся на Христе, открылась в возможной мере и в нас, чрез то и в нас милость и правда Божия встретились, правда и мир облобызались.

Божественный Споручник наш ценой бесценных заслуг Своих неоплатные долги наши заплатил, и нас отчужденных в благоволение Отца Своего привел. При всем том мы сами по себе остаемся и нищи, и бедны, и наги, подобны тем должникам, которым хотя прощен долг, но которые кроме бедного существа ничего не имеют; подобны тем узникам, которые хотя освобождены из неволи и уз, но которые от долговременной неволи измождены в силах, обременены недугами, погружены в крайнюю нищету. И так в самом состоянии благодатного искупления нам необходимо нужно силой Искупителя уврачевать долговременные греховные недуги, изменить одежду ветхого человека, переобразоваться из образа преступного Адама в образ небесного. Подобно больным, требующим горьких врачеств для своего исцеления, в скорби и печали по Боге долженствуя страданиями очищать грехи жизни прошедшей, исправлять настоящей, предотвращать грехи жизни последующей, мы должны начать греховное врачевание с господствующих в нас порочных навыков и склонностей, из которых, как из корня, происходит совершаемые нами порочные действия и которые, как ужом долгим, влекут за собой множество страстей и похотей от сего мы непрестанно обращаемся вспять на прежний путь суетной жизни от правого пути последования за Христом.

Престав убо от лукавств наших, – прекратив в самих себе ближайшие причины господствующего в нас зла, в силе Господа укрепим расслабленные руки и расслабленные колена наши и с твердостью станем расторгать узы пристрастия, рассекать узлы привязанности, свергать с себя иго порабощения суетностям и престанем привлачать грехи, яко ужом долгим, и яко ига юнична ременем беззакония своя (Ис. 5:18). Хотя бы правое око, правая рука, правая нога (Мф. 5:29, 30), хотя бы самый близкий к нам человек, самое великое для нас благо, самая сильнейшая в нас привязанность служили нам препятствием к последованию за Христом, с твердой решительностью отсечем от самих себя все поводы греховной привязанности, сколько бы сие болезненно для нас ни было. Исткнем око гордыни, отторгнем руку лихоимания, отсечем ногу хождения в похотях; по примеру Господа Иисуса, Который будучи во образе Божием, смирил Себя даже до смерти, будучи богат, нас ради обнищал, возлюбим смирение, обнимем нищету и будем всемерно очищать себя, якоже Он чист есть (Ин. 3:3). Изымем от себя и всякую горечь, и гнев, и ярость и клич и хулу со всякой злобой. Нас оскорбили; – простим от сердца оскорбившим нас; мы оскорбили, – поспешим с оскорбленными от нас примириться не только словом смиренного признания пред ними своей вины, но паче делом, по примеру Закхея мытаря, который в минуты решительного обращения своего ко Господу обещался четверицей воздать обиженным от него и исполнил (Лук. 19:8). Прекратим тлетворное влияние и внешних соблазнов для ближних наших, и, по примеру Апостола, поставим для себя непременным правилом – не касаться и невинных вещей, если они служат преткновением для брата нашего (1Кор. 8:13). Исторгая корни зла, будем в покаянии неизменном оплакивать оное, по примеру Ап. Петра, который о своем отречении от Христа горько плакал не только по исшествии из двора архиереева, но, как известует предание, и во всю последующую жизнь. И мы в непрестанной скорби сердца воспоминая прошедшую греховную жизнь, как потерю жизни, как устранение от Бога, как злоупотребление благодати, будем горько сетовать о многоразличном и многообразном оставлении

нами своего Господа, об отречении от своего возлюбленного и, при распинании плоти со страстями и похотями, будем неослабно погашать в себе сластолюбие обузданием, славолюбие уничижением, пресыщение лишением.

Часть 3.

в) ПОСТОЯННЫМ САМООТВЕРЖЕНИЕМ.

Но дабы непрестанно исторгать корни, непрестанно в выспрь прозябающего зла и заграждать устие смрадного источника сердца, источающего горечь и нечистоту: то всегдашняя жизнь наша должна быть не иным чем, как постоянным самоотвержением, и бодрствованием на страже внимания самим себе. Чистота сердца, чтобы все делать токмо для славы Божией, должна быть началом и концом всех начинаний наших. Строгое хранение уст, дабы не исходило из оных ни одного слова нерастворенного солью благодати, должно отверзать и заключать уста наши. Требование отчета в собственных поступках у самих себя пред Господом, как необходимое дело очищения совести; неопустительно должно начинать каждый день и оканчивать, дабы, по наставлению Апостола, могли мы непрестанно искушать себя, в вере ли мы (2Кор. 13:5), в правоте ли ходим пред Господом, и истинным рассуждением самих себя предотвращать от себя будущее осуждение. Прилагая труды к трудам и подвиги к подвигам, дабы сокровиществовать себе основание, добра в будущее (1Тим. 6:19), будем укреплять себя в благой решимости, не изменят истине Божией при самых крайних искушениях, но стоять до крове за правоту совести, и тщиться с продолжением жизни возгревать в себе огнь святой ревности в приискреннейшем сообразовании страданиям и смерти Христовой (Фил. 3:10).

Так в крепости духа должны мы подвизаться в исправлении жизни своей, чтобы не озираясь вспять, непрестанно простираясь вперед; и предавши души своя Господеви, во всех как добровольных очистительных, так и свыше для очищения нашего посылаемых страданиях не унывать, но радоваться, что мы ими исполняем лишение скорбей Христовых во плоти нашей (Кол. 1: 24). Всякую мысль, всякое внушение, отвращающее нас от страданий, будем считать прелестью духа лестча, старающегося совратить нас с пути истины; напротив

всеми удостоверениями убеждаться в той истине, что страдания для нас необходимы: как праведная казнь для преступников, как узы для необузданных грешников, как горькое, но спасительное врачество для опасно болезнующих, как средство очищения для погруженных в нечистоты, как путь совершенства для преобразующихся в образ Божественный. Если будем убегать от страданий, они будут постигать и горше обременять нас; если же в силе Божией с терпением будем принимать оные, и они будут для нас легче; а когда при горьком врачевании будем ощущать внутреннее исцеление, при внешнем изнеможении духовное укрепление: тогда они соделаются для нас даже приятными. Страждущие для Христа упиваются неизреченной сладостью при сей одной мысли, что они страданиями уподобляются Спасителю, Своими страданиями приобретшему нам спасение. Кто из нас сладостнее вкусит силу и славу воскресения Христова и во днешний радостный день воскресения и некогда в невечернем дни царствия Его? Не тот ли, кто вместе с Христом страдал, со Христом распинался, со Христом умирал и спогребался?

Христиане! Или сотворим, по слову Спасителя, древо добро и плод его добр (Мф. 12:33), привьемся спасительными страданиями к сей живоносной Лозе; тогда будем и здесь, яко древа, насажденные при исходищах вод, яко маслины плодовитые в дому Божии, и там во царствии Христовом, яко рождения нового винограда, будем расти, процветать и плод приносить силой живоносного Древа, при живых водах чистой реки, исходящей от престола Божия и Агнча (Апок. 22:1). Или сотворим древо зло и плоды злы, и тогда при видимом угобзении, будем, как ветви отделившиеся от своей лозы, только иссыхать; секира гнева Божия будет лежать при корени нашем и огнь правосудия Божия, возгнетенный уже для бесплодных древес, будет ожидать нас для пожжения.

Напечатлеем сие глубже и в мыслях и сердцах наших, что аще праведник многими скорбями и страданиями едва спасается (1Пет. 4:18), то мы грешные, где явимся без страданий? Аще в сурове древе сия творят, в сусе что будет?

О, сладчайший, нас ради вознесенный на крест Иисусе! Привлеки нас к Себе благодатной Твоей силою, и, как рождие Свое, насади нас окрест Себе; напитай нас, сухие древа, живоносным соком Твоим; и, хотим ли мы или не хотим, пригвозди нас к животворящему кресту Твоему, и, действием страданий Твоих в нас, отреби нас для плодоприношения Тебе. Да с Тобой умирая, с Тобой и оживем, с Тобой терпя, с Тобой и воцаримся, с Тобой стражда, с Тобой и прославимся. Аминь.

43. Велика суббота. Слово о стоянии и плаче Богоматери при кресте, и оплакивании нами грехов своих при кресте

*Стояху при кресте Иисусове Мати Его, и сестра Матере Его, Мария Клеопова и Мария Магдалина
(Ин. 19:25).*

Стояли и мы при кресте Иисусовом и в вечер пятка минувшего дня, мысленно соприсутствуя при снятии со креста Иосифом и Никодимом тела Иисусова; стояли и в утро сего великого дня субботы при плащанице тела Иисусова, совершая с теми же христолюбивыми мужами боголепно погребение Живота, за нас умершего. Но так ли мы стояли и стоим при мысленном взирании на гроб и гробные пелены умерщвленного за нас Иисуса, как стояла при кресте Матерь Иисусова, пронзенная оружием скорби во всем существе Ее?

Дабы возвысить наше дальнее стояние при кресте Спасителя превыше земным стоянием Богоматери, озарить наше бесчувственное взирание на распятого Иисуса богосветлым в самой печали зрением Преблагословенной на бездыханного Иисуса, оживить наше хладное помышление о погребенном за нас Иисусе живоносным помышлением Матери о нетленном погребении Сына Ее и Бога: то, в ознаменование духовного величия дня благословенной субботы, размыслим о том: как стояла при кресте Матерь Иисуса? И в каком расположении мы должны поставлять себя при кресте страждущего за нас Иисуса?

Как же стояла, и каково было стоять при кресте Матери Иисусовой?

Часть 1. О стоянии и плаче Богоматери при кресте

Каково было стоять при кресте Иисусовом Матери Иисусовой, в большей или меньшей мере понятно и вся кому из нас. Но еще понятнее, ощущительнее материам, материам нежным, благочестивым, которые имели сыновей, составлявших для них предмет утешения и радости, славу имени отеческого, честь рода своего, сыновей разумных, благочестивых, имели таковых сыновей, и лишились их самым несчастным, горестным, плачевным образом.

Но что самые разумные, самые благочестивые, всеми добрыми качествами ума и сердца украшенные сыны обыкновенных матерей против Сына Мариина, Иисуса, Божественными совершенствами сиявшего и небесными доблестями знаменовавшегося, что, как не капли против источника, как не искры против света, как не лучи против солнца? Как Сама Мать Иисусова была Мать необыкновенная, так и Сын Ее был единственный. Как никто не перенес, и не мог перенести таких безпределных страданий, какими обременен был Иисус: так и никто не испытал такой зельной скорби и туги, какие испытала Мать Иисусова при кресте и погребении Сына Ее.

Мария, с трех лет посвященная Богу, в благовении и страхе Божием воспитавшаяся в храме, питаемая от руки Ангела, чистая и непорочная Дева, – Мария зачала Сына Своего по благовести Архангеловой. Архангел благовестовал Ей, что Она, как единственная из всего рода человеческого, Богом избранная Дева для великого назначения, родит по благоволению Отца наитием Св. Духа Сына, Спасителя мира; что Он будет Сын Вышнего, что на Нем исполнятся все обетования, данные праотцам о искуплении рода человеческого, что Он будет царствовать в Израиле на престоле Давидовом бесконечно, вечно. Итак, Она будет Материю Сына Божия, Искупителя и Спасителя мира.

Кроткая, смиренная Мария приняла эту великую, неизлаганную весть в основании сердца с глубочайшим

смирением. И кроме того случая, когда в благодарственной песни выразила великость к Ней милости Божией пред Боговдохновенной Елизаветой, Она хранила эту тайну в недоступном молчании; только со всевозможным вниманием замечала все знаменательное, по рождении преестественно зачатого Ею Сына. Слышала, как вифлеемские пастыри, по благовестию Ангельскому, возвестили о рожденном Ею, что это родился Спаситель мира, и что множество Ангелов воспели хвалебную песнь при рождении Его; Сама видела, как вслед за тем восточные мудрецы, приходившие в Иерусалим с дарами поклониться новорожденному Царю иудейскому, воздали младенцу Ее – Иисусу превыше человеческую честь; была очевидной свидетельницей, с каким благоговением в храме иерусалимском взял четырехдневного младенца – Иисуса на руки святолепный старец Симеон, и свыше вдохновенный какие предрекал чудеса и о Нем и о Ней, предрекал, что одни обретут в Нем жизнь, а другие смерть, что и Ее самую ожидает тяжкая скорбь ради Его; впечатлела в сердце Своем и то, что двенадцатилетний отрок – Иисус сказал Ей в храме иерусалимском, где Она с Иосифом после трех дней нашла Его посреди иудейских учителей, что Ему надлежит заниматься делами Отца Своего.

Не говоря о том, что после того Мать Иисусова видела удивительного, чудного, непостижимого в кроткой, мирной, мудрой, послушной домашней жизни, в занятиях и поведении Иисусовом, – вот после тридесяти лет Сын Ее едва вступил в великое служение Свое, тотчас озnamеновал Себя, как великий Учитель и Пророк Израилев, как необыкновенный чудотворец и благодетель всех скорбящих и болезнующих. Когда ублажаем и славим был Сын, могла ли быть не ублажаема Мать не только от матерей, но и от всех видевших великое явление силы Божией во Иисусе.

Среди радостей о Сыне утешения касались по временам сердца Ее и тяжкие вести, что Сын Ее, до благоговения чтимый и любимый простым народом, ненавидим, гоним, преследуем жестокой злобой от начальников иудейских. У них только и помышлений, чтобы уловить Его в каком-либо деле и слове,

обвинить, схватить и предать суду и смерти. Услышала наконец Она и о том, что Сын Ее идет в Иерусалим, идет, как думали ученики, для восприятия царства Израилева. Торжественная, всенародная встреча Иисуса, как Царя-победителя с вайями, ветвями и радостными кликами могла поддерживать это чаяние. Но вышло совсем противное. Преданный вероломным учеником, Иисус внезапно врагами с вооруженными войнами взят, повлечен на суд архиереев и начальников иудейских, как Богохульник осужден ими на смерть, как противник кесаревой власти предан Пилату, правителю римскому, для распятия на кресте, и избитый, оплеванный, поруганный, обремененный тяжким крестом, как злодей, поведен в сопровождении многочисленной толпы ругающихся на Голгофу для предания поноснейшей, крестной смерти, смерти злодеев и губителей. К ужасу узнала о всем этом и Мать Иисусова, и когда обремененный крестом Иисус веден был на Голгофу, подоспела и Она к горестному сопровождению; порываемая скорбью хотела бы подойти к ведомому злодеям, но от многочисленной, неистовой толпы не могла приблизиться, и пораженная невыносимым зрелищем, потерявши свет в очах, пошла вместе с другими знаемыми, плакавшими и рыдавшими о Нем женами.

Вот Крестоносец и все множество сопровождавшего Его народа пришли на Голгофу, на место казни. В трепете увидела Мать Иисусова, как, по утверждении крестного древа, повлекли обнаженного Сына Ее на крест, как стали пригвождать острыми гвоздями руки и ноги Его; каждый удар, каждый раздававшийся звук молота ударял, сокрушал, пригвождал Ее Самую во всех силах души, во всех членах тела ко кресту.

Когда враги Иисусовы, насытив злобу свою позорищем и язвительных ругательств и смертельных болезней Пригвожденного ко кресту, отступили от распятого между двумя разбойниками Иисуса: тогда убитой горестью Матери, издалека с соучастницами горести смотревшей на терзавшее Ее зрелище, уже не было препятствия подойти к Распятому, и Она, последуя стремлению Своей горести, подошла к самому кресту Распятого

с сестрой Своей Марией Клеоповой и Марией Магдалиной, и подошедши стала при кресте Иисусовом.

Теперь представим, если только в состоянии будем представить, каково было стоять Матери Иисусовой при кресте Иисусовом? Теперь-то вполне совершилось над Марией пророчество Симеоново, теперь во всей силе оружие скорби пронзило, растерзало, проникло всю душу и сердце Ее. Стоя при кресте, Она Сама пригвождена была страданиями ко кресту, Сама висела горестью на кресте, Сама распиналась с Распятым между разбойниками на кресте. Колико ужасен был позор, сколь беспредельно унижение, как бесконечно поносны были страдания Иисусовы, так крепки, жестоки были страдания Матери при кресте распятого Сына. «О чадо Божественного утешения и радости, о Сын небесной славы и величия, о рождение неисповедимых тайн и чудес», взывала, вопияла Она в растерзанной душе, как всепоядающим огнем горевшей горестью во всем существе, «тем ли кончилось Твое неисповедимое зачатие, Твое неизглаголанное рождение, Твое исполненное Божественной таинственности возрастание, Твоя светоносная жизнь, Твое чудодейственное служение, тем ли, что Ты предан позору всего мира, что обременен всесветными поношениями, что как злодей вознесен среди злодеев на кресте? Ты ли это, Сын Вышнего, провозвещенный Архангелом, свидетельствованный свыше гласом Отца, свидетельствовавший Сам о Себе Твоими делами, Ты ли обремененный всеми богохульствами и поруганиями? Это ли дом Иаковлев, это ли престол Давида, отца Твоего, это ли вечное царство Твое, что Ты безобразный и бесславный, не имея вида, ниже доброты, вознесен на лобном месте, вознесен на крест на Голгофе, что среди мучений истаивая в жизни, умираешь между разбойниками? Что это за таинство, что за непостижимое чудо! Утробой уязвляюся и лютое оружие сердце мое проходит».

Подлинно несказанны были страдания Матери Эммануилевой; отвне окружали Ее ужас и пустота, внутри наполняли терзавшие чувства и помышления, которые, среди сильных недоумений, никакой отрадной мысли, никакого

утешительного чувства не оставляли в душе Ее. Темная, непроницаемая ночь печали окружала Ее. Как Сам страждущий Сын Ее оставлен был на кресте по человеческому естеству поглощавшим Его безпределным болезням: в таком же состоянии тяжкого оставления была при кресте и Мать Иисусова. Стояла при кресте Иисусове Мати Его, и сестра Матери Его, Мария Клеопова и Мария Магдалина.

За что же, Преблагословенная Дева, стоя при кресте распятого Сына Своего, и Сама к толику болезненному кресту пригвождена была? За что так тяжко страдала Она, Дева чистая и пренепорочная? За то, что была чиста и непорочна, что великое имела назначение и достоинство, что великими обладала духовными силами и дарованиями. Кому много дано, от того много и требуется. От Пренепорочной Девы, Матери Бога Слова, требовались великие, такие подвиги, которые действительно являли в ней Мать Сына Божия, Иискупителя и Спасителя мира. Пречистая погружена была в неизлаголанную скорбь при кресте, дабы просиять паче солнца, была преогорчена болезнями, дабы соделаться подательницей радости, была поражена смертельным страданием, дабы быть достойной Материю Живота.

Часть 2. Об оплакивании нами грехов наших при кресте

Если пречистая Дева-Матерь, стоя при кресте Иисусовом, вместе с Иисусом скорбела, болезнавала, страдала и сраспиналась, чтобы подобно солнцу просиять, и соделаться светлее Херувимов, огнеобразнее Серафимов, чтобы соделаться Ходатайницей утешения и радостью скорбящих: то как нам не стоять при кресте, как не стоять при гробе Иисусовом, за которых Христос страждет, дабы Своим уничижением подъять нас из падения, Своими язвами нас исцелить, Своим распятием и погребением искупить нас от грехов, и восставить от духовной смерти и тления?

О! приблизимся к кресту распятого Спасителя нашего, приблизимся к живоносному гробу Его, грешники, — приблизимся, как омраченные к свету, как вдающиеся к пристанищу, как больные и умирающие к источнику исцеления и оживления; приблизимся, грешники, не для того, чтобы праздно стоять, но для того, чтобы страдать, слезить и плакать, чтобы обратить греховный смех наш в плач, и преступную радость в сетование, чтобы очистить руки наши грешные, чтобы исправить сердца наши двоедушные.

Приблизившись и ставши при кресте Иисусовом, есть нам о чем скорбеть, слезить, плакать. Если мы воззрим в сокрушении на Распятого, от ног до головы изъязвленного, и потом обратимся к себе; с живым, глубоким чувством нашей нечистоты, неправедности, греховности: то найдем, что от ног до головы нет в нас целости, но одни струпы, язвы и раны палящиеся; что и прошедшая и настоящая жизнь наша вся во грехах и беззакониях, и если не остановим стремление наше на греховном пути крестом Христовым, то и последующая жизнь пойдет, как нечистый поток, текущий из тлетворных исходищ прежней и настоящей греховной жизни.

Поставим же себя при кресте страждущего за нас Иисуса и посмотрим, что мы увидим в себе? К ужасу увидим, что мы со всех сторон окружены, как зловредной стихией, собственными

нашими грехами, неправдами, преступлениями; увидим грехи позади себя, грехи вокруг себя, грехи впереди себя; увидим, что мы без числа согрешили в жизни прошедшей, непрестанно согрешаем в жизни настоящей, неудержанно хотим грешит еще и далее в жизни последующей.

При обозрении строгим испытанием греховной истории жизни нашей, нечего нам перечислять невольные случаи погрешностей нашего детства, известные действия легкомыслия нашей юности, обыкновенные пороки мужества, общие слабости старости. – Нет! живым, судительным чувством раскроем самую внутренность совести нашей, и явственно прочтем тайными письменами изображенные, но писалом железным на скрижали сердца нашего начертанные и крепко углубленные преступные действия наши. Посмотрим на тот сокровенный путь неправды, где мы, собственно, шли и претыкались, где падали и не восставали, где исполнялись беззаконных стезь и погибели, и оттоле непрестанно шли далее злыми навыками от пути истины в пустыни непроходимые. Исследуем каждый себя по своей главной страсти. Если дух любочестия господствует в духе нашем: то вспомним, сколько для суетного возвышения употреблено нами постыдных унижений, лести, лицемерия, а по возвышении сколько сказано презрения, обид, жестокостей, мщения против подобных нам; сколько даже в самых делах благочестия показано ложного благочестия, поддельных подвигов, притворной ревности о славе Божией, коими, вместо угождения Богу, воскуряем был фимиам угождения собственному самолюбию. Если любостяжание преобладает сердцем нашим, то помыслим, сколько для удовлетворения сему идолу учинено и тайных и явных, и сокровенных и открытых, насильственных хищений чуждого, сколько обнаружено самых жестоких подозрений, недоверчивости, укоризн против самых искренних близких наших, и при ненасытимой жажде богатеть в себя, а не в Бога, не осквернены ли руки и святотатственными приобретениями? Если же нечистый дух любострастия владычествует в плоти нашей, то, не касаясь тайных тьмы, о чем, по Апостолу, велеть есть и глаголати, мы не найдем в себе ни мысли, ни желания, ни

чувств, ни расположения, ни начинания, ни действия; не найдем ни времени, ни места, ничего ни в себе, ни вокруг себя, чтобы не заражено было в нас тлетворным дыханием нечистых разжений.

Присовокупим к этому многоразличные растленные склонности, из главных страстей, как ветви из своих корней произрастания и не только нами в самих себе, но вредоносным влиянием и в других распространенные, усиленные: ои тогда подлинно найдем ли в целом составе духовного существа нашего хотя одно место, один малейший член целым и неповрежденным? Вот горестный образ протекшей греховной жизни и дел наших.

Посмотрим, как течет и настоящая, всегдашняя жизнь наша? Течет также в грехах, духовном нестроении, плотской беспечности, как текла прошедшая. Ибо течет по направлению прежних закоренелых навыков. Не будем уже повторять, как действуют в нас прежние, усиленные греховные навыки и расположения; посмотрим, как течет обыкновенная жизнь наша, которую едва ли мы не считаем невинной? Течет подобно суете. Мы обыкновенно живем и действуем по правилам мира; обращаемся друг с другом без назидания; говорим много праздного; делаем необдуманно; поступаем опрометчиво; судим и неправедно осуждаем; гневаемся и немилосердно губим и убиваем; обличаем и жестоко уязвляем, веселимся и неправдуем, и при нашей рассеянности, при невнимательности к себе непрестанно и всюду в самых невинных по видимому действиях претыкаемся и падаем.

При таком образе прошедшей и настоящей нашей жизни, каковы должны быть наши расположения и по отношению к будущей, дальнейшей жизни? Какова причина, таковы и действия. Еда древо зло может плоды добры творити (Мф. 7:18)? Кто многократно тяжко падал в жизни прошедшей, не престает беспечно продолжать падения в жизни настоящей, то безопасен ли от падений и вперед, в жизни последующей? О будущем каждый мечтает по своим страстям. Честолюбец в будущем видит свое величие, корыстолюбец свои корысти, сластолюбец наслаждения. А как кто думает, желает,

предполагает, так и исполнится, если Бог не разрушит злых начинаний. Доселе мы жили суетно, невоздержено, в рабстве страстей; будем жить далее, будем также жить суетно, легкомысленно, будем также рабами страстей, если Господь, умилосердившись над нами, могущественной силой Своей не извлечет нас из непрестанного кружения в вихре житейских суетностей. О! да не возлаголят уста наша всех злых дел и начинаний наших!

Итак за грехи без числа содеянные, за грехи непрестанно содеваемые, за грехи в нечистых расположениях преднамереваемые мы должны страдать, непрестанно страдать, тяжко страдать – и внешне и внутренно, и духом и телом, волей и неволей, в очистительных скорбях, посылаемых на нас правосудием Божиим и в ежедневных добровольных распинаниях плоти и умерщвлении страстей; и страданиями очищать грехи прошедшие, исправлять настоящие, предотвращать будущие. Вот собственный наш крестный подвиг, где необходимо нам страдать со Христом, распинаться со Христом, умирать тлению и воскресать в нетлении со Христом!

Подобно больным, требующим горьких врачеств для своего исцеления, в скорби и печали по Боге будем страданиями очищать грехи наши. Непрестанно каясь внутренно, и сколько возможно чаще исповедуясь пред служителями Христовыми во грехах наших, будем очищать грехи прошедшей жизни тем, чтобы единожды оставивши зло, вспять не озираться и на прежнее не возвращаться, – исправлять грехи настоящей жизни тем, чтобы укрепляя расслабленные руки и расслабленные колена, чрез распинание плоти со страстями и похотями, отымать лукавства от душ наших: исторгая из сердца привычки и пристрастия прежние; и бодренно обуздывая греховные стремления настоящего состояния, мы в силе Христовой постоянным вниманием, воздержанием и трезвением будем предотвращать грехи и дальнейшей нашей жизни. Но без трудов, без усилий, без напряжения и след. без скорбей и болезней самоотвержения этого сделать не можно. Напечатлеем, углубим в умах и сердцах наших, что если праведник многими скорбями едва спасается: то мы, грешные и

неправедные, без очистительных скорбей и страданий где явимся?

Не рыдай Мене, Мати, таинственно вещал страждущий Иисус и с креста и из гроба к утешению скорбящей и болезнущей Матери Своей, не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе; восстану бо и прославлюсь и вознесу славой и тех, которые подобно Тебе с верой и любовью страждут со Мной и ради Меня.

Что нам вещает Спаситель наш и с креста и из гроба, нам грешным, и при нашей греховности беспечно, неисправимо живущим не только в прежних грехах, но еще, как ужом долгим, привлечающим новые грехи, что ныне вещает нам с креста и из гроба Спаситель наш? Я рано заутра восстану и прославлюсь. Но как Мне вознести вас славой, когда вы нимало не сострадали, не сраспинались, не спогребались Мне?

Чающие, по благодати Господа, радости воскресения Его! В кресте Иисусовом наша слава, во гробе Его наша жизнь и радость. Но если мы доселе не стояли и не умели стоять при кресте Иисусовом, если доселе не приходили плакать на гроб Его: то отселе будем учиться стоять с Пречистой Материю Иисусовой при кресте Его, учиться с Марией Магдалиной плакать при гробе Его, дабы с Иисусом не медля восстать от мертвых дел к благодатной жизни правды и святости.

Есть еще способ скоро приготовить плащаницу для обвития пречистого тела Иисусова, – это покаяние; есть средство – скоро уготовать миры для помазания живоносного тела Иисусова, – это слезы умиления и сокрушения о грехах наших; есть средство скоро сретить Исходящего из гроба с радостью воскресения, – это твердая решимость исправления, – дабы, как Христос восстал от мертвых славой Отчей, так и нам ходить во обновлении жизни!

Восстать в нас, Господи Иисусе, силой живоносного воскресения Твоего, яко да в исправлении жизни нашей воспоеем и поем силу Твою! Аминь.

44. Беседа о сошествии во ад Иисуса Христа, искупителя мира

Днесь ад стена волиет: разрушися моя власть; приях яко единого от умерших, сего держати отнюдь не могу, но погубляю с Ним, ими же царствовах: аз имех мертвцы от века, но Сей – се всех воздвигает.

Стихира в вечерню в. суб.

Сия есть благословенная суббота, сей есть упокоения день после предшествовавшей печали, поет ныне радостно св. Церковь. Подлинно сия благословенная суббота есть день покоя, есть день упокоения Сына Божия, после крестного подвига очищения грехов всего мира, тридневным живоносным сном уснувшего, ест день покоя и для земли, по причине устремления духа тьмы и всех неприязненных сил его в преисподнюю ада. Духи темные в этот день, по гласу князя тьмы, ринулись с земли со всей злобой во ад, для того, чтобы совокупными силами противустать могущественному Узнику, Который, сломив железные вереи и сокрушив медные врата, могущественно снисшел в узилище вечного мрака; снизошедши радостотворным светом осиял преисподнее жилище, благотворной теплотой милости согрел души умерших, от века содержащих узников, души не только в неверии и нечестии, но и в вере и покаянии умерших людей. – Когда грех, как заразительная язва, вошел в мир, и грехом смерть, а смерть простила свое владычество на всех людей, потому что все были заражены и заражались грехом (Рим. 5:12): то люди, по общему закону греховного тления умирая, все вообще исходили в ад, доколе Христос, как Искупитель всех человеков, не прошел бессмертно путь смерти, и не открыл путь в райское святилище (Евр. 9:8), могущественно и победоносно из бездн адских вошедши в самое небо, дабы ходатайствовать о нас пред лицом Божиим (24). И так все адские неприязненные силы с своим князем тьмы устремились темной силой своей на необыкновенного Узника. Но обретши в этом чудном Узнике одну небесную истину, одну чистейшую правду, одно сияние

Божественных добродетелей, недоступное темному действию их, напротив, как заразительную мглу, их рассеивавшее, как зловредный дым, рассыпавшее, с ужасом отступили от победоносного Пленника, или паче, от имевшего ключи ада и смерти Победителя, в преисподнюю тьму побегли и в глубине тартара сокрылись. «*Отверзошася Тебе, Господи, поет Церковь о славном сошествии во ад Победителя смерти, отверзошася страхом врата смертная, вратницы же адovy видевше Тя убояшася: врата бо медная сокрушил еси, и вереи железныя стерл еси*» (Стихира воскр. 2 глас. на в. вечерии).

Кто же это толико сильный и могущественный Узник, ужас для власти темной, радость для узников смерти, жизнь и веселье и для всех живущих? Это Сын Мариин, снисшедший с душей во ад, яко Бог. Так, и по естественному закону смерти, и по общему учению Церкви, и по ясному свидетельству Слова Божия, Искупитель наш, Богочеловек Иисус, по разрешении смертью души Его от тела, во время нетленного почивания пречистого тела во гробе, Божественной душой по общему закону смертных, нисходил в ад, в преисподнее обиталище душ по смерти; снисходил в ад, не как узник греха и пленник тления, но как Победитель смерти и ада. Умерший плотью, но присно живой Духом, Он в силе Божественного, Животворящего Духа сошел в преисподня, и там сперва обессилил, низложил Божественной Своей Правдой и Святостью темные начала и власти, открыто обличил немощь и злобу их, и восторжествовал над ними (Кол. 2:15). поскольку князь тьмы не обрел в Нем ничего для темной своей власти (Ин. 14:30). Рассеяв Божественной силой врагов Своих, Христос и в адской темнице, до сошествия Его в ад содержавшей души всех умиравших, проповедал духам, как говорится в первом послании св. Апостола Петра (1Пет. 3:18–20), противившимся иногда ожидавшему их Божию долготерпению во дни Ноевы, в то время, когда строил Ной ковчег.

Ужели же Христос, Победитель смерти и ада, и Освободитель Праведных душ из узилищ адовых, проповедал одним допотопным грешникам, и что Он проповедал? Что проповедует царь, когда в день всеобщей победы над врагами и

победного величия славы своей простирает милость свою и до узилищ преступников, входит в оные, обходит мрачные храмы заключенных, что тогда царь возвещает узникам? Конечно, вообще возвещает узникам милость свою о облегчении участии их, если они исправятся, а содержимым за легчайшие преступления возвещает даже прощение и свободу. Тоже и Царь неба и земли – Христос возвещает в адской темнице всем вообще узникам милость бесконечного Своего искупления, примирение с Богом и прощение преступлений их ради Божественных заслуг Его, если они обратятся к Нему верой и упованием. В тоже время Он, исходя со славой из узилищ ада и смерти, вывел с Собой души от века верных, издалеча видевших пришествие Его, целовавших обетования о Нем, и в сладком чаянии спасения через обетованного Избавителя скончавших жизнь свою (Евр. 11:13,39). Тогда же отверз и рай для всех верных душ, в который введен со всеродным праотцом Адамом и верными праотцами и благоразумный разбойник со креста.

Почему же Христос – Победитель смерти и ада, общий Искупитель и Избавитель человеков, представляется проповедующим в адской темнице милость Свою одним душам допотопных людей, противившихся долготерпению Божию, простиравшемуся к ним в проповеди Ноевой? Потому что допотопные преступники представляются, как особенный пример ожесточенных и упорных грешников, которые при очевидном, продолжительном для них действии призывающей их к обращению благости Божией, оставались нераскаянными и неисправимы. Хотя праведный Ной в продолжение ста двадцати лет проповедовал погрязшим в плотских нечистотах своим современникам о всемирном потопе, имевшем в потребительных водах погрузить всю землю, проповедовал и устным возвещением и необыкновенным строением огромного ковчега и поразительным для взора приготовлением всего нужного к спасению своего семейства и животных, на суще живущих: но обуявшие в чувственной – скотоподобной жизни были глухи для проповеди праведника и слепы для

происходившего пред глазами их необыкновенного строения ковчега.

А впрочем когда открылся всемирный потоп и люди, спасая себя от потопных вод на всех высотах, и всюду будучи достигаемы всепоглощающими водами, при ужасе очевидной смерти, без сомнения, приходили в чувство своих беззаконий и в слезных воплях каялись пред Богом: отселе они, как положившие при смерти начало к своему спасению покаянием, и представляются особенно предметом спасительной проповеди милосердия Исповеди. Если же и самым ожесточенным преступникам проповедана Спасителем в аде милость и обетование прощения под условием принятия верой заслуг Его: то кольми паче прочим, менее ожесточенным грешникам благовестовано Им во аде всеобщее искупление и чаяние спасения.

Что же такое ад? Что темница адская? Что врата и заклепы адские? Ад, преисподня, есть место всегдашнего мрака, место отсутствия света лица Божия, место лишения благодатной теплоты мира, любви и благости, место всегдашней печали, уныния, вздохов, воплей, отчаяния. Адские узилища суть различные состояния скорби и печали, по различному греховному состоянию душ, которые, по роду пороков и преступлений, по мере тяжести и множеству содеянных ими злодеяний, занимают и сообразные им узилища мрака, хлада и ужаса.

Отселе врата, твердыни, заклепы и вереи адские суть та сила злых духов, те смертные и противоестественные грехи, посредством которых человек становится пленником диавола, как то: ожесточенная и нераскаянная зависть, злоба, мщение, злоухищрение и коварство, гордость и сребролюбие, необузданное плотоугодие и сладострастие, все те ожесточенные во зле расположения и растленные навыки, не дающие места умилению и сокрушению, покаянию и исповеданию грехов, смирению и кротости, благожеланию и благотворению.

Христос разрушил заклепы злых темных сил Своим бесконечным милосердием, вереи железные адского

владычества сломил своими безпределными заслугами, и от века сидящих во тьме и сени смертной извел во свет жизни Своей благостью и милостью, правдой и святостью, которые вполне в Нем соединились и, соделавшись очистительной жертвой за всех людей, преизбыточествовали и на самых великих, но не нераскаянных и не ожесточенных грешниках и силой Своего Божества самого исконного врага, делателя всякого зла, с его темными силами связал узами адского мрака, т.е. ограничил его в темной власти и в злобных злоухищренных действиях, посредством которых он омрачает и ожесточает людей неправдами и беззакониями (2Пет. 2:4). Посему ныне князь тьмы с духами злобы поднебесными в благодатном царстве Христовом, в Церкви Его и в верных не дерзают ничего открыто действовать, как токмо тонкими злоухищрениями, и всюду именем Христовым, силой и знамением креста с живой верой употребляемыми, прогоняемы бывают. Убо сия благословенная суббота есть день благодатного новотворения, в который Единородный Сын Божий, победив смерть в самом аде, извел нас от врат смертных Своим победоносным исшествием из ада, за которым последовало и живоносное воскресение Его.

Поелику же начало мысленного ада полагается в нашем сердце, в омрачение ума, в потемнении смысла, в потере благочестия, в отступлении духа преступлениями от Бога: то будем молить Искупителя нашего, Христа Господа, чтобы сошел действительно Божественными Своими заслугами в наше сердце, и благовестив оправдание, примирение и прощение нашему духу, извел оный из сени смертной в свет жизни и правды. А если к ужасу в основании нашего сердца уже положены начатки кромешной тьмы, тяжких, закоренелых пороков, похоти плоти, похоти очес и гордости житейской: то будем вопиять к Божественному Победителю смерти и ада, чтобы сошел Своей благодатной силой и крепостью в основания растленного существа нашего и там сокрушил медные врата и железные вереи наших господствующих, преобладающих нами страстей, рассеял в нас мысленный мрак светом Божественной истины Своей, согрел хладное в истинной любви к Богу и ближним

сердце наше, растерзал узы греховных пристрастий и преступных навыков наших, извел нас из внутренней тьмы и сени смертной, и силой воскресения Своего восставил нас на путь правды и истины, да якоже восстал Он сам славой Отчей, тако и мы в обновлении жизни ходити воскресением Его начнем (Рим.6:4). Аминь.